

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ISSN 2949-3714

**Записки Забайкальского отделения
Российского исторического общества**

**Notes of the Transbaikal Branch
of the Russian Historical Society**

**2022
№ 1 (2)**

ISSN 2949-3714

**Записки
Забайкальского отделения
Российского исторического общества**

**Notes
of the Transbaikal Branch
of the Russian Historical Society**

2022
№ 1(2)

**Записки
Забайкальского отделения
Российского исторического общества
№ 1(2), 2022**

Издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет».

Издаётся с декабря 2021 г.

Периодичность: 2 раза в год.

Язык издания: русский, английский.

Политика журнала – информировать научное сообщество об исследованиях по отечественной истории, истории Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья. Публиковать результаты оригинальных работ, знакомить общество с новыми тенденциями исторической науки.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение материалов статей. Высказанная в статьях позиция может не отражать точку зрения редакции.

Правила для авторов опубликованы в конце издания

Публикация в журнале бесплатная.

Адрес редакционной коллегии:
672039 Россия, г. Чита,
ул. Александро-Заводская, д. 30
Забайкальский
государственный университет,
историко-филологический факультет

Главный редактор

Дроботушенко Е. В., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Редакционная коллегия

Антропов Р. В., кандидат юридических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Волочаева А. В., кандидат исторических наук (г. Чита, Россия)

Камнева Г. П., кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Кузнецов В. В., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Ланцова Ю. Н., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Пряженникова М. В., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Сотников С. А., кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Сотников А. А., кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Цацралт Батсуур, доктор философии (г. Улан-Батор, Монголия).

Яремчук О. А., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Редактор К. Р. Потапова
Вёрстка Н. Ю. Добрецькой

Подписано в печать 06.07.2022.

Дата выхода в свет 08.07.2022.

Формат 60×84/8. Бумага ксерографическая. Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 10,3. Уч.-изд. л. 8,0. Заказ № 22057. Тираж 500 экз. (1-й з-д 1–50 экз.).

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

**Notes
of the Transbaikal Branch
of the Russian Historical Society
No. 1(2), 2022**

Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Transbaikal State University".

Published since December 2021.

Frequency: 2 times a year.

Edition language: Russian, English.

The journal's policy is to inform the scientific community about research on Russian history, the history of Siberia, the Far East and Transbaikalia. To publish the results of original works, to acquaint the society with new trends in historical science.

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the materials of the articles.

The rules for authors are published at the end of the publication.

Publication in the journal is free.

Address of the Editorial Board:

672039, Russia, Chita,
Alexandro-Zavodskaya Str., 30
Transbaikal State University,
History and Philology Faculty

Editor-in-Chief

Drobotushenko E. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)

Editorial Board

Antropov R. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Russia, Chita)

Volochaeva A. V., Candidate of Historical Sciences (Russia, Chita)

Kamneva G. P. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia)

Kuznetsov V. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)

Lantsova Yu. N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)

Pryazhennikova M. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)

Sotnikov S. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia)

Sotnikov A. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia)

Tsatsralt Batsuur, PhD (Ulaanbaatar, Mongolia).

Yaremchuk O. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)

Editor K. R. Potapova
Layout by N. Yu. Dobretskaya

Signed for printing on 06.07.2022.

Release date 08.07.2022.

Format 60×84/8. Xerographic paper. Digital printing method.

CONV. print I. 10,3. Uch.-ed. I. 8,3. Order no. 22057. Circulation 500 copies. (1st plant 1–50 copies).

Printed at FSBEI HE "Transbaikal State University"
672039, Chita, st. Alexandro-Zavodskaya, 30

Содержание

Мясникова Г. В. Нерчинские горные заводы и рудники в графике, чертежах и планах XVIII–XIX вв.	6
Куренная И. Г., Виткаускас Е. Н. Объект военно-исторического наследия Забайкальского края здание Читинского военного полугоспиталя в истории г. Читы	14
Волочаева А. В. Уголовная каторга в Забайкалье по материалам Государственного архива Забайкальского края	21
Мясников А. В. Карийские золотые промыслы под управлением И. Е. Разгильдеева	25
Таскин Д. А. Советская историография партизанского движения в Восточном Забайкалье	32
Баринев А. О. Освещение Хабаровского похода белоповстанческой армии в 1921–1922 гг. на страницах газеты «Дальне-Восточный телеграф»	37
Ланцова Ю. Н. Развитие КВЖД в первые годы совместного советско-китайского управления (по материалам «Вестника Маньчжурии»)	43
Беспалько Д. Н. Практика закрепления охотничье-промысловых угодий за колхозами в северных районах Забайкалья в 1950-е гг.	49
Дроботушенко Е. В. Переписка председателя правления Казачьего Союза в Шанхае И. Н. Шендрикова как источник по истории российской эмиграции в Китае	54
Васильева Т. Г. Из истории школ Читинской области в 40–60-е гг. XX в.	59
Пряженникова М. В. Научно-исследовательская и методическая деятельность Читинского государственного педагогического института в 1959–1960 учебном году	64
Константинова Н. Н. Изучение и популяризация наследия декабристов (на примере деятельности Читинского краеведческого музея)	69
Вайраух Т. Монгольская народная партия	76

Contents

Myasnikova G. V. Nerchinsk Mining Plants and Mines in the Drawings, Plans and Schemes of the XVIII–XIX Centuries	6
I. G. Kurennaya, E. N. Vitkauskas The Object of the Military-Historical Heritage of the Trans–Baikal Territory is the Building of the Chita Military Semi-Hospital in the History of Chita	14
A. V. Volochaeva Criminal Penal Servitude in Transbaikalia Based on the Materials of the State Archive of the Trans-Baikal Territory	21
A. V. Myasnikov Karian Gold Fields under the Management of I. E. Razgildeev	25
D. A. Taskin Soviet Historiography of the Partisan Movement in Eastern Transbaikalia	32
A. O. Barinov Coverage of the Khabarovsk Campaign of the White Rebel Army in 1921–1922 on the Pages of the Newspaper “Dalne-Vostochny Telegraph”	37
Y. N. Lantsova Development of the CER in the early years of joint Soviet-Chinese administration (Based on materials from the “Bulletin of Manchuria”)	43
D. N. Bespalko The Practice of Securing Hunting and Fishing Grounds for Collective Farms in the Northern Regions of Transbaikalia in the 1950-s	49
E. V. Drobotushenko Correspondence of the Chairman of the Board of the Cossack Union in Shanghai I. N. Shendrikov as a Source on the History of Russian Emigration in China	54
T. G. Vasileva From the History of Schools of the Chita Region in the 40–60s of the XX century	59
M. V. Pryazhennikova Research and Methodological Activities of the Chita State Pedagogical Institute in the 1959–1960 Academic Year	64
N. N. Konstantinova Studying and Educating the People about the Decembrists’ Heritage (Case study of the Chita Regional Museum)	69
T. Weyrauch The Mongolian People’s Party	76

**Нерчинские горные заводы и рудники
в графике, чертежах и планах XVIII–XIX вв.**

Галина Васильевна Мясникова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

chita131957@yandex.ru

История горного дела в Забайкалье нашла отражение в многочисленных и разнообразных документах, среди которых особенное место занимают рисунки, чертежи и планы выполненные, преимущественно, горными специалистами или художниками. Графические материалы имеют серьёзный потенциал в качестве источников для создания реконструкций облика и устройства заводов, но не часто используются в исторических исследованиях. Цель данной статьи – обратить внимание на обширный пласт графического наследия Нерчинского горного округа. Ряд чертежей и рисунков, приведённых в статье, публикуются впервые.

Ключевые слова: Нерчинские заводы, Нерчинский горный округ, графика, чертежи, планы, рисунки, Забайкалье

**Nerchinsk Mining Plants and Mines in the Drawings,
Plans and Schemes of the XVIII–XIX Centuries**

Galina V. Myasnikova

Transbaikal State University, Chita, Russia

chita131957@yandex.ru

The history of mining in Transbaikalia is reflected in numerous and various documents, among which a special place is given to drawings, plans and schemes made mainly by mining specialists or artists. Graphic materials have a serious potential as sources for creating reconstructions of the appearance and structure of plants, but are not often used in historical research. The purpose of this article is to draw attention to the wide layer of graphic heritage of the Nerchinsk mountain region. Some plans and drawings presented in the article are published for the first time.

Keywords: The Nerchinsk plants, The Nerchinsk mountain region, graphics, plans, schemes, drawings, Transbaikalia

В истории Забайкалья Нерчинские сереброплавильные заводы сыграли важную роль. Как известно, им принадлежали рудники, земли, сенокосные и лесные угодья, приплодный табун лошадей. Весь этот территориально-хозяйственный и промышленный комплекс образовывал Нерчинский горный округ. Отсюда в казну поступали серебро, золото и драгоценные камни. Нерчинские заводы принадлежали императорскому Кабинету с 1787 г.

Для изучения их истории в основном используются государственные указы, ведомственные инструкции, деловая и личная переписка горных служащих, начальников, мемуары, газетные публикации, статьи, работы историков, экономистов, геологов. От исследователей зачастую скрыты чертежи и рисунки, сделанные заводскими специалистами или приезжими художниками. В лучшем случае эти

материалы используют для иллюстрации научных и научно-популярных работ.

В тоже время названные источники имеют огромную ценность, поскольку позволяют реконструировать внешний вид горнозаводских поселений, позволяют разобраться в устройстве рудников, плавильных печей, плотин, воздуходувных машин, обогатительных фабрик, различных механизмов. По своей сущности – это графическая летопись развития горного дела края. Кроме того, многие чертежи и рисунки имеют эстетическую ценность и заслуживают внимания как произведения искусства.

Одним из первых таких чертежей был «Чертёж серебряного дела и руд» 1701 г., выполненный знаменитым изографом земли сибирской, учёным-энциклопедистом Семеном Ульяновичем Ремезовым. На нём показан первый в России Нерчинский сереброплавильный

завод – и его окрестности. Река Серебрянка, у которой он стоял изначально, изображена в виде тонкой изогнутой линии. Окаймляющие её горы тоже обозначены весьма схематично – линией и надписью «камень», рядом с которой изображен крест. В нижней части чертежа весьма условно показаны горы с лесом. Надпись «Чернолесье на камнях» указывает, что на них преимущественно росли черные березы. Следует выделить, что, если следовать чертежу, к началу XVIII в. к заводу прилегали около 30 различных построек: бани, «балаганы для работных людей», избы, зимовья, часовня, амбар, кирпичные сараи, горны, галиды (сереброразделительные печи), мост, колодец, загон для скота, огороды [10, с. 186]. Следовательно, после 1689 г., когда завод был заложен, вокруг него сформировалось небольшое поселение. Люди там не жили постоянно, поскольку добыча и выплавка серебра производились только летом и то нерегулярно.

Слева от заводских построек, вдоль притока р. Серебрянки С. У. Ремезов штриховкой обозначил старые, новые и Богатую «ямы» – горные выработки, где добывали серебросодержащую руду. Это вполне согласуется с отписками воевод и другими документами начала XVIII в., в которых упомянуты старые, новые верхние и нижние ямы.

Рассматривая ремезовский чертёж, не стоит забывать, что сам Семен Ульянович не был в Забайкалье, не видел воочию того, что изображал. Он чертил, опираясь на рассказы, схемы, отчёты землепроходцев, служилых людей. Поэтому его произведение следует воспринимать не как точную карту или план расположе-

ния зданий, производственных объектов, а как приблизительную, но довольно информативную схему.

Хорошим дополнением к нему служит перспективный чертёж окрестностей р. Серебрянки, датированный 1704 г. и хранящийся в Российском государственном архиве древних актов (рис. 1).

В отличие от чертежа С. У. Ремезова, на рисунке не показаны все строения завода, а обозначено лишь «рудокопное зимовье», стоявшее недалеко от устья «Рудокопного ручья», впадающего в р. Серебрянку. Зато сама река и её многочисленные притоки выведены в виде чётких волнистых линий, закрашенных тёмной тушью. Вокруг них прочерчены тонкие линии и схематичные изображения деревьев. Подобным приёмом С. У. Ремезов изображал горы. Историк и краевед А. В. Мясников, выявивший и опубликовавший фрагмент этого чертежа, на основании его сопоставления с современными картами, предположил, что «рудокопное зимовье» с заводом могли находиться в урочище Никольском, в 5–7 километрах к северу от современного села Нерчинский Завод [12, с. 46].

Завод был перенесен к подножию горы Крестовой, на берег р. Алтачи к 1720 г. Вокруг него быстро выросло поселение с церковью, плавильными фабриками, первой в Восточной Сибири школой, домами крестьян, рабочих и горных чиновников. Именно эти изменения и запечатлел на своём рисунке в 1737 г. приехавший с Урала воспитанник математической и навигацкой школы Петр Яковлев. Он изобразил Нерчинский Завод с юга: откуда открывается вид на гору Крестовую (Крестовку).

Рис. 1. Перспективный чертёж окрестностей реки Серебрянки. 1704 г. [13, л. 15–16]

На его рисунке не сложно заметить, что почти все административные и производственные здания завода находились на левом берегу р. Алтачи. Большинство домов со служебными квартирами имели вытянутую форму, стояли параллельно друг другу. Плавильные фабрики, сараи для хранения припасов и руды находились близко к руднику в горе Крестовой. Между постройками пролегли извилистые тропинки. Прямых дорог и улиц практически не было. На правом берегу стояли частные дома, кузница. В одном из распадков Крестовки П. Яковлев схематично показал многочисленные горные выработки, в том числе одну из старейших и знаменитых в крае – Троицкий пролом. Все значимые объекты художник прорисовал весьма подробно, пронумеровал, в левом нижнем углу привел их перечень. Отсюда мы также узнаём, что при заводе был амбар, где хранилось серебро, крытый столб с российским гербом «для охранения публичных указов», печи для обжига руд, кузница, сушило, бани. В тоже время детали рельефа, река получились у Яковлева плоскими, схематичными. Он создал нечто среднее между рисунком и планом. Но, несмотря на схематичность присущую его работе, по ней уже легко сориентироваться, где находились заводские строения, представить, как они выглядели.

Долгое время Нерчинский завод оставался единственным сереброплавильным предприятием в Даурии. Однако с середины XVIII в. столетия в связи освоением края, с открытием новых рудников, предпринимались попытки строительства новых заводов. Петр Яковлев выбрал место для завода на р. Уров в 1749 г. Предприятие, названное Уровским заводом, строили в течение нескольких лет, но строительство ввиду нехватки рабочих рук пришлось прекратить. Впоследствии были открыты Дучарский (1760), Кутомарский (1764), Екатерининский (1776), Шилкинский (1769), Газимурский (1778), Александровский (1792) сереброплавильные заводы. Кроме того, в 1776 г. на р. Аргунь купец Михаил Сибиряков построил первый в Сибири частный сереброплавильный завод, названный Воздвиженским. Помимо сереброплавильных заводов в округе действовали Курунзулайский медеплавильный и Петровский железоделательный заводы.

Известна серия рисунков с видами некоторых из перечисленных предприятий, выполненная в конце XVIII в. Эти произведения поступили в Государственный исторический музей в 1924 г. [9, с. 11]. Их авторство остается предметом дискуссий. В частности, И. П. Ерохина предполагает, что создателями рисунков мог

быть натуралист Эрик Лаксман или его помощник шихтмейстер Малафеев [Там же, с. 11]. Подпись под некоторыми рисунками «Обер-бергмейстер и кавалер Иван Черницын» и дата: «1797 года октября 5 числа», позволяют предположить, что их автором мог быть начальник Нерчинских заводов, ученик изобретателя Ивана Ползунова – Иван Иванович Черницын [11, с. 281]. В литературе встречаются упоминания, что он отправлял какие-то рисунки с видами заводов в Петербург [14, с. 52].

Самым растиражированным рисунком данной серии является «Вид Нерчинского Завода к северу лежащего с Троицкой и Култукской горой с Култукскими работами». На нём запечатлена петляющая р. Алтача, от которой в сторону домов и фабрик идут тропинки. Почти все здания ютятся под огромной горой Крестовой. Плавильные фабрики напоминают огромные сараи. В правой части композиции видна колокольня Петропавловского собора, а неподалеку от него шестиугольное здание – минеральный кабинет, первый музей Забайкалья, основанный в 1788 г.

Гораздо менее известен рисунок «Вид Нерчинского Завода с лежащею к полудню Воскресенскою горою первых работ». Он подписан И. И. Черницыным в 1797 г. Большую часть композиции занимает большая двуглавая сопка, на склоне которой стоят дома. В левой части изображения находятся административные здания. Они больше остальных и образуют комплекс с внутренним двором. Рядом с ними располагается сад. Правую нижнюю часть работы занимает здание плавильной фабрики. Этот рисунок пока сложно соотнести с каким-либо местом на территории современного Нерчинского Завода. Остаётся надеяться, что в окрестностях села или других уголках края оно будет обнаружено.

Весьма примечателен рисунок «Вид Шилкинского завода с лежащим подле его Павловским рудником». Шилкинский Завод был построен в 1769 г. в устье р. Чалбучи, впадающей в р. Шилка. Инициатором строительства выступил знаменитый начальник Нерчинских заводов Василий Иванович Суворов. Позднее при заводе была заложена стекольная фабрика. На изображении можно увидеть небольшое селение под горой Павловского рудника. Дома расположены вдоль р. Чалбучи, либо у подножия самой горы. Слева картины виден фрагмент заводского пруда – на Чалбуче была построена плотина. От пруда к зданию фабрики тянется водопровод, следовательно, к моменту создания рисунка завод был вододействующим. Художник отобразил ещё одну приметку времени –

изгородь на пути к фабрике. Подобные преграды ставились на забайкальских заводах XVIII в. для защиты от вероятных набегов со стороны кочевников и беглых бандитов. В документах нет упоминания о том, чтобы фортификации при заводских селениях хоть раз пригодились.

Пали и ограждения присутствуют на рисунке с видом Газимурского Завода. Есть они и на картине с самым младшим из заводов Нерчинских – Александровским. На ней изображена плавильная фабрика с дымящимися трубами. Вокруг неё лежат кучи шлака, угля и руды. Поодаль видны всего несколько маленьких домиков. Заводское селение, скорее всего, ещё не успело отстроиться. Ведь завод был запущен только в 1792 г.

В начале XIX в. ещё одну серию видов Нерчинских заводов создал мастер живописи и рисования Эрмитажа Василий Петрович Петров. Он ездил по уральским и сибирским заводам с 1801 г., а в 1803 г. прибыл в Петровский Завод. Здесь художник зарисовал огромный заводской пруд, на одном из берегов которого раскинулся большой поселок с плавильными фабриками, двухэтажными домами чиновников, небольшими избышками служащих и крестьян, огородами на склонах сопки. Петровскому заводу тогда было 14 лет. Тем не менее, вокруг него уже развивался большой населённый пункт. Это было обусловлено тем, что Петровский Завод снабжал край изделиями из дорогого за Байкалом железа. Спрос на них год от года возрастал, что привлекало купцов. Горная власть направляла сюда специалистов, развивавших производство, рабочих. На рисунке В. Г. Петрова на противоположном берегу от заводского посёлка возвышается церковь. Рядом с храмом стоит всего одна скромная изба, но он всё равно привлекает к себе внимание, словно противостоит суетной жизни.

Мастер написал панораму «Вид Нерчинского Завода с юго-западной стороны, который от стен Петербурга на расстоянии 7 248 верст» в 1804 г. Для её создания использовал тушь и акварель. Он не делал акцент на огромной горе Крестовой, в недрах которой добывали серебросодержащую руду, а обратил внимание зрителя на плавильни, дома, сады, уходящие вдаль и растворяющиеся в дымке гряды сопки. В том же году им был написан вид в саду начальника Нерчинских заводов.

Другая знаменитая акварельная панорама Нерчинского Завода анонимного автора хранится в Забайкальском краевом краеведческом музее. Зрителю старинное село предстаёт со склона Крестовки, у подножия её гуляют дамы в нарядных платьях, стоят два горных офицера.

Справа виден собор. Возможно, люди, изображенные на рисунке, недавно вышли из церкви. Позади них – р. Алтача, вдоль которой идут девушка с коромыслом, крестьянин с ведром. За рекой – множество домов, улицы, зеленые сопки. Архитектура завода изображена во всех подробностях: отчётливо видны колонны, украшавшие вход в купеческие и казённые здания, белые стены, покрытые штукатуркой.

На обратной стороне акварели есть надпись: «1829 г. Справа – Кандинская. Слева Ф. И. Бальдауф, Ф. Ф. Фриш с Калерией Ф.». Кандинские были влиятельными купцами, в Нерчинском Заводе, у них была своя усадьба. Федор Иванович Бальдауф, поэт и горный инженер, часто приходил к ним в дом, читал стихи на литературных вечерах. Краевед Е. Д. Петряев утверждал, что Калерия Ф. (Фриш) – возлюбленная Ф. Бальдауфа. Её отец Федор Фриш, член горной экспедиции, не хотел, чтобы дочь выходила замуж за бедного поэта. Существуют веские причины сомневаться во времени создания акварели, ибо на ней изображена Базарная площадь, спроектированная в 1837 г., а заодно и усадьба Кандинских, один из домов которой, построили в 1850-х гг. В совокупности указанные нюансы могут свидетельствовать, что рисунок следует датировать серединой XIX в.

При строительстве заводов создавалось большое количество чертежей, планов, зарисовок, хранящихся сейчас в разных архивах и музейных собраниях. Многие общие планы предприятий настолько подробны, что позволяют определить с большой точностью на местности не только само местонахождение завода, но и всех его строений, узнать массу интересных деталей.

Таков, например, план Воздвиженского завода купца Михаила Сибирякова [13]. По нему видно, что для завода было выбрано удобное место в излучине р. Аргунь, у впадения в неё р. Записиной. Здесь, на просторной долине, окаймленной сопками, расположились многочисленные постройки предприимчивого купца. На р. Записиной он поставил четыре мельницы. При её устье на правом берегу построил амбары. У берега р. Аргунь стояли крестьянские избы с амбарами, дома самого М. Сибирякова, контора для производства письменных дел. Кожевня, представлявшая собой крестообразное в плане здание, находилась на окраине заводского посёлка. Производственный корпус был вынесен за его пределы, огорожен небольшой крепостью, куда можно было попасть только через ворота. Под защитой крепостных стен находились плавильные фабрики

с печами, горны, меховая, столярная, слесарная мастерские, амбары для свинца. Завод работал на конной тяге. Недалеко от крепости, у самого берега Аргуни, М. Сибиряков построил госпиталь. Очевидно, Воздвиженский завод был небольшим производственным посёлком, в котором было чёткое деление на «жилую» и «производственную» части.

Другие планы и чертежи показывают не заводское поселение в целом, а какие-то его детали. В этом отношении интересен план печей Воздвиженского завода. По нему отчётливо видно, что значительное место в плавильной фабрике занимала погонная, в которой по кругу ходили лошади и приводили в действие меха, нагнетавшие воздух в плавильные печи [1, л. 47]. Точно также чертёж, так называемых карамышевских печей, даёт представление об этих конструкциях, внедрившихся на Нерчинских заводах в 1780 г. известным учёным и горным специалистом Александром Матвеевичем Карамышевым. Их особенностью была увеличенная эллипсоидная конфигурация внутреннего пространства – нутра печи [2, л. 180]. А. М. Карамышев полагал, что за счёт изменения нутра будет увеличена производительность. Немало полезных сведений об устройстве и внешнем виде печей, использовавшихся в XVIII в. на Нерчинских заводах можно почерпнуть из чертежа печей Екатерининского завода 1791 г. Их внутренняя часть имела форму свода. К ней примыкала фурма, по которой поступал воздух. Сверху печь закрывал большой купол [6, л. 475–476].

Иногда печи ломались, подвергались деформациям, что зафиксировано на одном из чертежей плавильной фабрики Александров-

ского Завода 1800 г. [5, л. 543] На нём отчётливо видно, что почва под фундаментом печи приподнялась и просела, а сама печь покосилась и надломилась. Причиной тому послужило промерзание и оттаивание грунта, пучение бугров.

Большое количество чертежей на рубеже XVIII–XIX вв. было создано в Петровском Заводе. К ним относится чертёж паровой машины разработанной механиком Федором Борзовым. Стоит выделить, что его механизм был слишком тяжёлым. Детали чугунной машины крестьяне не смогли перевезти через Яблоновый хребет и оставили груз. Замечательные чертежи сталелитейной печи и молотобойного механизма оставил после себя опальный барон Готтлиб Гумпрехт, отбывавший наказание на Кличкинском руднике, а с 1796 г. трудившийся на Петровском заводе. Фактически он стал одним из пионеров сталелитейного производства Забайкалья. Сохранились и чертежи машины-монокомпаунда двойного действия, изобретённой в 1817 г. механиком Степаном Васильевичем Литвиновым.

Горнозаводская администрация стала создавать технические атласы заводов в 30-х гг. XIX в. Это были небольшие по объёму (чаще всего не более 20 листов) подборки чертежей плавильных печей, фабрик, обогатительных устройств, плотин и других производственных объектов. Так, в «Атласе механических строений при Газимурском заводе» [7] можно увидеть план и разрез плавильной фабрики, чертежи плавильных и серебряноразделительных печей. Последние выглядели как большие купола с пристройкой (рис. 2).

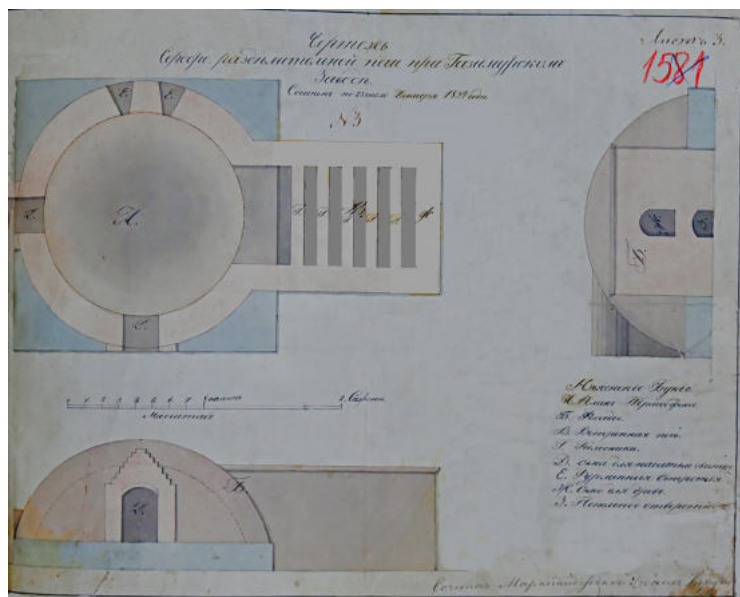

Рис. 2. Чертеж серебряноразделительной печи в Газимурском Заводе 1834 г. [7]

Аналогичные атласы характеризовали оборудование и других заводов. В общих чертах оно было почти одинаковым. Имелись различия в количестве печей, устройстве водоналивных приспособлений. На Шилкинском заводе действовала стекольная фабрика. Поэтому её чертёж обязательно входил в атлас, посвящённый этому заводу (рис. 3).

Горная администрация следила за тем, чтобы иметь качественные чертежи, планы не только заводов, но и рудников. Обычно за их подготовку отвечал маркшейдер или офицер, управлявший рудником. В нижней части маркшейдерского чертежа всегда находился профиль горы и работ. Гора представлялась в разрезе, с прочерченными шахтами, штольнями, «гнездами», обнаруженными пещерами. Выработки, проходившие по разным породам, окрашивались в разные цвета. Цветовое обозначение использовалось также для того, чтобы различать прошлогодние работы от новых. Выше профиля чертился план рудника. Вид работ «в разрезе» и вид «сверху» соединялись пунктирными линиями. Чуть выше были нарисованы обозначения сторон света. А. М. Карамышев впервые в истории заводов потребовал от подчинённых указывать на чертежах названия каждой выработки.

В XIX в. для некоторых значимых рудников были подготовлены подробные чертежи, напоминающие атласы. Они очень интересны, так как по ним можно проследить историю разработки месторождения. На первом листе изображалось все устройство рудника. На следующих листах показано, когда какие выработки появились, по каким породам они проходили и т. д.

Каждый лист соответствовал определённому «этажу» рудника. Перелистывая чертёж-атлас, мы, словно снимая с горы слой за слоем горизонт, проникаем в неё всё глубже и глубже. Авторы чертежей позаботились и об исчерпывающих пояснениях.

Хорошим примером этого вида документов служит чертёж Кличкинского рудника [8], подписанный двумя известными горными инженерами Евгением Гавриловичем Чебаевским и Петром Михайловичем Черниговцевым (рис. 4).

Он открывается профилем и планом самой горы Кличкинского рудника и его кратким описанием: «Найден в 1780 году в большой крутой горе, имеющей весьма крупные разлоги по течению речки Урулюнгуя на левой, а ключа Цаган-Золотуя на правой стороне. Руды простираение имеют от Полуденно-Востока к Северо-Западу; лежат жилою, падающую на Северо-Восток в 60 градусов. Внутренние же работы сего рудника большею частью от давняшнего и малого действия работ, некоторые от сжатия, другия же за гниlostию горного крепления обрушились» [8]. Также представлен разрез горы с выработками и планом Петровской (начальной) шахты первого (верхнего) этажа. Комментарий к плану краток, но содержателен: «Начальная Петровская шахта спущена по руде состоящей из свинцового блеска, серного колчедана с частию железистых охр и плавикового шпата; отступя от оной шахты в Северо-Восточную сторону на 15 ½ сажени по видимым прежним шурфам рудам углублялась вновь заложенная разведочная Александровская шахта...». Последний лист посвящён

Рис. 3. Шилкинская стекольная фабрика. Проект Л.И. Иванова (Фрагмент) [7]

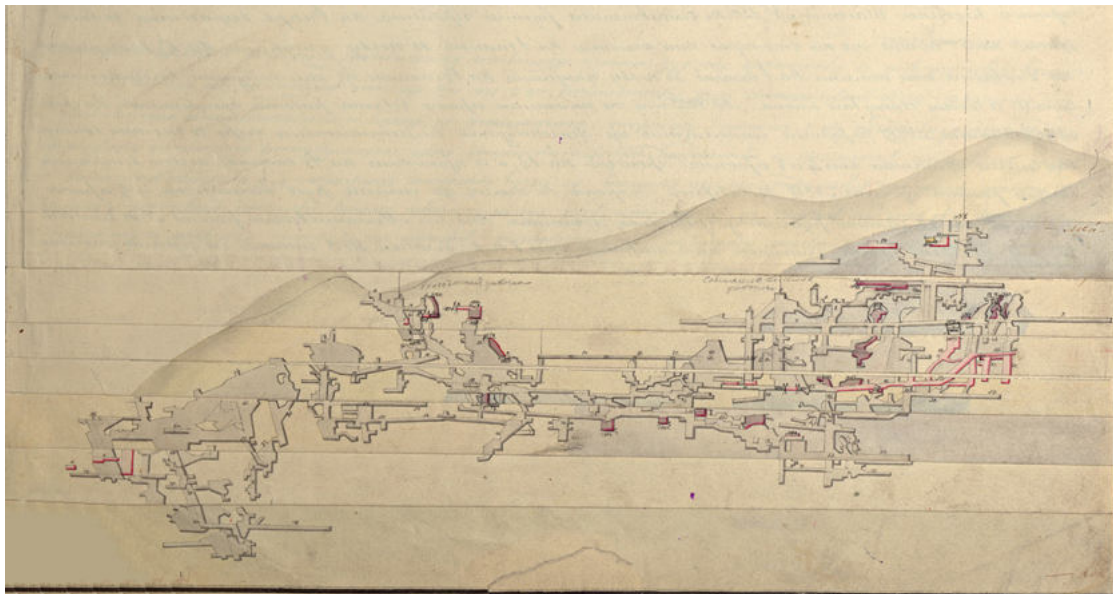

Рис. 4. Чертеж Кличкинского рудника [8]

седьмому, самому глубокому этажу, на котором «Мокрой газенг опущен по рудам, при почве которого встречен горизонт воды ключа Цаган-Золотуя» [8].

По чертежам возможно реконструировать не только техническое оснащение, но и архитектуру заводских и рудничных поселений. К сожалению, пока выявлено очень мало таких документов XVIII – начала XIX вв. В их числе план размещения офицерских домов в Газимурском Заводе, начерченный в 1777 г. [3, л. 210]. По нему видно, что здания ставились близко друг к другу, образовывали прямоугольные кварталы с внутренними дворами. Дома были пятистенными, на крышах имелся карниз. Судя по плану и фасаду дома нерчинско-заводского протоиерея Иоанна Попова (1819), частные дома были невысокими, бревенчатыми, огораживались забором.

Архитектурные атласы и отдельные чертежи строений появляются в документации Нерчинских заводов только с 30-х гг. XIX в. До этого времени на заводах не было своего профессионального архитектора. Им стал Лаврентий Иванович Иванов. Он родился в 1804 г., учился в местном горном училище, на практике осваивал горную науку. Учителя заметили его склонность и любовь к рисованию. В 16 лет администрация за казённый счёт направила одарённого ученика продолжать образование в Петербург, в Академию художеств. Там Лаврентий Иванов заслужил две серебряные медали, проходил практику под руководством великого зодчего Карла Росси. В Забайкалье вернулся в 1830 г. и был назначен главным архитектором Нерчинских заводов.

Под его началом здесь спроектированы и построены в духе классицизма весьма интересные здания: магнитно-метеорологическая обсерватория, госпиталь, богадельня, казарма, денежная кладовая, архив, горное училище, минеральный кабинет с библиотекой в Нерчинском Заводе, кожевня на реке Чалбучи, стекольная фабрика в Шилкинском Заводе, и много других строений. Почти все они утрачены, но сохранились их архитектурные проекты. Становится очевидным, что Л. И. Иванов старался украсить фасады зданий официальных учреждений портиками-лоджиями, строгими высокими оконными проемами, придававшими конструкциям изящный вид. В планировке часто использовал принцип симметрии.

Главным творением Иванова был генеральный план Нерчинского завода. За эту работу он взялся в 1837 г. по поручению начальника Нерчинских заводов Степана Петровича Татарина. На плане Лаврентий Иванович наметил две площади, деловой центр селения. Улицы по его замыслу предстояло выпрямить, для чего ряд зданий требовалось перенести. План утвердил Николай I. Это был первый архитектурный проект в крае, подписанный главой государства.

Многие исследователи считают, что Лаврентий Иванов – автор упомянутого выше рисунка, на котором, предположительно, изображены Ф. И. Бальдауф и Ф. Ф. Фриш. Одним из доводов в пользу этой версии служит тщательная и очень качественная прорисовка архитектуры на акварели. К тому же, Лаврентий Иванов знал Ф. Бальдауфа и Ф. Фриша, посещал, как и многие другие представители

местной интеллигенции, собрания в Доме Кандинских. Впрочем, вне зависимости от того, его это произведение или нет, он вошел в историю как первый профессиональный архитектор Забайкалья, создатель проектов, анализ которых позволяет лучше изучать историю региона.

Стоит обратить внимание, что в графическом наследии Нерчинского горного округа 30-х – 40-х гг. XIX в. отражено открытие золотосодержащих песков в долине Шилки, начало бурного развития золотого промысла и упадок сереброплавильной промышленности. Именно к этому времени относятся первые в Даурии планы разведочных работ золотоискательных партий, чертежи золотопромывальных машин. Один из самых ранних чертежей новой, золотой эпохи в истории горного дела региона назван: «Часть Усть-Карийской золотой россыпи, о вынутом пространстве торфа и золотосодержащих песков, выработанных с 25 ноября 1838 по 1 января 1839 года – 106 кубических сажен» [4, л. 158].

Чертеж представил горному начальнику инженер Антон Иванович Павлуцкий, открывший эту россыпь в 1838 г. Он выделил синим цветом контуры р. Кары, в виде ровных многоугольников, обведенных жёлтым контуром, показал площадь проведенных работ. В нижней части чертежа поместил профиль участка россыпи. В дальнейшем на Каре появились знаменитые Карийские прииски – названные Верхним, Средним и Нижним промыслами. Они поучили «дурную» славу центра Карийского района Нерчинской каторги.

Анализ сохранившихся планов промыслов показывает, что приисковые поселки были разделены на ровные прямоугольные кварталы, дома строились в соответствии с заранее согласованными проектами, при застройке не пересекалась красная линия. На крупных про-

мыслах, помимо горной конторы, имелись казармы, дома для рабочих, госпитали, аптечные пункты, мельницы, амбары, мастерские, кузницы и, конечно же, тюрьмы. Многие постройки, судя по чертежам, не отличались архитектурными изысками, и походили на обычные деревянные избы, бараки. Исключение составляли дома управляющих, здания горных контор и других административных учреждений. Так, парадную часть дома управляющего Нерчинскими золотыми промыслами украшало высокое кольцо и четыре массивных колонны. Кладовая Среднего промысла была спроектирована в виде миниатюрного замка с двумя башнями. Даже перед фасадом вольной команды Верхнего промысла красовалась длинная галерея колонн!

Подавляющее большинство жителей промысла каждый день отправлялись к реке, на разрезы. Они вынимали торф, промывали золотосодержащие пески. Оборудование, использовавшееся ими, известно по описаниям, фотографиям и чертежам. Интересно, что в горных конторах наряду с чертежами бутар, золотопромышленных бочек, хранились рисунки и чертежи тачек, вагонеток, кайл.

Таким образом, графические материалы позволяют проследить развитие архитектуры, техники, лучше понять особенности горнозаводских поселений, воссоздать их облик. Конечно, в рамках одной статьи невозможно представить всё многообразие чертежей, планов, рисунков, созданных в Нерчинском горном округе. Необходимо просветить большую работу по их выявлению, сбору, систематизации и каталогизации. В результате может появиться альбом «Графическое наследие Нерчинского горного округа», который был бы ценным подарочным изданием, интересным как специалистам, так и любителям истории.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 31. Оп. 1. Д. 131.
2. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 260.
3. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 172.
4. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1284.
5. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 232.
6. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 313.
7. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 410.
8. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 511.
9. Ерохина И. П. Рисунки с видами Нерчинских заводов (вторая половина XVIII в.) // Музеи. М.: Руда и металлы, 2008. С. 10–13.
10. Мясников А. В. Завод не сразу строился // Нерчинский Завод. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 186–192.
11. Мясников А. В. Пером и кистью // Нерчинский Завод. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 278–283.
12. Мясников А. В. Русское серебро. Начало // Наука и жизнь. 2022. № 4. С. 42–49.
13. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 271. Оп. 3. Д. 2446.
14. Степанская Т. М. Архитектура городов-заводов Сибири XVIII – первой половины XIX столетия: учеб. пособие. Барнаул: АлтГУ, 2004. 160 с.

Сведения об авторах

Мясникова Г. В. – старший преподаватель кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: chita131957@yandex.ru

Myasnikova G. V. – Senior Lecturer of the Department of History, Transbaikal State University, Chita, Russia, chita131957@yandex.ru

УДК 908:351.85(571.55)

Объект военно-исторического наследия Забайкальского края – здание Читинского военного полугоспиталя в истории г. Читы

Ирина Григорьевна Куренная¹, Елена Николаевна Виткаускас²

¹Администрация городского округа «Город Чита», г. Чита, Россия

²Музей истории здравоохранения, г. Чита, Россия

¹skifchita@mail.ru, ²vitk1990@mail.ru

В статье представлен исторический объект материальной культуры г. Читы – бывшее здание Читинского военного полугоспиталя как одно из первых зданий военного ведомства и деревянных исторических построек краевого центра. Авторы показывают его архитектуру, функциональную составляющую и процесс исторического развития как старейшего медицинского учреждения Восточной Сибири.

Ключевые слова: лазарет, полугоспиталь, строение, архитектура, болезни, медицинские работники, историческое наследие

The Object of the Military-Historical Heritage of the Trans-Baikal Territory is the Building of the Chita Military Semi-Hospital in the History of Chita

Irina G. Kurennaya¹, Elena N. Vitkauskas²

¹Administration of the City District “City of Chita”, Chita, Russia

²Museum of the History of Healthcare, Chita, Russia

¹skifchita@mail.ru, ²vitk1990@mail.ru

The article presents the historical object of the material culture of the city of Chita – the former building of the Chita military semi-hospital as one of the first buildings of the military department and wooden historical structures of the regional center. The authors show its architecture, functional component and the process of historical development as the oldest medical institution in Eastern Siberia.

Keywords: infirmary, semi-hospital, structure, architecture, diseases, medical workers, historical heritage

Чита – один из немногих городов Восточной Сибири, обладающих богатейшим историко-архитектурным наследием. В его центральной части находится свыше 300 исторических зданий, ряд кварталов дошёл до современности в малоизменённом виде, что придаёт краевому центру неповторимый облик. Большая часть каменных и деревянных зданий являются объектами культурного наследия народов Российской Федерации. До наших дней из эпохи молодого города, то есть середины и конца XIX в., дошло два деревянных строения – объектов исторического наследия. Это Михайло-Архан-

гельская церковь 1776 г. постройки, известная в народе как Церковь декабристов и жилой дом Н. С. Афицинской на ул. Ингодинская, 54а, который был возведён до 1890 г.

Однако есть ещё одно малоизвестное и неприметное старинное деревянное здание, сооружённое вскоре после утверждения Читы областным центром. Здание не является объектом исторического наследия, но имеет для истории края не меньшее значение. Речь идёт об одном из бывших корпусов военного полугоспиталя по адресу ул. Амурская, 3а (первоначальный адрес учреждения – ул. Амурская, 1).

Возведение «местечка Чита» в статус областного города и создание нового воинского формирования Российской империи на её восточных рубежах – Забайкальского казачьего войска глубоко взаимосвязаны. Для успешного решения задачи освоения дальневосточных пространств возросла проблема формирования военной инфраструктуры Читы, поскольку колонизация дальневосточных земель не могла состояться без военных сил в его составе. Чита как центр огромной стратегической территории явилась столицей казачьего края, который, если, по началу, и не имел на своей территории значительную силу, то вскоре стал активно наращивать военный потенциал. Поэтому первые здания военного ведомства Забайкальской области в небольшом поселении, вскоре преобразованном в город, при трёх конных и трёх пеших бригадах, были возведены одновременно с гражданскими административными, хозяйственными и жилыми строениями, а то и несколько ранее, т. е. почти одновременно с организацией Забайкальского казачьего войска (17 марта 1851 г.). В административном отношении войско подчинялось, как областным органам власти, так и законам военного сословия. Будучи чиновником особых поручений при военном губернаторе Забайкальской области П. А. Кропоткин писал, что по приезду в Читу он увидел, выстроенные за несколько лет после получения городом областного статуса: «...и дом губернатора, и областное правление, и войсковое правление, и тир, и лазарет ...» [5, с. 73]. Пояснение появления в Чите последнего

объекта сводится к следующему: при создании Забайкальского казачьего войска его организаторы понимали, что новому формированию предстояло участие в защите российских границ, войнах и локальных конфликтах, что естественным были ранения, увечья личного состава и осуществление потерь. Для лечения болезней и нового ввода в строй раненых воинов нужно было оперативно создать медицинское учреждение. Организации бригадных лазаретов требовали параграфы 169–172 «Положения о Забайкальском казачьем войске» (СПб., 1851) [10, с. 51–52]. Параграф 170 гласил о том, что снабжение лазарета медикаментами должно производиться «из ближайших казенных магазинов и аптек ведомства Министерства здравоохранения» [Там же, с. 52]. Первым был организован бригадный лазарет «на 26 кроватей», что послужило началом создания в Чите первого государственного лечебного учреждения. Местоположение было выбрано в самом начале улицы Амурской,

Амурская улица – одна из самых первых в Чите, начало строящегося города. Она ещё не просматривается на плане П. И. Фаленберга 1830 г., но на первом генеральном плане Читы 1862 г. будущая улица обозначена трассирующей территорией без названия. Её начало вскоре стало центром военного ведомства. «Проект на обустройство областного г. Читы Забайкальской области» 1862 г. среди гражданских строений дал развитие и ведомственным военным зданиям, которые явились градообразующими объектами областного центра (рис. 1).

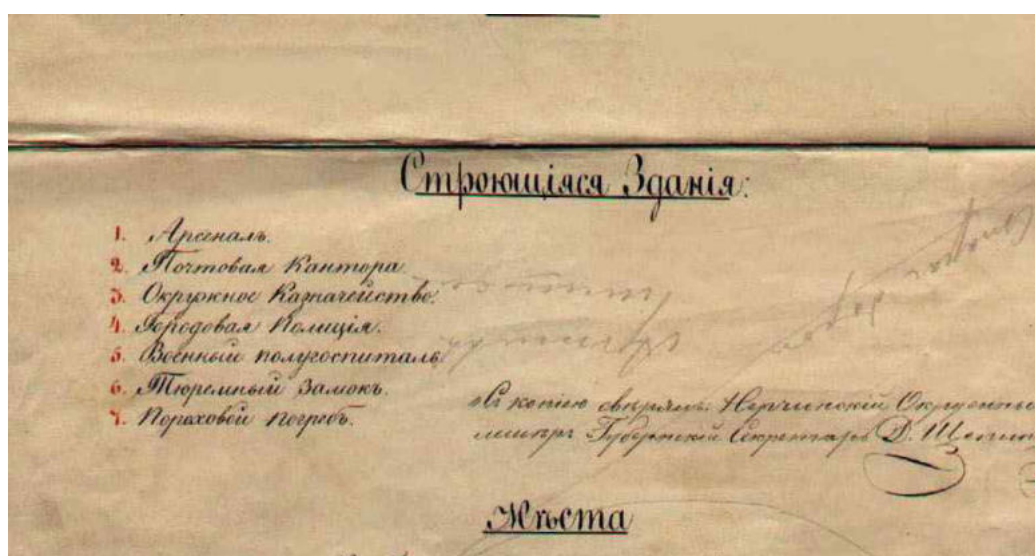

Рис. 1. План Читы. 1862 г. [4, с. 123]

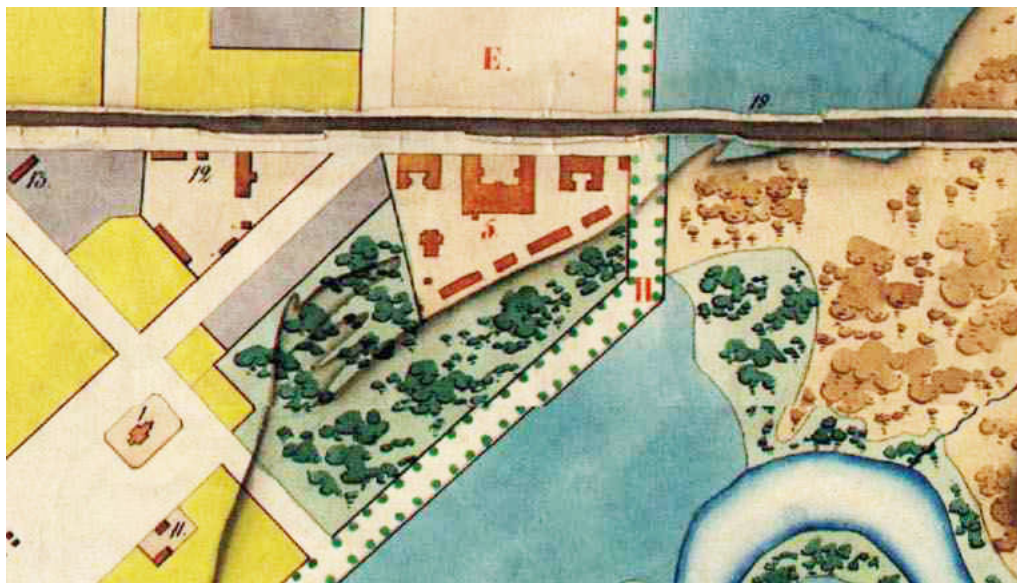

Рис. 2. Военный полугоспиталь на плане Читы 1862 г. [4, с. 123]

На план нанесены здания казарм пешей стрелковой и артиллерийской казачьих команд, войскового правления, Дома наказного атамана, оружейных, артиллерийского полупарка, арсенала, кузниц, порохового погреба, помещений для стрелковой роты и расквартирования казачьих батарей, а также военного полугоспиталя (рис. 2). В городе также находились тир, цейхгауз, конюшни и другие постройки. Однако все они оказались недолговечными и, за исключением одного из корпусов полугоспиталя, не дошли до современности. Отчасти исчезновение зданий произошло из-за утраты их функциональности, отчасти из-за замены ветхих деревянных построек на стыке XIX–XX вв. на объекты капитального строительства, а также из-за пожаров, часто бушевавших в Чите, уничтоживших, к примеру, в 1902 и 1906 гг. оба дома Наказного атамана или дома губернатора Забайкальской области, располагавшихся по периметру Атаманской площади.

В связи с увеличением численности города, распространением массовых эпидемий среди туземного населения, которые частично входили в состав казачества, малого количества врачей, фельдшеров и санитаров (низшие медицинские чины), в крае, действующий лазарет в полной мере не мог справиться с потоком заболевших. По параграфу 171 Положения о ЗКВ один лазарет мог иметь одного лекаря, который управлял им «под непосредственным видением Бригадного командира и Бригадного правления» [10, с. 51]. Именно поэтому в августе 1851 г. было принято решение преобразовать лазарет в Читинский военный полугоспиталь с большим количеством коек. План Читы

1862 г. свидетельствует о том, что за десять лет в городе был сооружен целый медицинский комплекс из девяти зданий полугоспиталя одноэтажной деревянной постройки. Более того, на плане комплекс лазарета отмечен как строящийся объект. Помощник читинского врачебного инспектора, забайкальский корреспондент Л. Н. Толстого и автор статей на антиалкогольную тему Петр Семенович Алексеев свидетельствовал, что из окна Читинского военного полугоспиталя видна церковь декабристов.

В начале строительства медицинского учреждения обязанности руководителя принял на себя доктор медицины, областной врачебный инспектор Н. Ф. Ворожцов. Полугоспиталь продолжал развиваться в течение десятилетий. Ресурсы учреждения увеличивались, оно продолжало строиться и открывать рядом новые отделения разной функциональности и сооружать дополнительные корпуса. Так несколько ниже (актуальный адрес Селенгинская, 7) из красного кирпича было построено одноэтажное здание одного из корпусов полугоспиталя. В советское время в нём располагалась военная комендатура, в 1990-х гг. здание было передано церкви «Антиохия». Оно было полностью реконструировано, достроен второй этаж, купол, окна, изменены конфигурация окон, крыши. В начале XX в. на левой стороне улицы (ул. Амурская, 7) из красного кирпича было построено сохранившееся двухэтажное здание Управления четвёртой казачьей батареи. его заняло Забайкальское Межрегиональное Управление геодезии и картографии. Постройки располагались вокруг основного здания в 1956 г.

Чита с прибытием большого количества новых жителей с середины XIX в. строилась из наиболее доступного материала – соснового и лиственничного леса, растущего на склонах сопки Читино-Ингодинской впадины. В основном дома строились без фундамента, с засыпными завалинками, без декора, в большей степени пятистенки, первоначально с одинарными рамами. Функционализм выживания в суровых погодных условиях не был благоприятным. Первые корпуса полугоспиталя относились к подобному типу зданий. В начале XX в. деревянные дома Читы начали заменять каменными или тоже деревянными, но значительно усложнёнными проектами и архитектурным декором [2]. Хотя здание основного корпуса и претерпело изменения, но они незначительны, объект сохранил свой основной план и элементы, строгое и лаконичное убранство.

Здание деревянное, рубленое в лапу из круглого леса, на перерубах лопатки. Цоколь бутовый, на юго-восточном фасаде высокий с кирпичной кладкой вокруг проема. Крыша вальмовая. Под шифером и рубероидом – остатки дощатой кровли. На северо-восточном и юго-восточном скатах устроены полуциркулярные слуховые проёмы. Вынос венчающего дощатого карниза прямоугольного сечения. По периметру ленточный фриз из калеванных досок. К срединной северо-западной части примыкает проём, через который осуществлялся вход в тамбур. Другой вход – на юго-восточном фасаде. Наличники окон прямоугольные, рамочные на левом фланге гладкие, в северо-восточной части с фигурным контуром лобани, где верхняя часть имеет конфигурацию с прямоугольными свесами стоек. Аутентичность здания также в восьмистекольной расстекловке двухстворных рам с прямоугольной фрамугой. Внутри здание приспособлено под нужды врачебного учреждения. Анфиладные помещения в виде палат на одной продольной оси были соединены открытыми дверными проёмами. В здании также находились служебные квартиры с печным отоплением для медицинского персонала. Печи имелись также в палатах.

На протяжении десятков лет Читинский военный полугоспиталь был единственным стационарным научно-практическим медицинским учреждением Читы. Вплоть до 1890-х гг., до организации Читинской лечебницы, он являлся центральным учреждением, вокруг которого формировались все другие медицинские военные и гражданские учреждения Забайкалья. В основном обслуживались военные и частично члены их семей. Проводились прививочные работы от скарлатины, кори, сыпных болезней. Оспопрививание в ЗКВ началось с 1853 г.

В ноябре были открыты холерные отделения, просуществовавшие до 1861 г. На их базе проходили обучение и воспитание медицинских кадров. В 1872 г. при военном полугоспитале была открыта военно-фельдшерская школа для обучения детей казаков и лиц невоинского сословия. Начальник – К. Д. Кольчевский. Военному ведомству и всей Забайкальской области школа поставляла фельдшерские кадры около 40 лет. Она была закрыта в 1905 г. В школе преподавали: Н. С. Резанов, Н. С. Петров, И. И. Араксимович, М. Р. Свищев, И. И. Шари и многие другие [9, с. 313]. В августе 1875 г. была открыта повивальная школа, где обучались семь учениц. Тогда же было открыто десять войсковых лазаретов. В связи с реорганизацией медицинской системы войска, согласно Положению от 7 февраля 1881 г., вместо 16 военных лазаретов было открыто 6 войсковых больниц на положении постоянных госпиталей. Читинский военный полугоспиталь был сохранён как самостоятельная единица.

Здесь продолжали лечиться и проходить восстановление забайкальские казаки разных чинов, в том числе простые солдаты. Учреждение оказывало медицинскую помощь больным не только военного, но и гражданского населения Читы. По данным за 1870 г. в полугоспитале было 75 мест, несколько мест предназначалось женщинам. При нём была аптека, снабжающая медикаментами военные лазареты и гражданские лечебницы Забайкальской области, в распоряжении которых собственных аптек не было. Известно, что многие годы поставкой и распределением лекарств и медицинских препаратов занимался провизор Игнатий Игнатьевич Дзевони [6, с. 54–55]. В 1884 г. из состава Читинского полугоспиталя выделилась войсковая (казацкая) больница для умалишенных (на углу улиц Чкалова и Курнатовского, врач Эпов), в 1903 г. она была перенесена в посёлок Титово. Читинский военный полугоспиталь, изображённый на рис. 3, был реорганизован в лазарет в конце 1898 г. [3, с. 14]. Он располагал хирургическим и глазным отделением, приёмным покоем к 1900 г. На его территории была столовая, кубовая, прачечная, столярная мастерская [6, с. 55].

Русско-японская война в 1904–1905 гг. внесла в работу учреждения свои коррективы. Первая партия раненых из 100 чел. прибыла 27 апреля 1904 г. [Там же, с. 55]. Её ожидали местные врачи, а также персонал передвижного Ярославского госпиталя общества Красного Креста (рис. 4). В этой партии кроме раненых были и тифозные больные. Срочно открыли заразное отделение. Госпиталь был расширен до 250, а затем до 330 коек и вынес основную

Рис. 3. Одна из палат хирургического Читинского военного полугоспиталя (отделение лазарета Красного креста в Чите). Фото из журнала «Нива». Фото из архива В. Г. Лобанова

Рис. 4. Персонал передвижного Ярославского госпиталя общества Красного Креста на фоне здания Читинского военного полугоспиталя. (Фонды Музея истории здравоохранения)

тяжесть по приёму и лечению раненых. Вскоре число коек возросло до 360, а в августе 1904 г. – до 590. Всего за первые восемь месяцев войны Читинский госпиталь принял 3 303 раненых.

Особенно большая нагрузка легла на госпиталь в период Гражданской войны. В конце 1919 г. число мест в нём увеличилось до 2 тыс. Наравне с городской лечебницей госпиталь в эти дни был главным спасителем людей от эпидемий сыпного тифа, чумы, холеры. Кроме того, в нём было огромное число обмороженных участников «Ледяного похода» войск генерала В. О. Каппеля, шедших из Омска в Читу. Тогда, кроме руководителя учреждения Г. М. Криворучко, было пять, но они работали самоотверженно

и в довольно сложных условиях спасали больных и раненых воинов. Функционировал госпиталь при советской власти до 1930-х гг.

На всем протяжении работы учреждения в нём самоотверженно выполняли свою миссию как главные лекари, так и простые врачи. Среди руководителей организатором врачебного дела в 1850-е гг. был Р. Ф. Подгурский. В 1864 г. главным лекарем был коллежский советник, выпускник Харьковского университета Н. К. Сланчевский. В 1871 г. начальником полугоспиталя служил войсковой старшина Владимир Степанович Ерофеев. Главным врачом был лекарь, коллежский советник Александр Капитонович Решетько. Он имел орден Станислава II степени с императорской короной

и Анны III степени. Старшим врачом работал известный в городе общественный деятель И. А. Меньчуков, входивший в состав Забайкальского областного оспенного комитета [7, с. 15]. Многие годы в полугоспитале работали доктор Сергей Антипатович Курбатов, доктор медицины, коллежский советник Н. Н. Щеглов, акушерка Ольга Николаевна Пономарева. Кроме того, учреждение возглавляли высокообразованные специалисты, выпускники Петербургской медико-хирургической академии. Это был Бронислав Петрович Ленчевский, впоследствии доктор медицины в 1868–1872 гг., а в 1876–1880 гг. известный врач Эраст Фелицианович Горбачев. Интерес столичного научно-медицинского сообщества вызвал его доклад на Первом Всероссийском съезде деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии, состоявшемся в Санкт-Петербурге в 1899 г., в котором он обозначил Забайкальскую область как богатый ресурсами и перспективный регион в лечение туберкулезных больных [8, с. 29–30]. На этом посту их сменили в 1889–1894 гг. Е. О. Слежановский, награжденный за службу орденом Владимира IV степени, а в 1897–1901 гг. доктор медицины, статский советник К. Д. Кольчевский.

Отдельно нужно сказать о читинском военном враче Владимировиче Яковлевиче Кокосове, работавшем в полугоспитале (1892–1897 гг.). Он также выпускник Петербургской медико-хирургической академии, исследователь, писатель, автор книги «Рассказы о Карийской каторге» (СПб., 1907), о которой положительно отозвался Л. Н. Толстой. Кокосов – бывший врач Карийской каторги, на которую был переведён из Иркутского военного госпиталя. Затем жил и работал в Акше врачом вто-

рого военного отдела ЗКВ. В Чите он сначала работал ординатором Читинского военного полугоспиталя и проживал с семьей в одной из служебных квартир для врачей, расположенной в рассматриваемом нами здании. Здесь он также исполнял обязанности тюремного врача и преподавал в военно-фельдшерской школе при полугоспитале. Десятки лет на каторге он лечил исполосованные плетью спины каторжан. И в Чите Владимир Яковлевич никому не отказывал в помощи. Его любили и уважали все социальные слои города. Об этом может свидетельствовать фотография, где писатель запечатлен среди офицеров Забайкальского казачьего войска, сидящим на почётном месте в центре, в то время как военный губернатор Забайкальской области и наказной атаман Е. О. Мациевский сидит справа от В. Я. Кокосова. О любви читинцев к этому человеку говорит тот факт, что когда в 1897 г. покидал навсегда Читу (он уезжал на жительство в Нижний Новгород), то отправил на станцию в экипаже свою семью, а сам пошёл попрощаться с врачами и санитарями учреждения. Его провожала огромная толпа читинцев. Она подхватила врача на руки и несла его через всю Амурскую улицу до станции, где он со слезами на глазах низко поклонился читинцам.

В 1930-х гг. бывшее здание полугоспиталя было отнесено к барачному типу и было отдано под городское жилье. Внутри анфилады комнат были перегородены под квартиры. Это историческое, но достаточно ветхое здание и сейчас является жилым (рис. 5, 6). В нём восемь квартир, пять из них муниципальной собственности. Условия жизни достаточно тяжёлые, без коммунальных удобств.

Рис. 5. Здание бывшего военного полугоспиталя в Чите. 1851 г. Современное состояние. Фото авторов

Рис. 6. Здание бывшего военного полугоспиталя в Чите. 1851 г.
Современное состояние. Фото авторов

На сегодняшний день здание передано КЭЧ, городской межведомственной комиссией 27 декабря 2021 г. оно признано аварийным, в числе 1 200 объектов на территории города Читы, подлежащим сносу или реконструкции. Затем в порядке очереди оно должно быть расселено, но, к сожалению, здание не имеет охранного статуса и может быть скоро утрачено, поскольку не является объектом культурного наследия. Однако для истории нашего города это будет означать потерю исторического объекта, связанного с его героической военной

историей. Читинский военный полугоспиталь в прошлом стал основой 321 окружного военного госпиталя [1].

Здание на улице Амурская, За постройки середины XIX в., после Михайло-Архангельской церкви – старейшее в нашем городе. Оно является архитектурным памятником, отражением военной медицины Забайкальского края, символом профессионализма, жертвенности, стойкости и мужества военных медиков, которые возвратили в строй сотни и сотни защитников нашего Отечества.

Список литературы

1. Архив музея истории здравоохранения Забайкалья. ГПОУ «Читинский медицинский колледж». URL: <http://nb.chmk-chita.ru/index.php/muzej-istorii-zdravookhraneniya> (дата обращения: 21.04.2022). Текст: электронный.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1. Оп. 2. Д. 20.
3. Защитники жизни: 150 лет 321 окружному военному клиническому госпиталю / авт.-сост. В. В. Чебан, Ш. С. Тохта-Ходжаев. Чита: Поиск, 2002. 144 с.
4. Бунтовский Н. Н., Куренная И. Г., Рогова М. В. Генеральные градостроительные планы // Энциклопедия Забайкалья. Чита; Новосибирск: Наука, 2014. С. 122–126.
5. Кропоткин П. А. Дневники разных лет. М.: Современная Россия, 1992. 464 с.
6. Лобанов В. Г. Старая Чита: Документальный рассказ. Чита: Степанов М. А., 2001. 270 с.
7. Памятная книжка Забайкальской области на 1871 г. Изд. Обл. Заб. стат комитета под ред. секретаря И. А. Менчукова. Иркутск: Тип. Н. Н. Синицина, 1871. 152 с.
8. Петряев Е. Д. Краеведы и литераторы Забайкалья: Библиографический указатель. Дореволюционный период. 2-е изд., испр. и доп. Чита: Чит. Упрполиграфиздат, 1981. 128 с.
9. Погодаева Г. И., Смекалов В. П. Медицинское образование // Энциклопедия Забайкалья. Чита; Новосибирск: Наука, 2014. С. 313–315.
10. Положение о Забайкальском казачьем войске [Утв. 17 марта 1851 г.: с прил.]. СПб.: Типография Департамента Военных поселений, 1851. 80 с.

Сведения об авторах

Куренная И. Г. – кандидат исторических наук, ведущий специалист по историко-культурному наследию администрации городского округа «Город Чита», г. Чита, Россия, e-mail: skifchita@mail.ru

Kurenayaya I. G. – Candidate of Historical Sciences, a Leading Specialist in the Historical and Cultural Heritage of the Chita City District Administration, Chita, Russia, skifchita@mail.ru

Виткаускас Е. Н. – заведующая отделом краеведения, Медицинская библиотека ГПОУ «Читинский медицинский колледж»; научный сотрудник Музея истории здравоохранения Забайкальского края, г. Чита, Россия, e-mail: vitk1990@mail.ru

Vitkauskas E. N. – Head of the Department of Local History of the Department of the Medical Library of the Chita Medical College, Researcher at the Museum of the History of Healthcare of the Trans-Baikal Territory, Chita, Russia, vitk1990@mail.ru

УДК 908(571.55)

**Уголовная каторга в Забайкалье по материалам
Государственного архива Забайкальского края**

Анна Владимировна Волочаева

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Rossav1@yandex.ru

В статье на основе исследования дореволюционных фондов архива Забайкальского края представлена источниковая база исследования основного места отбывания каторжных работ в Российской империи во второй половине XIX в. – Нерчинской уголовной каторги. Архивные документы систематизированы по названиям фондов, а также по видам письменных исторических источников.

Ключевые слова: Российская империя, ссылка в Сибирь, ссылка на каторжные работы, Нерчинская каторга, уголовная каторга, Государственный архив Забайкальского края

**Criminal Penal Servitude in Transbaikalia
Based on the Materials of the State Archive of the Trans-Baikal Territory**

Anna V. Volochaeva

TransBaikal State University, Chita, Russia

Rossav1@yandex.ru

Based on the study of the pre-revolutionary funds of the archive of the Trans-Baikal Territory, the source base for the study of the main place of serving hard labor in the Russian Empire in the second half of the XIX century – the Nerchinsk penal servitude is presented. Archival documents are systematized by the names of funds, as well as by types of written historical sources.

Keywords: Russian Empire, exile to Siberia, exile to hard labor, Nerchinsk penal servitude, penal servitude, State Archive of the Trans-Baikal Territory

История Сибирской каторги и ссылки остаётся важным объектом исследования в современной научной и образовательной среде России. Историей каторги интересуются историки, юристы, филологи, психологи, с разных сторон представляя её и как институт пенитенциарной системы, вид наказания, место особых условий, в которых демонстрируются особенности тюремного общения и повседневной жизни тюремной общины. Среди исследователей можно назвать М. В. Шиловского, Е. В. Семенова, К. К. Кораблина, И. В. Упорова, А. А. Иванова, Н. Г. Степанову, А. С. Гулина, М. Г. Бодяк, Д. А. Ананьева, В. В. Ведерникова и др. Важный вклад в изучение темы каторги и ссылки внес-

ли забайкальские историки А. Г. Патронова, З. В. Мошкина, А. В. Константинов, А. В. Волочаева, О. Б. Березина, А. С. Петров и др.

Интерес к теме усиливается в условиях проведения или планирования преобразований в уголовно-исполнительной системе, с новыми направлениями в исторической науке (историко-антропологический, историко-психологический, гендерный и т. д.), юбилейными датами важных исторических событий в развитии института каторги и ссылки в России, а также юбилеями со дня рождения известных политических преступников, отбывавших данное наказание. Основным местом отбывания каторжных работ во второй половине XIX в. стала

Нерчинская каторга в Забайкалье. Появление её связано ещё с историей Петровских реформ XVIII столетия. Она становится основным местом пребывания декабристов, петрашевцев, поляков и гарибальдицев (участников польских восстаний этого времени), народовольцев и представителей основных кружков народников (например, самого Н. А. Ишутина – кружок «ишутинцев», А. В. Долгушина – кружок «долгушинцев») в XIX в. В истории Забайкальской каторги политических и уголовных преступников периодически разделяли, чтобы первые не воздействовали на уголовных своими взглядами, а также периодически объединяли, часто по причине психологического давления уголовных на политических, а также в определённые моменты реформирования самого института каторги и каторжных работ. Об этом написано огромное количество научных публикаций. Центром изучения каторги и ссылки в России является город Иркутск, в котором ещё в советское время появился журнал «Ссылные революционеры Сибири», а в постсоветское время выпускается сборник «Сибирская ссылка», объединяющий исследователей этой темы со всей России [19]. У данного проекта есть и свой электронный ресурс, который ранее назывался «Пенитенциарная политика», а сейчас носит название «Сибирь и ссылка» [17]. Несмотря на большое количество исследовательских работ, можно отметить, что также остаются и проблемы в изучении данной темы.

Объектом нашего исследования является уголовная каторга в Забайкалье во второй половине XIX в. Основные исторические источники ее изучения хранятся в Государственном архиве Забайкальского края. Документы архивов Иркутского области и Дальнего Востока также важны для исследования, поскольку Забайкальская область в указанный период входила административно в Восточно-Сибирское и Приамурское генерал-губернаторства, 1884 год является разграничительным в этом вопросе. Также есть документы по истории Забайкальской каторги в Государственном архиве РФ (Москва) и Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург). Но основной массив документов, включая личные дела преступников, – в региональном архиве Забайкальского края.

Фонды Государственного архива Забайкальского края представляют огромное хранилище информации по истории Забайкальского края практически по всем периодам истории нашего региона. В отдельные исторические периоды события, происходившие в нашем регионе, и люди, которые были их участниками, играли

значительную роль и оказывали влияние на общероссийскую действительность. С другой стороны, проведение мероприятий (реформ) общероссийского масштаба всегда имели свою специфику в отдельных регионах. Забайкалье в политике России всегда занимало определённое место, как регион окраинный, малозаселенный, богатый ресурсами, но труднодоступный для их постоянной и экономически выгодной добычи. В XIX в. одним из решений проблемы освоения нашего региона была Нерчинская каторга, получившая всероссийскую известность после ссылки в каторжные работы сюда декабристов и международную – после путешествия американского журналиста Дж. Кеннана во второй половине XIX в. Первоначально Нерчинская каторга создавалась как уголовная. Но именно с появлением здесь политических и государственных преступников она оформилась юридически, стали определяться и регулироваться режим и условия содержания каторжан, исполнение каторжных работ, разряды преступников, в зависимости от вида и характера (тяжести) преступления. Нерчинская каторга стала основным местом для отбывания наказания ссылкой в каторжные работы во второй половине XIX в. Кроме неё в это время появилась Сахалинская каторга, но её значение было не столь существенно, а на остальной территории России были организованы каторжные централы, сильно отличающиеся по сути от Нерчинской каторги [18, с. 12–15; 14. с. 375].

Фонды Государственного архива Забайкальского края хранят большое количество документов, важных для изучения каторжного режима второй половины XIX в. и заключенных, содержащихся в тюрьмах каторги.

Особую ценность по основным проблемам уголовной каторги представляют фонды Забайкальского областного правления, общераспорядительный и тюремный отделы (ф. 1 о. о. и ф. 1 т. о.); фонд Управления Нерчинской каторги (ф. 28) и фонд Горного отделения Главного Управления Восточной Сибири (ф. 93).

В фонде общераспорядительного отдела Забайкальского областного правления (Ф. 1 о. о.) по теме исследования хранятся нормативно-правовые и актовые материалы: копии Указов Сената, Указов и Манифестов Императора, Циркуляров Министерства Внутренних дел (МВД), Главного Тюремного Управления (ГТУ), Главного Управления Восточной Сибири (ГУВС), Военного губернатора, Приказы по управлению Нерчинской каторгой, проекты инструкций, правила употребления в работы (на частных золотых промыслах, железной до-

роге и др.), постановления об уроках и заработках ссыльнокаторжных. Здесь же находится отчётная документация (отчёты Военного губернатора, годовые отчёты Управления Нерчинскими ссыльнокаторжными) и различные виды документов, содержащие статистическую информацию (ведомости о ссыльнокаторжных, донесения и рапорты горного начальства и заведующих каторжными в разных местах о побегах преступников и их поимке, заработанных средствах и выполнении работ и др.). Также здесь хранятся документы с личной информацией о ссыльнокаторжных – дела о причислении на поселение (по отбытии каторжных работ), включающие статейные списки каторжных (бланк основной информации о преступнике) и бланки «Полный расчёт срока работ» (за 1890-е гг.), копии и выписки из статейных списков за разные годы [1].

Работая с документами данного фонда, можно узнать о преобразованиях на каторге в данное время, например, о передаче заведения ссыльнокаторжными Нерчинских горных заводов из ведомства горного правления в гражданское (в 1869 г.) или о создании новой системы управления в начале 1890-х гг.; о проблемах в организации каторжных работ на серебро-свинцовых рудниках, золотых промыслах, железной дороге и др. [12, с. 237–257]. Также по личным данным преступников можно составить портрет каторжника в разные периоды исследуемого времени или сформировать сводную статистику по разным направлениям исследования личности [13, с. 16–20; 16, с. 336–372].

В тюремном фонде Забайкальского областного правления (ф. 1 т. о.) находятся основные документы, позволяющие определить условия жизни каторжных и отбывания ими работ, изменения в режиме содержания во второй половине XIX в. Это «Правила употребления в работы за 1870-е и 1890-е гг.»; Циркуляры и инструкции МВД, ГТУ и ГУВС о продовольствии, содержании заключенных; Приказы и отчеты управления Нерчинской каторги (1890-е гг.). Также здесь хранится информация с личными данными преступников: Журнал регистрации ссыльнокаторжных, прибывших на работы в 1860-х гг., дела о причислении на поселение за разное время, ведомости о числе ссыльнокаторжных за 1880-е гг. и о побегах преступников, прошения заключенных [3; 4; 5]. Последние документы из перечисленных в сочетании с личными данными преступников из дел общераспорядительного отдела позволяют проследить количественный и социальный состав преступников, отбывавших наказание в Забайкалье. В исследу-

довательском отношении данная статистика, конечно, имеет множество недостатков таких как, отсутствие данных о числе преступников за отдельные годы, дублирование информации по некоторым заключенным, что сложно отследить при изучении нескольких сотен и даже тысяч имен преступников и т. д. Но эти недостатки связаны именно с ведением делопроизводственной документации в конкретное историческое время и проблемами хранения данных в XIX в. Личные данные преступника могли изменяться при составлении повторных документов на него, в связи с утерей предыдущих или после побега самого каторжного. Но, несмотря на погрешности и сложности анализа данной информации, сами документы являются большой ценностью для исследователей [13, с. 16–20; 16, с. 336–372].

Фонд Управления Нерчинской каторги (ф. 28) не очень обширный по количеству и качеству информации. Но связано это с коротким периодом существования данного Управления (конец 1880-х гг. – февраль 1917 г.). В фонде есть документы раннего времени, но они исходят из разных мест каторги. Более-менее единое управление уголовными ссыльнокаторжными было сформировано только в 1889 г. [15, с. 89]. Для нашего исследования важными стали Приказы по управлению Нерчинской каторги за 1890-е гг. и Приказы о переменах в составе чинов управления в это же время. Также здесь есть статейные и именные списки преступников, но они либо содержат только информацию по именам и фамилиям, либо дублируют статейные списки (подобно Ф. 1.о. о. и Ф. 1.т. о.) [9; 10].

Для исследования Нерчинской уголовной каторги второй половины XIX в. важное место занимают также документы, хранящиеся в фондах Горного отделения Главного Управления Восточной Сибири (ф. 93) и фонде Военного губернатора Забайкальской области (ф. 13). Документы ф. 93, например, содержат отчёты о деятельности Нерчинских и Петровских заводов (1870-е гг.), Журнал о заседании комиссии о привлечении каторжных к работам до передачи из Горного ведомства в Гражданское (до 1869 г.), а также Инструкции Генерал-Губернатора по содержанию и употреблению в работы ссыльнокаторжных за разное время [11]. В фонде Военного губернатора (Ф. 13) среди огромного количества документов важное место по теме исследования представляют «Ведомости о числе каторжных за 1880-е гг.» и «Отчет о работе ссыльнокаторжных на Забайкальской железной дороге (1890-е гг.)» [6; 7].

Фонд Забайкальской тюремной инспекции (ф. 113) содержит огромное количество дел преступников, в основном состоящих из копий статейных списков или выписок из них. В большей части этот фонд составлялся на рубеже XIX–XX вв. (именно тогда была создана эта структура управления на каторге), поэтому личный состав всех преступников и ссыльных разных категорий представлен здесь. Преимущества данного фонда могут проявиться при поиске информации о конкретном преступнике, поскольку информация здесь представлена в делах в алфавитном порядке. Сложность же исследования состоит в том, что систематизация по алфавиту не разграничивает преступников по видам наказания, и исследование общей статистики по каторжным затруднено, особенно по тем преступникам, которые были несколько раз осуждены в разные годы и разными наказаниями. При работе с данным фондом необходимо очень скрупулёзное исследование и соотнесение с личной информацией из общераспорядительного и тюремного отделов Забайкальского областного правления (ф. 1 о. о., ф. 1 т. о.).

Также в отдельных фондах, напрямую не связанных с каторгой, можно найти дела, касающиеся условий жизни и содержания заключённых. Например, во врачебном отделе фонда Забайкальского областного правления (ф. 1 вр. о.) есть ведомости о числе больных арестантов, находящихся в лазаретах Нерчинской каторги [2]. В фонде Забайкальского ста-

тистического комитета (ф. 19) в отчётах и ведомостях за отдельные годы есть ведомости о числе ссыльнокаторжных в различных местах Нерчинской каторги [8].

Кроме неопубликованных документов в фондах Государственного архива Забайкальского края хранятся и официальные издания дореволюционной России – Забайкальские областные ведомости, в котором публиковались нормативно-правовые акты общероссийского и местного уровней – циркуляры ГТУ, Военного губернатора и другое, отчеты местных ведомств. К этой категории можно отнести Обзоры по Забайкальской области, публикующиеся как Приложения к всеподданнейшему отчёту Забайкальского губернатора за отдельные годы. Для исследования уголовной каторги второй половины XIX в. важными являются Обзоры за 1879 г., а также за 1884–1898 гг.

Многие документы архива ещё ищут своих исследователей. В истории Нерчинской уголовной каторги остаётся много «белых пятен», требующих внимания. Во многом это касается жизни отдельных категорий преступников на каторге и их семей, переосмысления отдельных проблем проведения тюремной реформы и других преобразований и их влияния на жизнь ссыльнокаторжных. Сейчас актуально сравнение по различным направлениям жизни уголовных и политических каторжан, что также требует нового пересмотра письменных исторических источников.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1 о. о. (фонд Забайкальского областного правления. Общераспорядительный отдел). Оп.1. Д. 278, 377, 502, 529, 622, 646, 817, 918, 919, 1337, 1393, 1399, 1455, 1475, 1491, 1562, 1570, 1577, 1726, 1736, 1738, 1746, 1787, 1812, 1957, 2517, 3121, 3327, 3346, 6791, 6885, 7071, 7123, 7240, 7245, 7255, 7272, 7364, 7399, 7402, 7403, 7433, 7508, 7533, 7565, 7594, 7596, 7598, 7599, 7604, 7677, 7916, 7947, 7950, 7971, 7977, 8014, 8145, 8191, 8858, 8986, 8988, 9023, 9024, 9030, 9095, 9297, 9493, 9595, 10597, 10709, 10665, 10778, 10834, 10905, 11068, 11081, 11717, 12608, 12738, 14429, 14775, 14953, 15026, 15386, 16366.
2. ГАЗК. Ф. 1 вр. о. (фонд Забайкальского областного правления. Врачебный отдел). Оп. 2. Д. 217.
3. ГАЗК. Ф. 1 т. о. (фонд Забайкальского областного правления. Тюремный отдел). Оп. 1. Д. 32, 33, 36, 44, 53, 55, 65, 87, 92, 95, 98, 100.
4. ГАЗК. Ф. 1 т. о. Оп. 2. Д. 1952, 1959, 2046, 2047, 2158, 2062.
5. ГАЗК. Ф. 1 т. о. Оп. 4. Д. 5, 31, 45, 56, 60, 74, 91, 92, 100, 113, 129, 138, 144, 143, 148, 212, 216, 233, 234.
6. ГАЗК. Ф. 13 (фонд Военного губернатора Забайкальской области). Оп. 2. Д. 11, 87.
7. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 3. Д. 11(ОЦ).
8. ГАЗК. Ф. 19 (фонд Забайкальского областного статистического комитета). Оп. 1. Д. 45, 384.
9. ГАЗК. Ф. 28 (фонд Управления Нерчинской каторги). Оп. 1. Д. 5, 8, 18, 19, 25, 26, 27, 28, 29, 30.
10. ГАЗК. Ф. 28. Оп. 3. Д. 9.
11. ГАЗК. Ф. 93 (фонд Горного отделения ГУВС). Оп. 1. Д. 20, 22, 26, 45, 68.
12. Волочаева А. В. Виды труда на Нерчинской каторге во второй половине XIX в. // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Б. С. Шостакович. Иркутск: Отгиск, 2011. Вып. 6. С. 237–257.
13. Волочаева А. В. Источники изучения состава уголовных преступников и личности заключенного второй половины XIX века (на материалах Нерчинской каторги) // Актуальные проблемы истории, политики и права: сб. статей II Всерос. науч.-практ. конф. Пенза: РИО ПГСХА, 2014. С. 16–20.
14. Волочаева А. В. Местная власть и реформа каторжной системы во второй половине XIX века (на примере Нерчинской уголовной каторги) // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Б. С. Шостакович. Иркутск: Отгиск, 2013. Вып. 7. С. 374–385.

15. Волочаева А. В. Управление уголовной каторгой в Забайкалье во второй половине XIX века // Проблемы гражданского общества и правового государства: сб. ст. Чита: ЗабГПУ. 2008. Вып. 11. С. 84–92.
16. Волочаева А. В. Численность и состав преступников Нерчинской уголовной каторги во второй половине XIX века // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск: Отгиск, 2009. Вып. 5. С. 336–372.
17. Каталог статей. Текст: электронный // Сибирь и ссылка. URL: <https://sibir-ssylka.ucoz.com/publ> (дата обращения: 25.03.2022).
18. Мошкина З. В. Нерчинская политическая каторга. Вторая половина XIX века. Чита: ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского, 1998. 112 с.
19. Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. А. Иванов, С. И. Кузнецов. Иркутск: Отгиск, 2019. Вып. 9. 608 с.

Сведения об авторах

Волочаева А. В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: Rossav1@yandex.ru

Volochaeva A. V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History, Transbaikal State University, Chita, Russia, Rossav1@yandex.ru

УДК 908(571.55)

Карийские золотые промыслы под управлением И. Е. Разгильдеева

Алексей Владимирович Мясников

Издательство «Вокруг света», г. Москва, Россия

avmyasnikov@mail.ru

В данной статье на основе ранее не опубликованных архивных материалов предпринята попытка беспристрастно рассмотреть деятельность И. Е. Разгильдеева, охарактеризовать его противоречивую натуру, осветить трагические события, получившие название «разгильдеевщины».

Ключевые слова: Карийские золотые прииски, история золотопромышленности, каторга, И. Е. Разгильдеев, Нерчинский горный округ, Забайкалье

Karian Gold Fields under the Management of I. E. Razgildeev

Alexey V. Myasnikov

Publishing House "Vokrug sveta", Moscow, Russia

avmyasnikov@mail.ru

In this article, on the basis of previously unpublished archival materials, an attempt is made to impartially examine his activities, characterize his contradictory nature, and highlight the tragic events called "razgildeevshina".

Keywords: Karian gold mines, history of gold industry, penal servitude, I. E. Razgildeev, Nerchinsky mountain district, Transbaikalia

С самого основания Карийские золотые промыслы жили относительно спокойной и размеренной жизнью. До середины XIX в. на берегах р. Кары стояли два приисковых посёлка, или промысла. Нижне-Карийский промысел в 15 верстах от селения Усть-Кары был главным, так как там находилось приисковое начальство, подчинявшееся управляющему Шилкинским

заводом. Верхне-Карийский промысел располагался от него в 5 верстах выше по течению р. Кары. Местное население называло их Нижним и Верхним промыслами, а все прииски – Карой. Рабочие трудились в сырых разрезах, добывали золото, которое по окончании сезона под охраной доставлялось в Шилкинский Завод, а оттуда – в Нерчинский Завод. Однако

к концу 1840-х гг. сложившийся уклад приисковой жизни начал меняться. Всё чаще горное начальство стало требовать увеличения количества добываемого драгоценного металла. На этом же настаивал генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев. Он мечтал об освоении и присоединении к России Амура и готовил для этого грандиозные экспедиции. Понятно, что для великих свершений нужны большие деньги, а следовательно – драгоценные металлы, коими славилась Даурия.

Н. Н. Муравьев, зная, что серебряное производство края переживает упадок, сделал ставку на развитие золотодобывающей промышленности. Заведование Нерчинскими золотыми промыслами он доверил энергичному и решительному горному офицеру Ивану Евграфовичу Разгильдееву.

И. Е. Разгильдеев был примечательной личностью. Он родился в 1811 г. в станице Цурухайтуевской. Окончил Горный кадетский корпус с серебряной медалью в 1830 г. Вернулся в Забайкалье, руководил поисковыми партиями, служил помощником управляющего Газимурским заводом. В апреле 1834 г. был переведён на Урал, где занимал должность старшего смотрителя Березовских рудников, участвовал в строительстве Екатеринбургского монетного двора, служил адъютантом главного начальника Уральских заводов. По воспоминаниям современников, И. Е. Разгильдеев часто проявлял жестокость по отношению к подчинённым, но прекрасно разбирался в технике. Он изобрёл золотопромывальную машину и представил правительству собственный «проект об усовершенствовании золотопромышленности в России». Учёный комитет Корпуса горных инженеров предложил ему испытать изобретение в одном из горных округов империи. Разгильдеев по направлению поехал в Восточную Сибирь в 1848 г. В Иркутске встретился с Н. Н. Муравьевым и сблизился с ним.

Н. Н. Муравьев отправил его за Байкал для осмотра главных золотых промыслов (прежде всего, Карийских) Нерчинского округа в 1849 г. В поездку Иван Евграфович отправился в должности управляющего Нерчинскими золотыми промыслами. С первых дней своего визита на Кару он резко вмешивался в размерный ход промысловой жизни, стремился устанавливать свои порядки. Его распоряжения касались приостановки деятельности поисковых партий, распределения людей на работы.

Офицеры, служившие на Каре, с настороженностью приняли муравьевского ставленника и не спешили выполнять его приказания. Управляющий Шилкинским округом капитан

Александр Иванович Габриель вовсе заявлял, что не получал сведений о передаче И. Е. Разгильдееву управления золотыми приисками.

В июле И. Е. Разгильдеев пожаловался в Нерчинское горное правление на перечисленные факты и просил «сделать зависящее на то распоряжение и приказать, кому следует, исполнить то, что я требовал» [6, л. 68]. В ответ получил напоминание об обязанности согласовывать свои проекты и попытки изменения заведённых ранее порядков с горным начальством.

Несмотря на сопротивление местной горной власти, И. Е. Разгильдеев, чувствуя поддержку Н. Н. Муравьева, продолжал настаивать на своём, вёл себя, как настоящий хозяин Карийских промыслов. Когда Забайкалье страдало от засухи и верховья Кары обмелели летом 1849 г., он, чтобы улучшить промывку песков на Верхнем промысле, наладил подъём воды насосами. Но продолжавшееся обмеление сделало это новшество бесполезным. Тогда Разгильдеев приказал перевести 250 рабочих с Верхнего на Нижний Карийский промысел, где оставалось ещё много воды. Капитан А. И. Габриель возражал против переброски рабочей силы и запретил смотрителю Верхнего промысла выполнять подобные приказы, ибо к концу года Верхняя Кара была обязана дать не менее 25 пудов золота. В последствии между А. И. Габриелем и И. Е. Разгильдеевым вспыхнул конфликт. Горному правлению удалось разрешить его только путём выведения Карийских золотых промыслов из подчинения Шилкинской горной конторе.

И. Е. Разгильдеев в докладе Нерчинскому горному правлению изложил выявленные недостатки в техническом и материальном оснащении промыслов, а заодно обещал представить отдельный отчёт о лицах, посмеявшихся не исполнить приказы, «внушенные волею Его Превосходительства» губернатора Н. Н. Муравьева (очевиден намёк на А. И. Габриеля) [Там же, л. 676]. В документе содержался прямой упрёк местному горнозаводскому начальству: «заводы постоянно отказывают промыслам в благодетельном пособии» [Там же, л. 679–679 об.]. Это, по убеждению докладчика, вело к низкой производительности промыслов. Чтобы изменить ситуацию он требовал для себя широких полномочий по управлению Карийскими приисками, а также средства и людей. В случае исполнения просьбы обещал «ныне устроить промысла; а в будущем лете, даже без большого прибавления команды, дать правительству 100 пуд золота» [Там же, л. 680]. Такое же обещание Иван Евграфович дал и генерал-губернатору.

И. Е. Разгильдеев потребовал прислать на промыслы дополнительных работников, причем «полносильных». Если таковых окажется немного, соглашался принять некоторое число «малолетков» от 16 до 18 лет. В дополнение просил отправить на Кару 12 хороших кузнецов, 2 слесарей, 12 колесников. Слабых, покалеченных и старых рабочих, «составляющих бремя для промыслов», намеревался перевести на заводы [2, л. 685]. Разгильдеев подсчитал, что промыслам округа потребуется более 900 чел. Для пушей убедительности он категорично заявил, что если не получит содействия, то уедет в Иркутск, доложит обо всём Н. Н. Муравьеву, и упомянул, что не желает терять «лестное доверие правительства» [Там же, л. 680]. С подобными доводами чиновники Нерчинского горного правления уже не могли не считаться.

Пока доклад лежал в кабинете горного начальника, Иван Евграфович продолжал преобразования на промыслах. Запретил служащим и рабочим без разрешения начальства покупать и продавать вино, играть в карты. Казнокрадам и мздоимцам объявил войну. По его распоряжению за унтер-шихтмейстером Мыльниковым, служившим командным надзирателем на Верхней Каре, был установлен тайный надзор. Оказалось, что Мыльников брал взятки, самовольно отпускал рабочих и использовал их труд в личном хозяйстве. И. Е. Разгильдеев просил Муравьева в назидание другим «приказать поступить с Мыльниковым по всей строгости закона» [4, л. 131].

6 сентября 1849 г. Иван Евграфович обратился к карийцам с речью, названной «Приказом карийской команде». В ней он попытался показать себя благодетелем рабочих, борцом за справедливость. Текст обращения приказал читать на построениях перед началом работ:

«Я прислан сюда для того, чтобы чрез суд праведный: отличать добрых от негодяев, искоренять зло, вознаграждать достойных и, вообще, стараться улучшить весь ваш быт. Ребята! Все мои силы употреблю для того, чтоб бы вы были счастливые и довольные; но в свою очередь требую от вас беспрекословного исполнения моих приказаний: и скажу наперед, худо тем, кто не будет исполнять моей воли!

Жизнь ваша во много улучшена. Вы имете теперь трёхсменную работу, вольную заработку, призрены многие бедные, улучшена пища и облегчен труд. Спрашиваю: чего ж вам еще бы? Остается только пользоваться этими выгодами, которые даёт вам ныне попечительное начальство, и тогда вы будете жить

в удовольствии. Но, к несчастью, многие из вас худо понимают выгоду своего настоящего положения и впадают в пороки: вино, карты, зернение, побеги и обманы – ведут вас к несчастью. Я взял твердое намерение прекратить зло. Знаю, что между вами есть развратители, знаю, что негодяи, корчемники грабят вас, знаю, что карты делают вас: сначала – без денег, одежды и хлеба; а потом – без стыда и совести. Знаю все это и обращаюсь как командир, желающий вам добра, с приказанием: бросьте корчемство, карты и зернение, преследуйте противозаконных вино-продавцев, как ваших грабителей; ловите их и тащите ко мне, а я разделаюсь с ними по-свойски. Знайте и то, что отныне я буду смотреть за вами еще зорче; знайте, что мне известно все, что делается в каждом углу вашего дома, а я давно уже отличил добрых от худых. Знайте все это и помните: доброму будет добро, худому – худо... Смотрите же, я вас предупредил теперь для того, чтобы искоренить зло, избежать различного рода: взысканий, наказаний, судов и несчастий; образумить вас одним моим словом, а не преследовать порок исподтишка и потом наказывать – явно. Итак, ребята, я сказал все, что мне надо было сказать для вашей пользы, вы должны меня понять и положить конец злу: повторяю, сказал для того, чтобы избежать бед, но сам дремать не стану» [Там же, л. 490–491].

Клеймённые, изуродованные шрамами каторжане, изнуренные рабочие выслушивали послание и покорно шли на работы, а там их постоянно подгоняли, били плетью за малейшие провинности. О счастливой жизни, обещанной И. Е. Разгильдеевым, им оставалось только мечтать. Но за их покорностью и терпением скрывалась ярость.

Она вырвалась наружу 8 октября 1849 г. В тот день кандидат в уставщики Стрелков вознамерился наказать розгами не выполнившего урок ссыльнокаторжного Александра Петрова. Каторжанин не собирался мириться с ролью жертвы и приготовился драться. Подоспевший к месту происшествия смотритель Кулаков решил усмирить нарушителя порядка, но заключенные, работавшие поблизости, схватив кайлы и лопаты, встали на защиту товарища. Петров призвал их сопротивляться и кричал: «Не троньте меня, я убью кого-нибудь, будет много мяса!». Толпу охватило волнение. Конвойным под началом унтер-офицера Михайлова с большим трудом удалось окружить бунтовщиков и отвести их в тюрьму. Петров вместе с наиболее активными участниками протеста был показательно наказан перед остальными

рабочими и переведен в тюрьму Шилкинско-го Завода. По факту неповиновения работников началось длительное следствие.

Бунт заставил горное начальство задуматься об ужесточении контроля за приисковыми рабочими. Это было на руку И. Е. Разгильдееву, обещавшему навести такие порядки, при которых добыча золота кратно увеличится, а о протестах никто и помышлять не сможет.

В начале ноября 1849 г. Нерчинскому горному правлению из Главного управления Восточной Сибири пришло указание: «стараться исполнять скоро и точно все требования капитана Разгильдеева клонящиеся прямо к достижению предполагаемого увеличения добычи золота в будущем лете» [6, л. 399–399 об.]. Так, Иван Евграфович Разгильдеев стал фактически всесильным начальником всех золотых промыслов Нерчинского округа. Для Кары начало его правления означало наступление страшных времен.

Чтобы выполнить взятые на себя обязательства по добыче 100 пудов золота, Разгильдеев сгонял на Кару и другие прииски сотни рабочих с рудников и заводов Нерчинского округа. За этими перемещениями пристально следил генерал-губернатор Н. Н. Муравьев. От начальника Нерчинских заводов он требовал прикладывать все усилия для переброски на прииски нужного числа людей. Перевыполнение плана по наполнению промыслов рабочей силой только приветствовалось [3, л. 81]. Он же предложил в слободе Бянкиной устроить особый распределительный пункт для заключенных, следовавших на каторгу. Отсюда сильные и работоспособные каторжане должны были сплавляться на плотках по Шилке до Кары. Слабым и больным доставалась иная участь – работать на рудниках и заводах [3, л. 89].

Сведения о количестве рабочих, прибывших на Кару, довольно противоречивы и неточны. По данным историка А. Г. Патроновой, ещё летом 1849 г. на одной только Каре было сосредоточено до 4 500 чел. [12, с. 109]. Краевед В. Ф. Балабанов утверждал, что в 1850 г. на 5 промыслах Нерчинского округа насчитывалось 4 560 работников, а на Кару с 1850 по 1853 г. пришли 1 300 мастеровых [1, с. 338]. По материалам Нерчинского горного правления, 4 560 рабочих планировалось собрать на главных приисках края только к 1851 г. Но в августе того же года на Карийских, Солкоконском, Култуминском и Ильдиканских промыслах находилось всего 3 300 чел. [6, л. 385]

Так или иначе, на Карийские промыслы постоянно прибывали новые партии рабочих. Казармы были переполнены, запасы продо-

вольствия быстро иссякали, работники голодали. Горная администрация испытывала затруднения даже с заготовкой хлеба для карийцев. Н. Н. Муравьев по этому поводу писал, что имеет все основания «подозревать, что затруднения, встреченные при заготовлении хлеба для означенных выше промыслов, в ближайших к ним селениях, происходят главнейше от перекупки его спекулянтами, соблюдающими одне свои собственные пользы» [3, л. 11]. Чтобы не допустить голода, генерал-губернатору пришлось разрешить покупку хлеба по завышенным ценам.

Понимая затруднительное положение населения приисков, И. Е. Разгильдеев ещё в начале 1850 г. хлопотал о назначении ежедневных кормовых выплат младшим горным чинам и рабочим. Он настаивал на том, чтобы уставщики, штейгеры, унтер-штейгеры, штейгерские ученики, мастера и подмастерья получали по 10 «кормовых» к. в день. Рабочие, по его убеждению, должны были получать по 5 к. Эти выплаты Министерство финансов дозволило исключительно как временную меру для поддержки тех, кто находился на промыслах в «откомандировке» с заводов и рудников. И. Е. Разгильдеев старался добиться выплат и тем, кто постоянно жил на приисках. Доказывая необходимость выдачи кормовых, он напомнил Н. Н. Муравьеву, что промыслы находятся в глухой, каменистой тайге, «где не только нельзя иметь пашен, но даже и огородных овощей», а цены ввиду удалённости от крупных городов чрезмерно высоки. Пришлось ему упомянуть и о кочевой жизни рабочих, вынужденных часто переселяться с одного прииска на другой. «Все вышеизложенные обстоятельства, – писал Иван Евграфович, – надобно считать прямыми причинами поразительной бедности промысловых обитателей, их дурной нравственности, частых побегов и даже – беспокоев в команде. Но чтобы улучшить быт людей и очистить их нравственность, я нахожу одно средство: привязать их к местности интересами собственными, облегчив в то же время труд и нищету» [6, л. 212 об.].

Однако жители промыслов так и не увидели серьёзных улучшений быта. Карийские прииски оказались не обеспеченными одеждой и обувью. Многие рабочие ходили босыми, в грязных лохмотьях. Они трудились круглосуточно на выемке мерзлого торфа и промывке песков. «Гульная» неделя, полагавшаяся после двух недель изнурительного труда, отменялась. Порядок работы с «гульной» неделей вернули с 1853 г. и то исключительно для вольнонаёмных, а также семейных и имевших

«домоводство» работников. За малейшие провинности рабочих наказывали: подвергали аресту, штрафовали, понижали в должности, избивали плетьюми и палками.

Результаты такой эксплуатации не заставили долго ждать. Кара дала 72 пуда 3³/₈ фунта золота, что почти в три раза превышает количество золота, добытого во всем Нерчинском округе за предыдущий год в 1850 г. Тем не менее обещанных 100 пудов золота И. Е. Разгильдеев не сумел добыть. Сезон 1851 г. на Каре принес 61 пуд 36¹/₂ фунта драгоценного металла [11, с. 52].

К приведённым официальным данным следует относиться критически, поскольку коллежский советник Э. Э. Фельдман установил, что в отчётах и шнуровых книгах Карийских золотых промыслов за 1850–1851 гг. имелись расхождения и путаница. Узнав об этом, Н. Н. Муравьев негодовал: «...В настоящее время книги эти не могут служить никаким удостоверением к достижению того, сколько действительно было намыто золота и каким числом рабочих» [6, л. 451].

Но даже с учётом утайки золота показатели Карийских приисков впечатляли. Разгильдеев, воодушевленный первыми успехами, попытался обустроить промыслы. На приисках строились казармы, новые тюрьмы, дома для персонала. Горное начальство поручило проверить проекты новых зданий воспитаннику Академии художеств, первому профессиональному архитектору края Л. И. Иванову. Приехав на Кару, он осмотрел местность, заверил планы и сметы: на ремонт письменного дома; на пристройку к лазаретному отделению; постройку гауптвахты, мастерских, золотосмывочной будки, бани для рабочих, водяной мукомольной мельницы. Проекты роскошного дома для управляющего и дома для лекаря, как слишком большие и не соответствующие градостроительным правилам вызвали возражения архитектора [7, л. 224–225].

В 1851 г. между Нижним и Верхним промыслами была открыта ещё одна россыпь. Рядом с ней начал застраиваться посёлок, названный Средне-Карийским промыслом. В 1852 г. по распоряжению генерал-губернатора Н. Н. Муравьева его переименовали в Екатерино-Николаевский промысел [5, л. 202]. Так он назывался в официальных документах, в обиходе же его чаще называли по-старому.

Средний промысел был, пожалуй, самым живописным на Каре. Он располагался на возвышенном месте посреди невысоких сопков. При И. Е. Разгильдееве тут построили кладовую, украшенную башенкой, двухэтажный

управительский дом с колоннами. К середине 1850-х гг. на Среднюю Кару перенесли резиденцию Управления Нерчинскими золотыми промыслами. Специально для неё было построено длинное здание, в центральной части которого к небу взметнулась изящная башенка со шпилем и флагом.

К 1852 г. Карийские прииски принесли императорскому Кабинету 1 564 195 р. чистой прибыли. За выдающиеся результаты И. Е. Разгильдеев получил похвалу генерал-губернатора и пост начальника Нерчинских заводов. Как раз в это время следственная комиссия, в которой состоял упомянутый ранее Э. Э. Фельдман, выявила многочисленные нарушения приисковой администрации. Привлечь И. Е. Разгильдеева к ответственности члены комиссии не сумели – сказались его высокий пост, связи и протекция Н. Н. Муравьева.

Будучи начальником заводов, Иван Евграфович стремился поднять производительность золотых промыслов на небывалую высоту. При нём на Каре для перевозки песков стали применять двухколесные самопрокидывающиеся тарантайки, вагонетки на рельсовом ходу. Для промывки песков использовали чаши и бочки с конными и водяными двигателями с 1853 г. Широкое распространение получили большие трёхэтажные промывальные машины. Писатель и этнограф С. В. Максимов составил подробное описание разгильдеевского механизма:

«Разгильдеевская машина состоит из трёх этажей. На первом этаже лошади вращают простой цилиндр, отвесно помещённый в машине; на другом этаже помещено большое железное решето, десяти футов в диаметре, на которое сыпается с тачек приисковый песок. Среди решета отвесно ему вращается вал, а к нему в незначительном друг от друга расстоянии прикреплено восемь бревнышек, с которых в длинных рамах свешиваются и опираются на решето железные грабли, мотыки, железные башмаки и тому подобные орудия, предназначенные для движения и пересыпки песку со всех сторон, что при помощи вала устраивается само собою. Немного повыше восьми бревнышек находятся корыта и деревянные каналы, на которые обильно стекает вода из резервуаров и обильно кропит дождем песок, наложенный на решете. Камни, сделавши в решете один оборот, достаточно облегчаются, чтобы упасть в отверстие, из которого отвозят их в особые кучи; части же более мелкие и легкие выплывают сквозь решето на первой этаж, на котором имеется гладкая покатошь. Ровная покатошь состоит в этой машине из двух частей: первая

сильно наклонена, другая же менее поката и имеет несколько сажен длины. На ровной покатости сделано три порога или уступа; вода, унося песок, осаждает его в углубление, находящееся под порогом. Над каждым порогом вращается двусторонний валик с железными шпильками, прибитыми в равных расстояниях. Песок с мельчайшими камушками и вода спадают на покатость, впадают в углубление, из которого поталкиваемые шпильками легчайшие части уносит вода, а золото и железо оседают на дно; но потом ещё повороченные шпильками вытекают через другой порог до другого углубления, дальше до третьего, из которого, как и из двух прежних, отвозят их на большой вашгерт» [9, с. 358]. Только после промывки на большом и малом вашгердах и просушки на сковороде золото поступало в управление промыслами.

И. Е. Разгильдеев допустил на прииски вольностарателей – подрядчиков, работавших небольшими артелями и сдававших золото администрации промысла. На Верхней Каре вольностарателям за каждый сданный золотник платили 35 к. в 1853 г. Среди первых карийских вольностарателей был поселенец Антон Люборацкий. Его артельщики с 12 августа до 23 сентября 1853 г. добыли 1 пуд 20 фунтов 4 золотника золота и заработали свыше 2 тыс. р. [6, л. 497].

В 1853 г. по Карийским помыслам прокатилась эпизоотия сибирской язвы, из-за которой рабочие остались без тягловых лошадей. Без коней работники не могли выполнить уроки по выемке и перевозке торфа и галек. И. Е. Разгильдеев «в видах вспоможения» пострадавшим сократил урочные нормы и разрешил выдать рабочим ссуды на покупку новых лошадей. В то же время он приказал наказывать и сажать в тюрьму тех, кто не выполнил уроки [Там же, л. 520–522].

Несмотря на тяжелую ситуацию, в 1853 г. на приисках края было добыто свыше 171 пуда золота. Впрочем нельзя забывать, что за подобные рекорды забайкальцы заплатили высокую цену. Рабочие и ссыльные из-за скученности проживания, отсутствия полноценной еды, медикаментов, жесточайшей дисциплины и побоев надзирателей болели и умирали. Цинга и тиф были самыми распространенными болезнями. Доктор Ю. И. Штубендорф, работавший при Н. Н. Муравьеве, в своей служебной записке беспристрастно констатировал, условия, способствовавшие росту заболеваемости различными инфекциями на Каре: «Всем известно дурное влияние, которое имеют на здоровье сырые и холодные жилища. Сырость происхо-

дит не только от устройства жилищ на мокрых местах и дурного состояния полов, потолков и стен, но в большей еще мере от испарения, не соответствующего размерам жилищ, числа находящегося в них жителей и недостаточной просушки оных. При недостатке помещений для работников в 1850 г. они по необходимости находились в казармах слишком тесных относительно числа жителей, там же просушивались мокрые их платья. Обыкновенным отоплением и очищением комнат нельзя ожидать уничтожить миазмы и заразы, породившиеся во время свирепствующих повальных болезней... Из переписки видно, что промысловое Управление повторяло свои требования о муке и крупе, которой не имелось в надлежащем запаса...» [5, л. 77 об. – 79 об.].

По данным краеведа В. Ф. Балабанова, в период с октября 1850 по март 1851 г. скончалось 650 человек [1, с. 338]. Умерших приходилось хоронить без гробов.

Эпидемии, эпизоотии, стремление администрации разрабатывать как можно более богатые участки негативно сказывались на производительности приисков. Постепенно количество добывавшегося золота снижалось. В 1855 г. Разгильдеев был обвинён в невыполнении наряда по добыче золота и привлечён к военному суду. Приняв во внимание заслуги обвиняемого, Кабинет ЕИВ освободил его от должности с выплатой пожизненной пенсии 1 500 р. в год.

Интересно, что память о Разгильдееве и его времени надолго сохранилась в народных преданиях и песнях. Одно из таких произведений было записано известным фольклористом Л. Е. Элиасовым. Исполнитель песни, житель Нижней Кары К. Д. Щерабоков рассказывал: «Песню эту любили слушать и старики, которые И. Е. Разгильдеева помнили, и молодежь, что его только по рассказам знала. Вот соберутся старики, бабы к ним пристанут, и как затянут эту песню, ну просто старинка перед глазами так и проходила, будто это вчера только и было»:

«Дождик, дождичек идёт,
По Каре змея плывёт,
Ищет брата дорогого,
Разгильдеева родного.
В Нижней Каре пристаёт,
К Разгильдееву идёт.
Здравствуй, здравствуй, брат родной.
Разудалый, дорогой».

Далее змея обращается к Разгильдееву:
«Одним Ядом ты живёшь,

От него сам пропадёшь,
 Пережалить всех нельзя, –
 Лучше слушай ты меня:
 Жалить надо изредка;
 Добрым словом обходись,
 На людей ты не сердись,
 Даже знает то змея,
 Сестра родная твоя» [10].

Как видно, в этой песне И. Е. Разгильдеев сравнивается со змеей, предстает жестоким, бессердечным человеком, которому даже бездушная рептилия даёт совет быть добрее. Примерно тот же образ злого человека создают и другие народные песни о разгильдеевщине. Тем интереснее устный рассказ, записанный революционером, бывшим ссыльнокаторжным Лонтием Фадеевичем Бердниковым со слов карийского жителя Осипа Федоровича Шелкова в 1928 г.: «Разгильдеев был очень образованный горный инженер; он изобрел золото-промывательную бочку, но за отсутствием пригодного для такой бочки железа на Каре, бочка была деревянная; затем установил подачу песков из разреза на золотопромывальную машину по рельсам в вагонах, какие теперь на железных дорогах... Разгильдеевым издавались приказы служащим о твердом отношении к рабочим, т. е. обращаться с рабочими строго, но справедливо. Жестокости, приписываемые И. Е. Разгильдееву творились его сослуживцами: Риком, бывшим полицмейстером Кары, человеком строгим и суровым, Кулаковым, помощником И. Е. Разгильдеева по техническим вопросам, который также был жестокий человек; на Верхнем Промысле, в 3 верстах от Среднего на кладбище каторжан и горнозаводских крепостных крестьян недавно еще находили кандалы, не снятые с забитых до смерти на работах в разрезе каторжан, с которых не успевали снимать кандалы, в кандалах прямо зарывали забитых рабочих». Ниже с долей горькой иронии Л. Ф. Бердников писал: «Сам инженер Разгильдеев, по словам Шелкова, был гуман-

ный человек: на работах в разрезе были проложены две тропинки. Одна по самим работам, другая по увалу, выше работ. Разгильдеев был очень вспыльчивый человек, жена же его была очень добрая и сострадательная к рабочим; Разгильдеев ходил по работам по нижней тропинке, жена же его всегда сопровождала и наблюдала за ним, проходя по верхней тропинке, и когда замечала, что Разгильдеев уже сильно увлекался рукопашной расправой с рабочими, то подзывала его к себе на верхнюю тропинку: «Ваня, иди ка сюда, мне очень тебя нужно», тогда Разгильдеев бросал расправу, поднимался к жене, целовал её ручки и успокаивался на время. Разгильдеев, будучи уже горным начальником Нерчинского округа со своими служащими обращался очень грубо и жестоко. Так, в Нерчинском Заводе, где была главная резиденция Горного округа, всякий служащий, проходя мимо Горного правления, должен был снимать головной убор, а однажды, собрав всех служащих на площади, самолично срывал с них погоны, якобы за неправильный строй» [8, л. 4–4 об.].

В этом отрывке сочетаются не сочетаемые понятия: «гуманность» и «жестокость», рядом приводятся примеры бережного отношения Разгильдеева к жене и его же грубых поступков по отношению к подчинённым. Всё это хорошо согласуется с поступками и решениями Ивана Евграфовича. С одной стороны он высказывал рационализаторские предложения, пытался навести порядок, добивался дополнительных выплат для старателей, а с другой – выжимал из рабочих последние силы, не гнушался применением силы лишь бы получить как можно больше драгоценного металла. В любом случае, время его управления краем вошло в историю как пик производительности и бурного развития Карийских промыслов, да и всей забайкальской золотопромышленности, но в памяти народной осталось под названием «разгильдеевщины».

Список литературы

1. Балабанов В. Ф. История земли Даурской. Чита: Эффект, 2003. 400 с.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 31. Оп. 1. Д. 1299.
3. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1523.
4. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1850.
5. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1648.
6. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1907.
7. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 2023.
8. ГАЗК. Ф. р1527. Оп. 1. Д. 63.
9. Максимов С. В. Сибирь и каторга: в 3ч. / сост., вступ. ст. и прим. Л. П. Кузьминой; под ред. Л. Е. Элиасова. СПб.: Тип. Граншеля, 1871. Ч. 3. 338 с.
10. Народная поэзия рабочих Сибири / сост., вступ. ст. и прим. Л. П. Кузьминой; под ред. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 260 с.
11. Озерский А. Д. Очерк геологии, минеральных богатств и горного промысла Забайкалья. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1867. 96 с.

12. Патронова А. Г. «Разгильдеевщина» (К вопросу о положении рабочих Нерчинского края в период кризиса феодальной системы) // Вопросы краеведения Забайкалья. Чита: ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского, 1973. Вып. 1. С. 108–116.

Сведения об авторах

Мясников А. В. – краевед, корреспондент издательства «Вокруг света», г. Москва, Россия, e-mail: avmyasnikov@mail.ru

Myasnikov A. V. – Correspondent of the Publishing House “Vokrug sveta”, Moscow, Russia, avmyasnikov@mail.ru

УДК 93/94:355.425.4(571.55)

**Советская историография
партизанского движения в Восточном Забайкалье**

Денис Александрович Таскин

Администрация Губернатора Забайкальского края, г. Чита, Россия

taskins@yandex.ru

В статье рассматривается историографический аспект партизанского движения в Восточном Забайкалье в годы Гражданской войны. Прослеживается путь становления советской историографии, её развитие и эволюция взглядов. Выделяются наиболее яркие труды по обозначенной тематике, рассматриваются подходы к событиям Гражданской войны в Забайкалье. В центре внимания находятся как мемуарная литература участников партизанского движения и специальные исследования. Дается анализ сильных и слабых сторон советской историографии, посвящённой партизанскому движению в Восточном Забайкалье.

Ключевые слова: Восточное Забайкалье, партизанское движение, гражданская война, советская историография, воспоминания, документы, партизаны

Soviet Historiography of the Partisan Movement in Eastern Transbaikalia

Denis A. Taskin

Administration of the Governor of Transbaikal region, Chita, Russia

taskins@yandex.ru

The article deals with the historiographical aspect of the partisan movement in Eastern Transbaikalia region during the Civil War. The path of Soviet historiography formation, its development and the evolution of views are described. The most important works on this topic are singled out, approaches to the events of the Civil War in Transbaikalia are considered. The memoirs of the partisan movement participants and special studies are in the spotlight. An analysis of the strengths and weaknesses of Soviet historiography devoted to the partisan movement in Eastern Transbaikalia is given.

Keywords: Eastern Transbaikalia, partisan movement, civil war, Soviet historiography, memories, documents, partisans

Для любого народа, общества, государства гражданская война является величайшим потрясением. Это грандиозное по своим масштабам событие, сотканное из тысяч и тысяч мелких действий отдельных людей и групп, превращается в гигантское историческое полотно, которое привлекает всё новых и новых исследователей, заставляя их восстанавливать картину произошедшего, осмысливая её сообразно имеющимся научным знаниям и политической конъюнктуре.

Развернувшаяся на огромных пространствах России Гражданская война, несмотря на общий вектор противостояния, в каждом конкретном регионе имела свои специфические особенности, существенно влияющие как на ход политического процесса, так и на ход боевых действий. Именно поэтому изучение регионального аспекта Гражданской войны является важным элементом для понимания всего сложного и многогранного процесса гражданского противостояния в России в 1917–1922 гг.

Современными исследователями в советской историографии о Гражданской войне выделяются три хронологических этапа: первый – с 1917 г. до начала 30-х гг. XX в., второй – с начала 30-х гг. до второй половины 50-х гг. XX в. и третий со второй половины 50-х гг. XX в. до 1991 г. [24].

Особенностью первого этапа является то, что он совпадает со становлением всей советской исторической науки. История только что произошедшей социальной революции и последующей Гражданской войны являлась предметом особого внимания не только исследователей, но и советской власти. Не случайно, что уже 21 сентября 1920 г. Совет Народных Комиссаров принимает Декрет «Об учреждении комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической Партии» [11]. Целью Комиссии, которая позже была преобразована в отдел ЦК РКП (б), стали сбор, систематизация, хранение и издания материалов, касающихся как самой революции, так и последующей Гражданской войны. Для этой работы Комиссией (по предложению ее председателя М. С. Ольминского она получила сокращенное название Истпарт) были созданы истпарты при краевых, областных и республиканских органах власти [1]. В Чите создан Дальневосточный истпарт. В 1922 г. его сотрудникам удалось собрать значительное количество материалов по истории Гражданской войны в Забайкалье и, в частности, по истории партизанского движения [16]. Несмотря на то, что собранные материалы долгое время оставались необработанными, они сформировали источниковедческий фундамент, на котором в дальнейшем строилось здание советской историографии, посвященной Гражданской войне.

Одной из первых попыток систематизированного изложения хода партизанской борьбы в Восточном Забайкалье можно считать статью Н. К. Аникьева, опубликованную в 1925 г. [2]. Будучи активным участником партизанского движения, автор достаточно подробно описывает операции, в которых принимал участие, но допускает неточности в изложении событий, очевидцем которых не был. При этом описание партизанского движения нельзя считать полным из-за упущения значительного количества важных моментов. В тоже время рассказ Аникьева содержит интересные детали, которых не встречается в других источниках.

Главной особенностью первого периода становления советской историографии о Гражданской войне было то, что многие исследователи одновременно являлись и участниками

событий. Поэтому основная часть публикуемых материалов представляла собой воспоминания очевидцев. Первый сборник воспоминаний забайкальских партизан был опубликован в 1929 г. [19]. Ценность данного источника заключается не только в том, что он содержит воспоминания, которые не встречаются в более поздних подобных работах, но вводит в научный оборот документы партизанских соединений и партизанский фольклор.

Что касается воспоминаний участников, то общим слабым местом таких изданий являлась недостаточная проработка публикуемых материалов, которые содержали в себе массу неточностей и ошибок. С другой стороны, эти воспоминания практически не были затронуты цензурой и лишены идеологической нагрузки, представляя собой ценный материал для следующих поколений исследователей.

Книга М. А. Дробова, посвященная партизанству, как одной из форм вооруженной борьбы вышла в 1931 г. [12]. В этой работе автор в широком временном и территориальном диапазоне рассматривает феномен партизанского движения, даёт его теоретическое и практическое осмысление. Естественно, что не обходит он вниманием период Гражданской войны. Изучая действия партизанских отрядов в Приморье и Забайкалье, автор отмечает их хорошую организованность, наличие в действиях идеологической составляющей, проводимую среди населения последовательную политическую работу, более тесную связь между крестьянством и рабочими. По мнению М. А. Дробова, эти характеристики качественно отличали партизанское движение Приморья и Забайкалья от партизанского движения на Алтае, которое являлось более массовым, но при этом хуже организованным.

История партизанского движения в годы Гражданской войны активно использовалась и в специальной пропагандистской литературе. Так, информацию о деятельности забайкальских партизан можно найти в изданной в 1932 г. книге «Партизанам и красногвардейцам Восточной Сибири» [18].

В тоже время продолжается публикация воспоминаний бывших рядовых партизан и видных представителей этого движения. Под редакцией М. А. Горького выходит в свет сборник эпизодов из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке, в котором целый раздел был посвящён воспоминаниям забайкальцев в 1935 г. [22].

К середине 30-х гг. XX в. в советской историографии намечается тенденция к установлению единого подхода во взглядах на Граж-

данскую войну и, в частности, на партизанское движение. Именно она определяет завершение первого и начало второго этапа развития советской историографии. Превалирующим положением этого подхода становится утверждение о безусловной руководящей роли партии большевиков в организации масс на борьбу с белогвардейцами и интервентами. Наиболее чётко эта позиция нашла своё отражение в вышедшем в 1938 г. кратком курсе истории ВКП (б), в котором, в частности, говорилось: «Красная армия победила потому, что в тылу белогвардейских армий, в тылу Колчака, Деникина, Краснова, Врангеля орудовали в подполье замечательные большевики, партийные и непартийные, которые подымали на восстание рабочих и крестьян против интервентов, против белогвардейцев, подрывали тылы врагов Советской власти и, тем самым, облегчали продвижение Красной армии. Всем известно, что партизаны Украины, Сибири, Дальнего Востока, Урала, Белоруссии, Поволжья, подрывавшие тылы белогвардейцев и интервентов, оказали Красной армии, неоценимую услугу» [15].

Если в начале двадцатых годов мотивы к возникновению партизанской борьбы объяснялись стихийностью и указывалось что «Партизанская борьба ... вспыхивает от накопившегося в груди рабочих и крестьян гнева и неприемлимой злобы против своих классовых врагов» [5, с. 36–37], то теперь акцент смещается на безусловную подготовку всей партизанской борьбы партийными органами. В 40-е гг. XX в. выходят работы Г. Е. Рейхберга и С. С. Григорьевича, посвященные борьбе против японской и американской интервенции [10; 20]. В них в общем контексте Гражданской войны упоминаются и действия забайкальских партизан.

Значимым событием в историографии партизанского движения в Восточном Забайкалье стало издание к 30-летию Октябрьской революции сборника воспоминаний и документов. В сравнении с указанным выше сборником 1929 г. эта книга содержит меньшее количество воспоминаний, но при этом публикует большое количество документов. Более детально в ней представлены сведения о работе подпольных ячеек в Чите, Верхнеудинске и других населенных пунктах Забайкалья. В тоже время сборник несет характерную черту своего времени – в его материалах совсем не упоминаются репрессированные во время «большого террора» видные лидеры партизанского движения М. М. Якимов и Я. Н. Коротаев. По этой причине, вступительная обзорная статья редактора сборника Г. В. Грунина имеет значительные упущения в описании действий партизанских

отрядов. В тоже время, сборник ввел в научный оборот ряд интересных документов, касающихся взаимоотношений японских интервентов и семеновского правительства в экономической сфере [4].

Смерть И. В. Сталина и приход к власти Н. С. Хрущева ознаменовали собой большие перемены в экономической и общественной жизни страны. Не осталась в стороне и историческая наука. Начавшийся третий этап развития советской историографии, характеризуется введением в оборот новых архивных документов и публикацией ранее не издававшихся воспоминаний участников Гражданской войны.

К 40-летию Октябрьской революции в Чите были изданы два знаковых для историографии партизанского движения в Забайкалье сборника воспоминаний и документов. В первом – «Красногвардейцы и партизаны» воспоминания были сгруппированы в три хронологических и событийных раздела – Даурский фронт, партизанское движение и Дальневосточная республика [15]. Особенностью этого сборника стало то, что помимо воспоминаний в нем были опубликованы и фотографии их авторов. Кроме того, сборник вернул из небытия имена М. М. Якимова и Я. Н. Коротаева. Фотография последнего была опубликована в сборнике отдельной вкладкой.

Второй сборник – «За власть Советов» представляет собой публикацию документов из фондов Читинского и Хабаровского архивов, а также архивов Октябрьской революции и института Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС [13]. Так же, как и в первом сборнике, документы здесь сгруппированы по трём хронологическим отрезкам: 1917–1918; 1918–1920; 1920–1922 гг. Помимо советских документов, в сборник включено большое количество материалов, исходивших из противоположного лагеря. Однако, как отмечают сами составители, эти документы отобраны с «серьёзным критическим отношением». Видимо поэтому, в «Донесении начальника Нерчинской уездной милиции управляющему Забайкальской области о выступлении японцев против красных партизан» часть текста о взаимоотношениях партизан с населением опущена со сноской «опущены клеветнические выпады против красных партизан» [Там же, с. 271]. Впрочем, эти нюансы не умаляют ценности сборника, который впервые собрал такой объём разноплановых документов, дающих представление о Гражданской войне в Забайкалье. Для изучения партизанского движения особый интерес представляют впервые опубликованные два номера, издававшейся партизанами газеты «Красноармеец».

Важной вехой в историографии партизанского движения стал 1960 г. – год 40-летия освобождения Забайкалья от белогвардейцев и интервентов. Помимо большого количества публикаций в районной и областной периодической печати, в Чите выходит объёмный сборник статей и очерков об участниках борьбы за Советы в Забайкалье [9]. Помимо воспоминаний в нём значительную часть занимают очерки об активных участниках партизанского движения или его значимых событиях.

В этом же году издаются воспоминания активного участника партизанского движения М. Г. Ушакова [7; 23]. Несмотря на то, что издание заявлено как мемуары, оно представляет собой обобщающий материал по истории партизанского движения, описывая те события, в которых автор не принимал непосредственного участия.

Воспоминания братьев Цыпаловых – участников партизанских отрядов, действовавших в районах западнее Читы издаются в 1961 г. [25]. В этих мемуарах можно найти интересные подробности не только боевых действий, но и взаимоотношений партизан с монгольскими властями.

Книга известных исследователей истории Гражданской войны на Дальнем Востоке Г. Е. Рейхберга и Б. М. Шерешевского, посвященная командующему забайкальскими партизанами П. Н. Журавлеву [21] вышла в 1963 г. Помимо его биографии в книге опубликован большой массив архивных материалов (донесения партизанских отрядов, приказы и т. д.), охватывающих период с июня 1919 по март 1920 г.

В коллективной монографии «Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье» партизанскому движению посвящены второй и третий раздел третьей главы. Здесь прослеживается уже устоявшаяся в советской историографии точка зрения о безусловной руководящей роли партийных организаций в партизанском движении [4]. В целом, указанные разделы написаны по уже опубликованным работам и каких-то новых данных не содержат. То же самое можно сказать и о коллективной монографии «Героические годы борьбы и побед» в которой рассматриваются вопросы Гражданской войны на Дальнем Востоке и, в частности, партизанское движение в Забайкалье [8].

В сборнике воспоминаний и документальных очерков публикуются статьи таких участников партизанского движения как Жигалин, Ушаков, Куликова, Козлов, Пешков, Пляскин, Липатов, Сухарев, Вологдин в 1969 г. Помимо уже известных, опубликованных ранее подроб-

ностей из жизни партизанских отрядов в указанном сборнике появляются и новые факты. В частности, интересны воспоминания Сухарева, затрагивающие такой малоизученный вопрос как отношение партизан к созданию Дальневосточной республики [17].

Большое количество интересных подробностей о деятельности партизанских отрядов и подпольных групп можно найти в книге крупнейшего исследователя Гражданской войны в Восточном Забайкалье В. И. Василевского «Дела легендарных дней» [6]. Благодаря большому объёму архивных материалов автор прослеживает зарождение и развитие большевистского подполья, а также его связи с партизанскими отрядами.

Непосредственно изучением партизанского движения в Восточном Забайкалье занималась О. М. Цыренова. В своих работах она рассматривала как предпосылки возникновения партизанского движения, так и непосредственные действия партизанских отрядов. Ей была сделана попытка проанализировать количественный состав противоборствующих сторон и их вооружённость [25; 26].

Интерес к изучению и Гражданской войны в Забайкалье и партизанского движения ослабевает в 80-х гг. XX в. Практически перестают публиковаться работы, посвящённые этим событиям. Начавшийся процесс трансформации советского общества начинает выдвигать на первый план совсем иные исторические темы, занимающие умы исследователей.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что партизанскому движению Восточного Забайкалья в советской историографии уделялось большое внимание. Опубликован достаточно представительный массив мемуаров бывших партизан, однако научная проработка этой темы всегда велась либо в русле изучения общего хода Гражданской войны в Забайкалье, либо в рамках работ, посвящённых большевистскому подполью. Отдельных обобщающих трудов, ориентированных непосредственно на партизанское движение, создано не было.

Несмотря на большой массив опубликованных документов, относящихся к периоду партизанской борьбы, их подбор осуществлялся исходя из конкретных идеологических установок, что, конечно, не могло не «лакировать» действительность, скрывая некоторые нелицеприятные факты, связанные с действиями красных партизан.

В силу устоявшегося классового подхода в советской исторической науке, партизанское движение Восточного Забайкалья в советской

историографии рассматривалось, с одной стороны, как элемент открытого противостояния рабочих и крестьян, с другой – буржуазии с зажиточным крестьянством с другой. Однако главной особенностью вооруженной борьбы в Забайкалье являлось участие в ней подавляющего числа забайкальских казаков. Этот фактор, существенно повлиявший на весь ход

Гражданской войны в Забайкалье, советскими исследователями или упоминался вскользь, или не учитывался вовсе.

Ещё одним существенным недостатком советской историографии в рассматриваемом вопросе стала недоступность для исследователей воспоминаний и материалов опубликованных в эмиграции.

Список литературы

1. Алексеева Г. Д. Истпарт: основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 17–29.
2. Аникьев Н. Партизанское движение в Восточном Забайкалье // Дальистпарт: сб. материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке: в 3 ч. Владивосток: Книжное дело, 1925. Ч. 3. С. 109–136.
3. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье / В. И. Василевский, Г. В. Грунин, В. Р. Изгачев [и др.]. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 365 с.
4. Борьба за советы в Забайкалье: сб. ст., материалов и док. / под ред. Г. Грунина. Чита: Чит. обл. изд-во, 1947. 375 с.
5. Борьба с контр-революцией в Сибири и на Дальнем Востоке. [б. м.]: Воен.-ред. совет НРА и Флота ДВР, 1922. 150 с.
6. Василевский В. И. Дела легендарных дней. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 96 с.
7. Василевский В. И. Революция и Гражданская война в Забайкалье. Краткий биографический указатель. Чита: Чит. обл. изд-во, 1989. 25 с.
8. Героические годы борьбы и побед: Дальний Восток в огне гражданской войны / отв. ред. Ф. И. Петров. М.: Наука, 1968. 390 с.
9. Годы и люди: ст. и очерки об участниках борьбы за Советы в Забайкалье / отв. ред. Г. В. Грунин. Чита: Чит. кн. изд-во, 1960. 415 с.
10. Григорцевич С. С. Американская и японская интервенция на Дальнем Востоке и её разгром. М.: Госполитиздат, 1947. 200 с.
11. Декрет «Об учреждении комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической Партии». Текст: электронный // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. URL: <https://istmat.org/node/42552> (дата обращения: 24.02.2022).
12. Дробов М. А. Малая война. Партизанство и диверсии. Текст: электронный // ЛИТМИР. URL: https://www.litmir.me/br/?b=131442&p=#section_1 (дата обращения: 28.02.2022).
13. За власть Советов. Сборник документов о борьбе трудящихся Забайкалья в 1917–1922 гг. / введение Б. Шерешевского. Чита: Чит. кн. изд-во, 1957. 440 с.
14. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). М., 1938. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/page/stalin-vkpb.html> (дата обращения: 02.03.2022). Текст: электронный.
15. Красногвардейцы и партизаны. Сборник воспоминаний участников Гражданской войны в Забайкалье. Чита: Чит. кн. изд-во, 1957. 140 с.
16. Наумов И. В. Гражданская война в Забайкалье в советской историографии 1920-х – начала 1930-х годов // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 3, № 2. С. 131–143.
17. Октябрьская тетрадь. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969. 287 с.
18. Партизанам и красногвардейцам Восточной Сибири. Иркутск: ОГИЗ, 1932. 88 с.
19. Партизаны: сб. ст., партизанских и красногвардейских воспоминаний, историч. документов и боевых песен – посвященный трехлетней героической борьбе рабочих и крестьян Забайкалья за власть Советов. Чита: Печатное дело, 1929. 205 с.
20. Рейхберг Г. Е. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке. М.: Соцэкгиз, 1940. 212 с.
21. Рейхберг Г. Е., Шерешевский Б. М. Партизанский вожак. Чита: Чит. кн. изд-во, 1963. 75 с.
22. Таёжные походы. Сборник эпизодов из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке. URL: <http://www.biografia.ru/about/pohod.html> (дата обращения: 08.02.2022). Текст: электронный.
23. Ушаков М. Г. По долинам и по взгорьям ... Чита: Чит. кн. изд-во, 1960. 78 с.
24. Хитрый В. Г. Партизанское движение в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке России (1918–1920): современный взгляд: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Текст: электронный // disserCat. URL: <https://www.dissercat.com/content/partizanskoe-dvizhenie-v-gody-grazhdanskoi-voiny-na-dalnem-vostoke-rossii-1918-1920-sovremen> (дата обращения: 24.02.2022).
25. Цыпылов И. В., Цыпылов К. А., Цыпылов М. А. Бойцы вспоминают минувшие дни / лит. запись И. Чернева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. 146 с.
26. Цыренова О. М. Из истории партизанского движения в Восточном Забайкалье в 1919 году // Вопросы краеведения Забайкалья. Чита: Изд-во Чит. гос. пед. ин-та им. Н. Г. Чернышевского, 1973. Вып. 1. С. 25–44.

27. Цыренова О. М. К вопросу о предпосылках партизанского движения в Восточном Забайкалье // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов: материалы науч. конф. Чита: Чит. обл. изд-во, 1972. С. 190–197.

Сведения об авторах

Таскин Д. А. – заместитель начальника управления по внутренней политике Губернатора Забайкальского края, Администрация Губернатора Забайкальского края, Россия, г. Чита, e-mail: taskins@yandex.ru

Taskin D. A. – Deputy Head of the Internal Policy Department of the Governor of the Trans-Baikal Region, Administration of the Governor of the Trans-Baikal region, Russia, Chita, taskins@yandex.ru

УДК 93/94

Освещение Хабаровского похода белоповстанческой армии в 1921–1922 гг. на страницах газеты «Дальневосточный телеграф»

Александр Олегович Баринов

г. Чита, Россия

ao.barinov@yandex.ru

В статье показан историографический обзор имеющейся мемуарной и исследовательской литературы, главное внимание было уделено публикациям, прежде всего, оперативным сводкам, которые публиковались на страницах главной государственной газеты ДВР и которые пока не стали частью основной, введённой в научный оборот, источниковой базы по данной теме.

Ключевые слова: боевые действия, Восточный фронт, Хабаровск, Белоповстанческая армия, Народно-революционная армия, Блюхер, Молчанов, Меркулов, Япония

Coverage of the Khabarovsk Campaign of the White Rebel Army in 1921–1922 on the Pages of the Newspaper “Dalnevostochny Telegraph”

Alexander O. Barinov

Chita, Russia

ao.barinov@yandex.ru

The article is revealed a historiographical review of the available memoir and research literature, the main attention was paid to publications, primarily operational reports, which were published on the pages of the main state newspaper of the Far East and which have not yet become part of the main, introduced into scientific circulation, source base on this topic.

Keywords: military operations, Eastern Front, Khabarovsk, White Rebel Army, People’s Revolutionary Army, Blucher, Molchanov, Merkulov, Japan

Во Владивостоке был издан двухтомник историка Игоря Леонидовича Рыжова, посвящённый истории гражданской войны на востоке России в 2020 г. [42]. Вторая книга называлась «1922 год. Последний поход. Заключительный этап Гражданской войны в России (сентябрь–октябрь 1922 г. в Приморье)» [44]. Её «Пролог» посвящён, в том числе, и Хабаровскому походу так называемой Белоповстанческой армии, как стали тогда именовать себя остатки Дальневосточной армии белых (каппелевцев и семеновцев).

Автор в крайне сжатой форме изложил суть этого события: «Имея в своем составе 6 000 штыков и сабель, белоповстанцы начали беспримерный Хабаровский поход. В ходе него белым частям удалось разгромить и разметать остатки дальневосточных партизанских отрядов по окрестностям Приморья и Приамурья. Затем части генерала Молчанова обрушились на Народно-Революционную армию (НРА) ДВР и вытеснили её за Амур. В конце декабря 1921 г. взяли Хабаровск. В течение полутора месяцев на пространстве между станцией Ин и селом

Волочаевка почти не прекращались отдельные бои и стычки. Командование НРА подтянуло почти все боеспособные части и, измотав силы белых, принудило их перейти к обороне.

Около станции Волочаевка произошли жестокие бои в феврале 1922 г., в результате которых белые потерпели поражение. В конце февраля 1922 г. Хабаровский поход был закончен. Белоповстанцы возвращались к местам своей прежней дислокации» [42, с. 11].

И. Л. Рыжов сделал вывод: «Такая интересная и малоизученная тема, как Хабаровский поход, ещё ждёт своего исследователя» [Там же].

Но для изучения любой темы требуется достаточно широкая и разнообразная источниковая база. Понятно, что сам Хабаровский поход и его ключевые события привлекали внимание современников и прежде всего участников тех событий. При этом если представители красных наибольшее внимание уделялось победному для них Волочаевскому сражению, то белые наоборот – победной для них части Хабаровского похода.

Из исследований красных, прежде всего, стоит выделить книгу, написанную бывшим командующим Восточным фронтом Яковом Покусом, второе издание которой вышло в 1938 г. [40]. В тот же год этот автор был первый раз арестован [3, с. 27].

Из исследователей этой истории у белых самым серьёзным, безусловно, был бывший поручик, артиллерист Борис Филимонов, лично участвовавший в том походе и его сражениях. В 1932 г., будучи в эмиграции в Китае, он в Шанхае издал 1–2 книги «Белоповстанцы». В 2005 г. эта работа и ряд статей этого автора вошли в сборник, изданный в «Последние бои на Дальнем Востоке» [45; 46; 47].

Становится очевидным, что обе работы имеют определённую идеологическую основу. Недостаточна и их источниковая основа. При этом каждый опирался на доступные ему документы или красных, или белых.

Серьёзным дополнением стало издание в 1988 г. в Иркутске сборника документов [38].

В двух главах которой впервые было приведено большое количество архивных документов, касающихся истории Хабаровского похода и основных сражений этого времени.

Ни в одном из этих источников не были использованы материалы, обнародованные в то время на страницах главной официальной газеты ДВР «Дальневосточный Телеграф» («ДВТ»).

Стоит полагать, что часть этих материалов не достоверны (в Чите понимали, что эти дан-

ные могут попасть в руки противника) и порой несвоевременны. Полной подшивки указанной газеты нет ни в Государственном архиве Забайкальского края, ни в Забайкальском краевом краеведческом музее им. А. К. Кузнецова, однако вместе они представляют максимально полную (хотя и лишённую отдельных номеров) коллекцию данного издания. Это и позволило собрать воедино те публикации, что касались Хабаровского похода белоповстанческой армии. Это, прежде всего, «Оперативные сводки», предоставляемые в газету из штаба главкома НРА ДВР, а также отдельные заметки Дальневосточного телеграфного агентства (Дальта). Сразу стоит отметить, что в газете содержалась более разнообразная информация, которая показывала и жизнь тыла в этот непростой период, рассказывала о событиях на «втором фронте», которые создали красные партизаны в тылу белых, о непростых отношениях с Японией, войска которой оккупировали и Приморье, и так называемую «нейтральную зону», и с Китаем, территорию которого в своих целях активно использовали и белые, и красные. Но это уже темы иных работ.

Нанеся удары по красным партизанам Приморья, и, заставив их либо разбежаться, либо уйти в тайгу, белоповстанцы 30 ноября 1921 года повели наступление на запад – на Хабаровск [4, с. 27].

В этот же день, 30 ноября, на страницах «ДВТ» опубликовала первую, крайне осторожную заметку, в которой сообщались и опровергались первые сведения: «Слухи об оставлении нашими частями Уссури ни на чём не основаны. Слухи о занятии нами Ольги подтверждаются» [5]. Здесь же впервые было сообщено о том, что каппелевцы теперь решили называться «белоповстанцами» [Там же].

На первых порах, когда части НРА, милиции и Госполитохраны ДВР терпели поражения и отступали «ДВТ» печатала преимущественно сообщения Дальта. Штаб НРА хранил молчание. Потом несколько дней и газета хранила молчание, лишь 4 ноября сообщив, что 30 ноября «каппелевские части силой около 1 000 штыков под прикрытием японцев повели наступление на ст. Уссури» [6] и приблизились к городу Иман. Тут же было сказано, о том, что Приамурская и Амурская области, а также Амурская железная дорога были объявлены на военном положении. Силы противника явно занижались, называлась цифра в 1 000 штыков, что было почти в десять раз меньше участников похода Белоповстанческой армии [41, с. 209].

Заметки, напечатанные 6 и 7 декабря, внимание было уделено незначительным фактам, таким, как прибытие в Хабаровск первой партии раненных, численность которых была явно занижена – называлась цифра в 16 человек [7].

Именно «Дальта» 7 декабря, когда бои продолжались уже более недели, доверили сомнительное право первым сообщить о том, что, во-первых, белым удалось занять Иман; во-вторых, что в наступлении со стороны каппелевцев участвует «весь Молчановский корпус» [8]. На самом деле в состав Белоповстанческой армии, которую действительно возглавил генерал-майор Викторин Молчанов, входили и части других корпусов Дальневосточной армии [39].

Первая «Оперативная сводка» от штаба главкома и военного министра ДВР была опубликована 9 декабря. В ней сообщались подробности боёв за Иман и после его оставления: «4 декабря каппелевцы получив подкрепления в количестве двух полков Уфимского, Камского и Воткинского кав[алерийского] дивизиона обходным движением через Покровку вышли в тыл Иманским позициям, одновременно ведя наступление с фронта. Под давлением превосходящих сил противника наши части после боя оставили Иман и начали отход вдоль жел. дор. на север» [9].

Стоит подчеркнуть, что в большинстве случаев информация этих «Оперативных сводок» была скупой. Чаще всего сообщалось о том, что на фронте без перемен или, что поиск на фронте ведут разведчики. И это в то время когда части НРА продолжали откатываться к Хабаровску [10].

11 декабря в Хабаровск прибыл заместитель Блюхера Степан Серышев, тот самый, под командованием которого осенью 1920 года войска бывлых были изгнаны из Забайкалья [4, с. 27].

Интересно, что если в «Оперативных сводках» речь шла о событиях на фронте, то «Дальта» оставлялась возможность сообщать информацию иного толка. Именно Дальта впервые сообщила об одной из главных целей Хабаровского похода белых 12 декабря: «Из японских источников сообщают о намерении белогвардейцев занять Хабаровск, откуда они, укрепившись, рассчитывают весной провести наступление по Амуру» [11].

Только один раз за всё время той компании в «ДВТ» была напечатана не оперативная, а разведывательная сводка. Сделано это было 13 декабря. Здесь впервые было сказано о том,

что генерал Молчанов продолжает оставаться в подчинении генерал-лейтенанта Г. А. Вержбицкого, бывшего командующим Дальневосточной армии, который в 1921–1922 гг. являлся командующим Временного Приамурского правительства, то есть правительства братьев Меркуловых во Владивостоке [12].

Начавшийся поход Белоповстанческой армии белых был достаточно неожиданным для командования НРА ДВР. Главком армии и военный министр Василий Блюхер в это время находился в составе делегации ДВР в Дайрене, где шли мирные переговоры с Японией.

Как сообщила 10 декабря Дальта, он срочно выехал в Читу [Там же]. И уже 12 декабря Василий Константинович был в Чите и дал небольшой комментарий происходящим событиям: «В связи с переговорами в Дайрене наше командование не принимало мер к защите границы Имана и других мест Приморья. Согласно договора нейтральная зона охранялась японцами, и мы были уверены, что покуда с японцами ведутся переговоры нет надобности принимать исключительные меры. Совершенно неожиданно белые, не встретив препятствий со стороны японцев, перешли в наступление. Этим объясняются временные успехи белых, которые принятыми мерами нашего командования, безусловно, будут ликвидированы. Белогвардейские движения нам не опасно, – все симпатии и все сочувствие Приморских крестьян на нашей стороне» [Там же].

В этом же номере свою, как оказалось, излишне оптимистичную оценку высказал и заместитель главкома Степан Серышев: «Ликвидация белогвардейской авантюры уже не за горами. С военной точки зрения авантюра не представляет ничего серьезного, ибо у меркуловцев нет достаточно прочной материальной базы. Наступление будет нами остановлено. Сдавать Хабаровск, хотя бы и временно, мы не думали и не думаем. Полагаю, что к концу текущего месяца авантюра будет ликвидирована» [Там же].

Он ошибся и насчёт сроков ликвидации «авантюры» и возможности частями НРА оставить Хабаровск. Оперативные сводки не давали возможность объективно происходить происходящее на Восточном фронте. Порой вместо точных данных в сводках приводились если уж не лозунги, то достаточно расплывчатые по своим формулировкам предложения.

Например, 15 декабря в сводке было сказано, что в «наших действующих войсках настроение бодрое, бойцы сознают, что наш отход есть временный» [16]. На следующий день в сводке было сказано: «Противник держится

осторожно, боев не развивает, предпочитая обходные движения» [14]. Подчёркивалось: «Наши потери незначительны» [15].

22 декабря белые заняли Хабаровск. Затем они дошли до станции Ин. За три месяца наступления белоповстанцы прошли расстояние более 600 верст (примерно 640 километров). И силы их были на исходе [4, с. 27].

Однако главная газета ДВР об этом хранила молчание, продолжая публиковать мало о чём говорящие сводки, в которых белые были исключительно «бандитами», а красные – «героями» [16; 17; 18].

Лишь 27 декабря, через пять дней после случившегося, «ДВТ» наконец-то сообщил о том, что части НРА оставили Хабаровск: «23 декабря в районе Новотроицкое, после ожесточённого боя, под натиском превосходных сил противника наши части с боем отошли к Хабаровску. Одновременно противник повёл наступление на фланги наших частей в районе станции Корфовская и заставил последних отойти к разъезду Красная речка. Развивая дальнейшее наступление противник к вечеру 23 числа отбросил наши части к городу и после боя занял крупными силами Хабаровск. Наши части по приказу командующего войсками отошли на левый берег Амура и производят перегруппировку» [19].

У станции Ин, где красным удалось наконец собрать серьёзную группу войск, включавшую два бронепоезда, 27–28 декабря произошло сражение, остановившее наконец наступление белых [4, с. 27].

Об этом «новогоднем подарке» газета сообщила 30 декабря, напечатав оперсводку штаба главкома, в которой по традиции скупо рассказывалось о бое у ст. Ин 28 декабря. Заканчивалась сводка сообщением: «Наши части по всему фронту перешли в наступление» [20].

Об этом наступлении в необычно подробной сводке было рассказано 6 января. В частности констатировалось: «Наши части после занятия разъезда Ольгохта продолжают дальнейшее наступление на ст. Волочаевка. В бою под Ольгохтой противник оставил на поле боя убитыми и ранеными и обмороженными около 200 человек. Среди них много офицеров. Наши потери незначительны. Дальнейшее преследование противника продолжаются» [21].

После этого сражения белые начали укреплять свои позиции в районе Волочаевки, а красные готовятся к одному из важнейших

сражений на Дальнем Востоке. В сводках продолжался рассказ о больших потерях у белых и незначительных у красных [22]. В течение ряда дней наиболее типичными становятся фразы о том, что на фронте или отдельных его участках «без перемен» [23].

В это время на фронт 19 января отправился лично главнокомандующий НРА и военный министр ДВР Василий Блюхер, который буквально на днях прибыл из Дайрен, где участвовал в переговорах с японцами [24].

Войска Народно-революционной армии (НРА) ДВР главнокомандующим и военным министром республики Василием Блюхером были разделены на две большие группы войск: Инскую и Забайкальскую. Первой возглавил Степан Серышев, вторую – Николай Томин [2, с. 27].

Обе стороны основательно готовились к предстоящему сражению, повышая и степень секретности, что сказалось и на тексте всё ещё печатавшихся в «ДВТ» «Оперативных сводках». Опять доминировали о том, что на фронте «без перемен», хотя бойцы НРА «с энтузиазмом рвутся в бой» [29].

С 5 по 14 февраля 1922 года произошло одно из самых крупных сражений в истории гражданской войны на Дальнем Востоке, имевшее колоссальное стратегическое значение. Не зря современники сравнивали его со взятием Перекопа в Крыму в 1920 г.

В эти дни в районе станции Волочаевка Амурской железной дороги на подступах к Хабаровску сошлись в решающей схватке части так называемой Белоповстанческой армии генерала Викторина Молчанова и Народно-революционной армии (НРА) ДВР во главе с главнокомандующим и военным министром республики Василием Блюхером [1, с. 26–27].

Оперативные сводки даже в дни Волочаевского сражения были и скудными, и осторожными:

«6 февраля 1922 г. В Хабаровском направлении утром 5-го февраля атакованный нами в районе желдороги противник был выбит из разъезда Ольгохта и под нашим натиском отступает к Волочаевке».

«7 февраля. В направлении ст. Волочаевка бой продолжается». «8 февраля. Бой в направлении Волочаевка 7/2 окончился в нашу пользу. Все попытки противника восстановить своё положение, несмотря на его превосходные силы, потерпели полную неудачу. Наши части с боем

продвигаются в восточном направлении по желдороге, тесня сопротивляющегося неприятеля. Потери и трофеи выясняются».

«9 февраля. В Хабаровском направлении. Наши части постепенно продвигаются вдоль желдороги. Противник оказывает упорное сопротивление. Днем 8-го февраля стремительным ударом наших частей противник был сбит с высот Лунку-Керани. Неприятель, – отступая сжигает мосты и все железнодорожные постройки».

«10 февраля. В хабаровском направлении 10/II с рассветом начался бой за обладание ст. Волочаевка. Установлено, что в бою под Ольгохтой 7-го февраля противник потерял более 250 человек убитыми, ранеными и обмороженными. Наши потери 75 человек».

«В хабаровском направлении идет упорный бой за обладание ст. Волочаевка. Наши части в побережном направлении р. Амура с боем заняли с. Верхне-Спасское» [30; 31; 32; 33; 34; 35].

Первое итоговое сообщение в «ДВТ» появилось 14 февраля. В нём было сказано, что противник, «упорно оборонявший сильно укрепленный район Волочаевка-Нижне-Спасское, в трёхдневном бою нами разбит» [26]. Впервые были приведены некоторые подробности этой крупнейшей на Дальнем Востоке битвы: «Наши войска под ураганным огнём артиллерии, пулеметов и бронепоездов неприятеля, преодолев три ряда проволочных заграждений, 12-го февраля овладели ст. Волочаевка и пос. Нижне-Спасское. При попытке двух полков противника остановить наше развивающееся наступление, они были опрокинуты и изрублены в лихой атаке одним из наших кавалерийских полков. Одна из конных батарей, содействуя атаке нашей пехоты, проявила высшую степень доблести, выезжая в передовые цепи и поражая неприятеля картечным огнем. Войска народно-революционной армии в боях с численно-превосходным врагом, опиравшимся на ряд пунктов, с рядами искусственных препятствий, проявили высочайший героизм и беззаветную преданность революционному долгу. Бойцы и командный состав дали ряд примеров проявления величайшего мужества. Преследование противника, отступающего к Хабаровску, продолжается. Потери и трофеи выясняются» [36].

10 февраля, когда Инская группа начала первый штурм, Забайкальская группа в тылу

у белых заняло село Верхнеспасское, а 11-го – Нижнеспасское. Была разгромлена группа генерала Никитина. В полночь 12 февраля Молчанов против группы Томина направил свой единственный резерв – группу генерала Сахарова. В тот же день Забайкальская группа Томина её разгромила. Былые под защитой бронепоездов начали отход на восток. Оборонять Хабаровск они не стали. Город 14 февраля был занят частями НРА ДВР [1, с. 26–27].

13 февраля 1922 г. главком НРА В. К. Блюхер подписал приказ №350/пох., в котором подвёл первые итоги этих сражений: «Бои в районе Нижне-Спасского и Волочаевки ясно показали, что бойцы Востфронта могут разрешить даже самые трудные боевые задачи, выполнять то, что продавшим свою совесть насильникам кажется совершенно невыполнимым, могут потому, что ряды преданных сынов трудового народа спаяны великой правдой, беспримерной любовью к тем, кто на основах частного свободного труда строит свое благополучие. Нашим врагам, потерявшим совесть, забывшим правду, непонятно это великое светлое начало, которое так тесно спаяло наши боевые ряды, ставшие действительно непобедимыми.

Наша новая победа еще раз доказала, что только в тесном единении всех трудящихся скрывается действительно непобедимая мощь, которая дает нам силу выдерживать целые недели под открытым небом на сорокоградусных морозах и при голоде и нужде дает нам мужество побеждать врага, несмотря на все его укрепления и целые леса проволочных заграждений. Непрерывным подвигом доблестных бойцов Востфронта я был свидетелем за все время моего пребывания с вами» [37].

По словам командующего Белоповстанческой армией В. М. Молчанова, сказанным им несколько десятилетий спустя: «Значение похода на Хабаровск было в большей степени политическим, чем военным» [39, с. 180]. Следовательно, поражение белых в этом походе также было не только и не столько военным, сколько политическим. Хабаровский поход Белоповстанческой армии белых завершился, и хотя впереди было ещё несколько месяцев сражений, боев и стычек, стратегическая инициатива полностью перешла в руки НРА ДВР, и дни, пребывая не только белых, но и японских интервентов на Дальнем Востоке были уже сочтены.

Список литературы

1. Баринов А. Волочаевские дни или битва за «Дальневосточный Перекоп» // Забайкальский рабочий. 2022. № 6. 9 февр.
2. Баринов А. Победители из «чужаков» // Забайкальский рабочий. 2022. № 7. 16 февр.
3. Баринов А. Последний комвостокфронта // Забайкальский рабочий. 2022. № 10. 9 марта.
4. Баринов А. Хабаровский рывок Белоповстанческой армии // Забайкальский рабочий. 2021. №. 49. 8 дек.
5. Дальневосточный Телеграф (ДВТ). 1921. 30 нояб.
6. ДВТ. 1921. 4 дек.
7. ДВТ. 1921. 6 дек.
8. ДВТ. 1921. 7 дек.
9. ДВТ. 1921. 9 дек.
10. ДВТ. 1921. 11 дек.
11. ДВТ. 1921. 13 дек.
12. ДВТ. 1921. 14 дек.
13. ДВТ. 1921. 15 дек.
14. ДВТ. 1921. 16 дек.
15. ДВТ. 1921. 17 дек.
16. ДВТ. 1921. 18 дек.
17. ДВТ. 1921. 23 дек.
18. ДВТ. 1921. 24 дек.
19. ДВТ. 1921. 27 дек.
20. ДВТ. 1921. 29 дек.
21. ДВТ. 1921. 30 дек.
22. ДВТ. 1922. 6 янв.
23. ДВТ. 1922. 10 янв.
24. ДВТ. 1922. 11 янв.
25. ДВТ. 1922. 12 янв.
26. ДВТ. 1922. 13 янв.
27. ДВТ. 1922. 14 янв.
28. ДВТ. 1922. 22 янв.
29. ДВТ. 1922. 24 янв.
30. ДВТ. 1922. 7 февр.
31. ДВТ. 1922. 8 февр.
32. ДВТ. 1922. 9 февр.
33. ДВТ. 1922. 10 февр.
34. ДВТ. 1922. 11 февр.
35. ДВТ. 1922. 12 февр.
36. ДВТ. 1922. 14 февр.
37. ДВТ. 1922. 18 февр.
38. И на Тихом океане... Народно-революционная армия ДВР в освобождении Приамурья и Приморья (1920–1922): сб. док. / сост. В. О. Дайнес; авт. предисл. В. О. Дайнес, Т. Ф. Карлева. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. 360 с.
39. Молчанов В. М. Последний белый генерал: устные воспоминания, статьи, письма, документы. М.: Айрис-пресс, 2012. 400 с.
40. Покусом Я. Штурм Волочаевки и Спасска. Народно-революционная армия ДВР в борьбе за освобождение Дальнего Востока 1921–1922 годы. Изд. 2-е, исп. М.: Гос. воен. изд-во, 1938. 122 с.
41. Россия в Гражданской войне 1918–1922. Энциклопедия: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2021. Т. 1. 847 с.
42. Рыжов И. Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918–1922: в 2 кн. Владивосток: Рубеж: Дальнаука, 2020. Кн. 1. 624 с.
43. Рыжов И. Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918–1922: в 2 кн. Владивосток: Рубеж: Дальнаука, 1922. Кн. 2. 368 с.
44. Рыжов И. 1922 год. Последний поход. Заключительный этап Гражданской войны в России (сентябрь–октябрь 1922 года в Приморье). Владивосток: Рубеж: Дальнаука, 2020. 368 с.
45. Филимонов Б. Б. (Поручик 1-го стр. артил. дивизиона) Белоповстанцы. Хабаровский поход зимы 1921–22 годов. Шанхай: Слово, 1932. 243 с.
46. Филимонов Б. Б. Бойко-Павлов в Хабаровске // Последние бои на Дальнем Востоке / сост. С. В. Волков. М.: Центрполиграф, 2005. С. 466–469.
47. Филимонов Б. Б. Конец Белого Приморья // Последние бои на Дальнем Востоке. М.: Центрполиграф, 2005. С. 494–715.

Сведения об авторах

Баринов А. О. – кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Чита, Россия, e-mail: ao.barinov@yandex.ru

Barinov A. O. – Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher, Chita, Russia, ao.barinov@yandex.ru

УДК 625:94(571.54-510)

**Развитие КВЖД в первые годы совместного советско-китайского управления
(по материалам «Вестника Маньчжурии»)**

Юлия Николаевна Ланцова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

astra205@yandex.ru

В статье анализируется развитие Китайско-Восточной железной дороги в первые годы совместного советско-китайского управления в рамках заключенного в 1924 г. Мукденского соглашения. На основе статистических данных периодического журнала, издаваемого Экономическим бюро КВЖД «Вестника Маньчжурии», рассматриваются изменения в техническом оснащении и финансовые результаты эффективности такого управления.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, Забайкалье, СССР, Китай, Мукденское соглашение, совместное управление

**Development of the CER in the early years of joint Soviet-Chinese administration
(Based on materials from the “Bulletin of Manchuria”)**

Yuliya N. Lantsova

Transbaikal State University, Chita, Russia

astra205@yandex.ru

The article analyzes the development of the Chinese Eastern Railway in the first years of joint Soviet-Chinese administration under the Mukden Agreement concluded in 1924. Based on the statistical data of the periodical published by the Economic Bureau of the Chinese Eastern Railway “Bulletin of Manchuria”, changes in the technical equipment and financial results of the effectiveness of such management are looked at.

Keywords: Chinese Eastern Railway, Transbaikalia, USSR, China, Mukden Agreement, joint management

Китайско-Восточная железная дорога имела огромное международное значение на Дальнем Востоке на протяжении всей первой половины XX в., что было обусловлено её важным экономическим, политическим и военно-стратегическим значением в регионе. Не менее важную роль она сыграла и в истории Забайкалья. А период совместного советско-китайского управления КВЖД несомненно является крайне интересным как с политической, так и с исторической точки зрения. Это повлияло на развитие самого предприятия, а также и на экономическое развитие края.

КВЖД строилась на протяжении нескольких лет с 1897 по 1903 г. Договор о строительстве был подписан 22 мая 1896 г., по нему определялись вопросы постройки и эксплу-

атации дороги, которые должен был решить Русско-китайский через создание «Общества КВЖД» (рис. 1). По этому договору общество могло эксплуатировать дорогу в течение 80 лет, однако через 36 лет китайская сторона могла досрочно выкупить дорогу [1; 6; 11].

Строительство дороги осуществлялось от границы Забайкалья (пгт Забайкальск) до пересечения с р. Сунгари (сейчас здесь расположен Харбин), откуда один путь направлялся до ст. Пограничная и далее к Владивостоку, другой – на юг, к г. Дальний и крепости Порт-Артур. Общая протяжённость главного хода КВЖД от границы Забайкалья до Владивостока составила 1 500 км; протяжённость линии до Порт-Артура – 950 км (всего 2 450 км) [9].

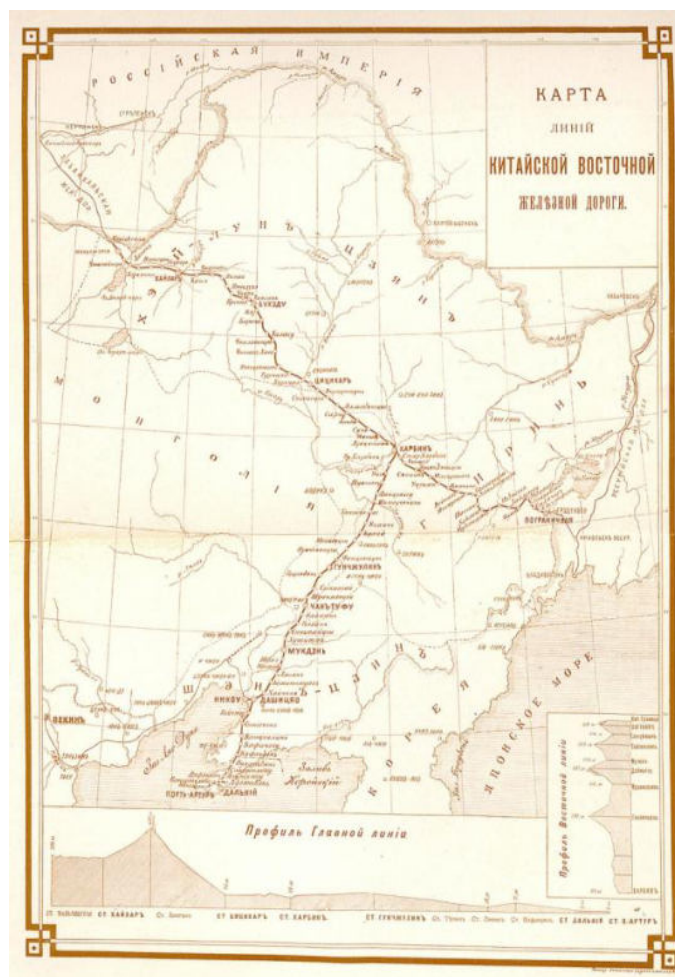

Рис. 1. Карта КВЖД. 1903 г. [5]

1 июля 1903 г. на КВЖД открылось регулярное пассажирское движение и товарные перевозки.

С апреля 1921 по октябрь 1924 гг. управляющим КВЖД был инженер Б. В. Остроумов. 31 мая 1924 г. СССР и Китайская республика подписали «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской республикой», по которому между двумя странами были восстановлены дипломатические отношения, а правительство СССР отказалось от «специальных прав и привилегий», после чего были ликвидированы российские концессии в Харбине, Тяньцзине и Ханькоу при обязательстве китайского правительства не передавать эти права и привилегии третьей державе. КВЖД оставалась под управлением и обслуживанием советской стороны, однако такие условия не устроили мукденского правителя Чжан Цзяо-линя, и он потребовал заключения специального договора СССР с маньчжурскими властями [12].

В результате переговоров 20 сентября 1924 г. в Мукдене было подписано «Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Автономных Трёх Восточных Провинций Китайской Республики». СССР представлял Николай Кириллович Кузнецов, китайскую сторону – Чжен-Цян, Люй Жун-Хуан и Чжун-Ши-Мин [10].

Дорога объявлялась только коммерческим предприятием. Было определено что за исключением дел, относящихся к деловым операциям, которые находились в непосредственном ведении КВЖД. Все другие дела, касающиеся прав национального и местного правительств Китайской Республики, судебные вопросы, дела относящиеся к гражданской администрации и военной администрации, полиция, муниципальное управление, налоги и земельная собственность (за исключением земель, необходимых самой КВЖД) перешли в ведение китайских властей. СССР соглашался на досрочный выкуп КВЖД Китаем.

Рис. 2. Ген. Бао Гуй-Цин, первый председатель правления КВЖД, назначенный после Мукденского соглашения

Рис. 3. Л. П. Серебряков, товарищ председатель правления КВЖД

Все вопросы касаемые деятельности КВЖД должны были решаться на заседаниях правления, состоящее из десяти человек, пять назначались СССР и пять – Китаем (рис. 2, 3, 4). Также Китай назначал одного из китайских членов правления председателем правления, который являлся *ex officio* главным директором. СССР – товарища председателя правления, который является *ex-officio* помощником главного директора. Кворум правления состоял

из 7 лиц, и для проведения в жизнь всех решений правления требовалось согласие не менее шести лиц [10].

Первые годы после заключения Мукденского соглашения была сформирована новая администрация, перед которой стояли очень сложные задачи по вопросам коммерческого развития дороги, но при этом необходимо было улучшить положение рабочих и служащих (рис. 5).

Рис. 4. А. Н. Иванов,
первый управляющий КВЖД,
назначенный после Мукденского соглашения

Рис. 5. Торжественное заседание нового Правления КВЖД 3 октября 1924 г.

Первостепенными задачами были: сплошная замена новыми, тяжелого типа рельсов, шпал, ремонт зданий (который был запланирован ещё 10 лет назад), решение жилищного вопроса.

За первые годы совместного управления часть задач решалась достаточно эффективно. С 1 июля 1925 г. в действие были введены

длинные пробеги поездов, что позволило сократить количество депо. В этот период пассажирское движение по всей дороге обслуживалось из Харбинского депо, а товарное движение – их трех депо: Бухэду, Харбин, Пограничная [8, с. 2]. Это значительно повысило годовой пробег паровозов (табл. 1).

Таблица 1

Годовой пробег паровозов

	1924 г.	1926 г.
Пассажирских	70 264 км	84 227 км
Товарных	44 884 км	54 070 км

Также был увеличен вес товарных поездов на 22 %. Сокращён срок капитального ремонта до 22 дней, который в 1922 г. составлял 120 дней. Проводилось улучшение и усовершенствование подвижного состава, 7 паровозов были оборудованы пароперегревательными системами Шмидта, 12 – самостоятельными турбогенераторами на электрическом освещении, 28 пассажирских вагонов электрическим освещением [5, с. 16], 830 вагонов (из 1200) были оборудованы автоматическими тормозами [8, с. 3].

На 1 января 1927 г. в распоряжении КВЖД было 517 паровозов, из которых 83 – пассажирских, 276 – товарных 10-колесных, 13 – 8-колесных, 124 – 12-колесных; 597 пассажирских вагонов, в том числе 4-основных – 152, 3- и 2-основных – 439 и 12 217 товарных вагонов [5, с. 16].

Изменения коснулись не только технической стороны. Значительно был увеличен процент пассажирских перевозок (табл. 2).

Таблица 2

Пассажирские перевозки

год	тыс. чел.	% к 1924 г.
1924	2 183	100
1925	2 454	112
1926	3 276	150
1927	4 000	183

Статистические данные свидетельствуют об увеличении показателей практически вдвое.

Проводился комплекс мер по повышению качества перевозки пассажиров. Так, в ряде населенных пунктов, даже на расстоянии от КВЖД, стала осуществляться продажа билетов и приемка багажа. С 1926 г. стали организовываться прямые пассажирские перевозки с Европой, а в 1927 г. эти показатели уже превысили 200 % [8, с. 3]. Через свои коммерческие агентства КВЖД открыла даже предварительную запись и продажу билетов в Шанхае, Тяньцзине, Дайрене, Инкоу, Мукдэне, Чаньчуне и Харбине.

В «Вестнике Маньчжурии» приводится сравнительная характеристика логистики проезда пассажиров с Дальнего Востока в Европу и обратно. Что наглядно показывает выгоду использования возможностей КВЖД (табл. 3, 4, 5).

Таблица 3

Морской путь через Суэц

	Время в пути	Стоимость проезда I класса	Число пересадок
Пекин-Шанхай-Марсель-Париж	37 дней	525 ам.дол.	4
Токио-Иокогама-Марсель-Париж	42 дня	550 ам.дол.	2

Таблица 4

Смешанный сухопутно-морской путь на Америку

	Время в пути	Стоимость проезда I класса	Число пересадок
Пекин-Шанхай-Ванкувер-Париж	29 дней	700 ам.дол.	7
Токио-Иокогама-Ванкувер-Париж	23 дня	650 ам.дол.	5

Таблица 5

Железнодорожное сообщение через Сибирь

	Время в пути	Стоимость проезда I класса	Число пересадок
Пекин-Харбин-Париж	12 дней 10 часов	220 ам. дол.	5
Токио-Харбин-Париж (через Владивосток)	14 дней 10 часов	250 ам. дол.	4
Харбин-Париж	10 дней 14 часов	190 ам. дол.	2

В этот период происходит увеличение показателей и по перевозке коммерческих грузов, за семь лет грузооборот возрос более чем в 2 раза (табл. 6).

Таблица 6

Грузооборот

Годы	Тыс. тонн	В % к 1920 г. (принятому за 100 %)
1920	1677	100
1921	2068	123
1922	2485	148
1923	2807	167
1924	3025	180
1925	3386	202
1926	4233	252
1927	5600	333

Об эффективности совместного управления КВЖД можно судить и по финансовым результатам. Доходность КВЖД в сравнении с 1913 г., за период совместного управления доходность увеличилась практически на 130 % (табл. 7).

Таблица 7

Доходность		
Год	Доход (в золотых рублях)	% в сравнении с 1913 г.
1913	21 231 538	100
1923	36 113 303	171
1924	37 474 568	180
1925	46 370 117	219
1926	56 000 000	264
1927	63 000 000	297

Стоит остановиться и на характеристике основных статей дохода, это, прежде всего пассажироперевозки и экспорт различных грузов. Предпринимались меры для привлечения грузов. Так, через тарифные мероприятия был уничтожен гужевой (параллельный дороге) транспорт и привлечены к перевозке новые грузы (табл. 8).

Таблица 8

Перевозка новых грузов			
	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Пассажиры и багаж	6 540 000	6 870 000	7 830 000
Грузы местного сообщения	5 519 000	5 896 000	7 421 000
Экспортные грузы на ЮМЖД	6 569 000	10 927 000	9 853 000

	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Экспортные грузы на Эгершельд	7 253 000	7 854 000	11 498 000
Импортные с ЮМЖД	4 715 000	5 489 000	6 242 000
Разные статьи доходов	6 875 000	9 010 000	10 656 000
Итого	37 475 000	46 370 000	53 500 000

На росте внутренних перевозок сказались и развитие обрабатывающей промышленности в регионе, а также политика дороги, покровительствующая местным предприятиям, прежде всего через тарифные мероприятия.

Сложности по функционированию дороги возникли из-за конфликта, произошедший в 1929 г. после захвата Чжан Сюэляном контроля над КВЖД, являвшейся совместным советско-китайским предприятием. В ходе последующих боевых действий Красная армия разгромила противника.

В декабре 1929 г. был подписан Хабаровский протокол, который ликвидировал последствия конфликта на КВЖД, исходя из которого управление и деятельность регулировались прежними Пекинским и Мукденским соглашениями.

Список литературы

1. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2005. 430 с.
2. Артемьева О. С. КВЖД и Мукденское соглашение: новые материалы // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 1. С. 124–145.
3. Фолев В. Г. Работа Китайской Восточной железной дороги за три года (3 октября 1924 г. – 3 октября 1927 г.) // Вестник Маньчжурии. 1927. № 10. С. 1–7.
4. Буркова В. Ф. Китайско-Восточная железная дорога: история строительства и эксплуатации. Текст электронный // TRANSSIB.RU. URL: <https://transsib.ru/history/history-kvzd.htm> (дата обращения: 29.03.2022).
5. Карта КВЖД. 1903 г. Текст: электронный // Яндекс. Картинки. URL: https://yandex.ru/images/search?text=%D0%9A%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0%20%D0%9A%D0%92%D0%96%D0%94.%201903%20%D0%B3.&stype=image&lr=68&source=serp&pos=0&img_url=https%3A%2F%2Fcloud.prezentacii.org%2F18%2F12%2F109056%2Fimages%2Fscreen13.jpg&rpt=simage (дата обращения: 29.03.2022).
6. Кобзарева А. П. Китайская Восточная железная дорога в 1926 году // Вестник Маньчжурии. 1927. № 3. С. 15–22.
7. Кротова М. В. Пути урегулирования советско-китайских конфликтов на КВЖД в 1920-е гг. Текст: электронный // Псковский военно-исторический вестник. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-uregulirovaniya-sovetsko-kitayskih-konfliktov-na-kvzhd-v-1920-e-gg> (дата обращения: 29.03.2022).
8. Ополев В. Г. Вопрос о КВЖД в советско-китайских отношениях (1917–1927 гг.). Текст: электронный // Via in tempore. История. Политология. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vopros-o-kvzhd-v-sovetsko-kitayskih-otnosheniyah-1917-1927-gg> (дата обращения: 29.03.2022).
9. Перминов В. В. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). Текст: электронный // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=5124> (дата обращения: 30.03.2022).
10. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики. Мукден, 20 сентября 1924 г. Текст: электронный // Электронная библиотека исторических документов. Российское историческое общество. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/138680-soglasenie-mezhdu-pravitelstvom-soyuza-sovetskih-sotsialisticheskikh-respublik-i-pravitelstvom-avtonomnyh-treh-vostochnyh-provintsiy-kitayskoy-respubliki-mukden-20-sentyabrya-1924-g?#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 20.03.2022).

11. Тарасов А. П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: ЗабГПУ, 2003. 431 с.
12. Широкоград А. Б. Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. Текст: электронный // Интернет библиотека. URL: http://www.xliby.ru/istorija/rossija_i_kitai_konflikty_i_sotrudnichestvo/index.php (дата обращения: 20.03.2022).

Сведения об авторах

Ланцова Ю. Н. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: astra205@yandex.ru

Yu. N. Lantsova – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History, Transbaikal State University, Chita, Russia, astra205@yandex.ru

.....

УДК 639.1:94(571.55)

Практика закрепления охотничье-промысловых угодий за колхозами в северных районах Забайкалья в 1950-е гг.

Денис Николаевич Беспалько

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

bespalkodenis84@mail.ru

В статье рассмотрены причинно-следственные связи закрепления охотничье-промысловых угодий за коллективными хозяйствами на севере Забайкалья в 1950-е гг. Основное внимание акцентировано на проблемах состояния охотничьего дела после реализации в регионе политики сплошной коллективизации, допущенных ошибках и просчетах. Проанализированы полевые отчёты охотустроительных партий, землеустроительных и охотоведческих экспедиций за 1930–1950-е гг. Выявлены организационно-технические направления строительства колхозного охотхозяйства, что для сырьевой экономики северных районов являлось приоритетным и естественным, в отличие от традиционных форм земледелия и животноводства.

Ключевые слова: охотничье-промысловое хозяйство, угодья, пушно-меховое сырьё, колхоз, закрепление промысловых участков

The Practice of Securing Hunting and Fishing Grounds for Collective Farms in the Northern Regions of Transbaikalia in the 1950-s

Denis N. Bespalko

Transbaikal State University, Chita, Russia

bespalkodenis84@mail.ru

The article considers the causal relationships of securing hunting and fishing grounds for collective farms in the north of Transbaikalia in the 1950s. The main attention is focused on the problems of the state of hunting after the implementation of the policy of continuous collectivization in the region, mistakes and miscalculations. The field reports of hunting parties, land management and hunting expeditions for the 1930s–1950s are analyzed. The organizational and technical directions of the construction of a collective farm hunting farm were identified, which was a priority and natural for the raw material economy of the northern regions, unlike traditional forms of agriculture and animal husbandry.

Keywords: hunting and fishing economy, lands, fur and fur raw materials, collective farm, securing of fishing areas

На территории северных районов Забайкалья в начале 1950-х гг. реализуется плановая программа по переустройству организационно-технических основ пользования охотничье-промысловыми угодьями. Промысловые массивы тайги приписываются к колхозам

в соответствии с «Временной инструкцией по охотустройству» 1952 г., утверждённой Главным управлением охотничьего хозяйства при Совете министров РСФСР и согласованной с Министерством сельского хозяйства РСФСР [3]. Казалось бы, подобное закрепление долж-

но было произойти еще в 1930-е гг. в соответствии с политикой сплошной коллективизации, что и отмечается в специальном правительственном постановлении [13; 14]. Тем не менее, упор изначально делался на сельскохозяйственное производство, что объективно привело к ошибкам и просчетам. Каларский, Тунгокоченский и Тунги́ро-Олекминский районы¹ являлись наиболее продуктивными с точки зрения товарного выхода пушно-мехового сырья, т. е. имели охотничье-промысловое направление, давая региону порядка 40–60 % от всей заготовленной охотпродукции. Занятия полеводством и животноводством (кроме оленеводства) не имели широкого распространения в силу суровых природно-климатических условий. Признание этого факта потребовало времени от новых районных властей и проведения очередных хозяйственных мероприятий, связанных уже не с землеустройством, а охотустроительными планами. Главным камнем преткновения служил неразрешённый вопрос закрепления охотугодий за колхозами и, соответственно, включения доходов от охотничье-промысловой деятельности колхозников в общеколхозный фонд. Ушедшая в прошлое практика частного пользования лесными массивами заменялась невнятным обобществлением угодий [12] с вытекающими последствиями их обезличивания и бесхозяйственного отношения к объектам промысловой деятельности [1, с. 5–10]. Не было обозначенных границ пользования охотничьими угодьями между промысловиками из колхозов и города. «Границами» угодий между колхозами служили метки, установленные землеустроительными экспедициями ещё в 1930-е гг. [4] На территории охотничьих угодий велась бесконтрольная эксплуатация промыслового фонда, всесезонная заготовка пушно-мехового и лекарственно-технического сырья, не говоря уже о круглогодичной добыче видов дающих мясодичную продукцию. До проведения охотустройства, участие колхозов в охотпромысле выражалось в сезонном выделении охотников-колхозников и заключению последних с районными заготовительными конторами (РЗК) договоров содействия. Доходы от промысловой деятельности получали сами охотники, поэтому охотпромысел в производственные планы колхозов не включался. В таблице в качестве примера приведены статьи доходов одного из колхозов [5, л. 107] (табл.).

¹ Перечисленные районы в 1930–1938-е гг. входили в состав Витимо-Олекминского национального (эвенкийского) округа. После его расформирования вернулись в состав Читинской области.

Годовые статьи доходов колхоза
им. Ворошилова, Каларский район, 1950 г.

Статья доходности	План (в р.)	Выполнение (в р.)
От продажи живых оленей	60 000	156 659
Продукция оленеводства	55 260	49 752
Продажа скота	14 000	289
Молоко, шерсть	20 000	5 563
Полеводство, огородничество	10 500	6 607
Луговоеводство	–	1 453
Рыболовство	5 250	2 183
Кустарный промысле	8 020	5 810
От извоза	332 500	239 705
Прочие доходы	23 100	9 877

Как видно из данных таблицы статьи дохода от охоты в общеколхозном доходе даже не числились, поскольку составляли ничтожно малую часть. И такое положение наблюдалось практически повсеместно (за исключением нескольких колхозов Тунги́ро-Олекминского района) [9, л. 3–5]. Засчитывалась лишь стоимость сданной охотниками пушнины как выполнение «отходнического» плана, что на деле означало выпадение из колхозных доходов весьма солидных денежных поступлений.

Бригады и артели, способные организовать на выделенной им территории полноценное опромышление близлежащих и отдаленных от населенных пунктов угодья, практически не создавались [2, с. 54]. Таёжная инфраструктура – охотизбушки, зимовья, бани, пути заезда, таёжные тропы и прочее приходили в упадок без поддержания порядка со стороны «собственника-пользователя», наделённого соответствующими государственными регалиями. Этим «собственником» в новых условиях, способным эффективно и рационально вести охотничье хозяйство в определённых границах мог выступить только колхоз, наделённый всем комплексом полномочий организации заготовки и сдачи охотпродукции РЗК. Головных колхозов, объединяющих под своим началом более мелкие коллективные хозяйства, на севере Забайкалья не создавали, но за каждым колхозом закреплялось право самостоятельной эксплуатации тайги в пределах посильной возможности [10, с. 31–32]. Требовалось только осуществить своевременную приписку-закрепление охотничье-промысловых угодий с учётом пожеланий колхозного охотконтингента.

Новое охотустройство в 1952 г.¹ проводилось в целях ликвидации обезлички, упорядочивания пользования угодьями и организации колхозного охотничьего хозяйства как специализированной отрасли производства, обеспечивающего на базе проведения охотхозяйственных и воспроизводственных мероприятий, правильное и полное использование охотничьего фонда с повышением общей доходности охотугодий. В результате закрепления за колхозами угодий все заинтересованные стороны, а это заготовительные конторы, председатели колхозов, рядовые члены и профессиональные (потомственные) охотники, хотели в той или иной степени достигнуть включения доходов от охотничьего фонда в производственные планы и прихода-расходные сметы колхозов [8, л. 2–5]. Колхозы, таким образом, оказывались материально заинтересованными в своевременной подготовке к промысловому сезону, созданию промысловых объединений, выделению и снаряжению необходимого количества охотников с возможностью 100 % освоения сезонного времени, в качестве добываемого сырья, его первичной обработке и т. д.

В каждом районе работали охотустроительные партии и охотоведческие экспедиции [5; 7; 8; 9]. В их задачи входил обширный комплекс практических мероприятий: от проведения охотхозяйственного устройства с уточнением границ для отвода колхозных охотугодий до разработки конкретных мероприятий по упорядочиванию и организационно-хозяйственному укреплению охотпромысла [8, л. 205–207]. В задачу работ по охотустройству также входил сбор исходных материалов для исчисления размеров наделения колхозов охотугодьями и объема промысловой деятельности: население и его занятия, доходность колхозов и натуральное выражение продукции, особенности труда колхозников, организация труда в охотпромысле, кровное собаководство, конкретные пожелания правлений колхозов и охотников [Там же, л. 33–36].

Запланированные к закреплению за каждым колхозом охотугодья состояли из компактного участка, границы которых проходили в большинстве случаев по водоразделам или рекам. Они сочетали в себе необходимый комплекс разнообразных кормовых и защитно-сезонных условий для основных обитающих в районах промысловых зверей и птиц. Закреп-

ление угодий производилось с расчётом полного их опромышления силами определённого коллективного хозяйства, с учётом его производственных возможностей и перспективного роста производительности труда. Проекты границ отведённых и закреплённых охотугодий составлялись охотустроительными партиями совместно с правлениями колхозов, партийным активом и с учетом пожеланий охотников [Там же, л. 50–54]. Охотугодья закреплялись за колхозами на 30 лет. В рамках статьи будет уместно привести краткое описание границ колхозных угодий (расширенный вариант предполагает подробную географическую фиксацию всех объектов по сторонам света). В качестве примера мы выбрали колхоз Тунгино-Олёкминского района – «Сталин-Окто»: начиная от устья р. Сиригли, вверх по её течению на севере по хребту, разделяющему р. Богдарин – Малая Яхра, Эльпа – Большая Яхра до Яблонового хребта, далее на запад по Яблоновому хребту до вершины р. Тундак. Отсюда на юг по хребту, являющемуся водоразделом р. Средняя Мокла – Тундак, Бурный, Маклакан – Нерча, Олекма – Нерча, Олекма – Берея, поворачивая на восток по водораздельному хребту р. Чокур – Нерчуган, Иначе – Джалир до Тунгирского хребта. Далее на северо-восток по Тунгирскому хребту до вершины р. Удик. Отсюда по водоразделу рек Мозульто – Удик до р. Олекмы, вниз по её течению до устья р. Сиригли [7, л. 3].

Общая площадь охотничьих угодий лесной зоны в Забайкалье занимала 33,1 млн га. или 331 тыс. км² [6, л. 134]. Из них на севере располагалось около 130 тыс. км², за колхозами закреплялось более 100 тыс. км²: Тунгино-Олёкминский район – 41 715 км², Тунгокоченский район – 36 480 км², Каларский район – около 35 000 км². Остальная часть составила компактный массив свободного фонда угодий и отводилась под нужды спортивной охоты, где колхозы имели исключительное право промысловой деятельности, если пригранично к ним тяготели [7, л. 1; 9, л. 89].

Исходя из имеющихся данных, колхозы получили в безраздельное пользование весьма обширные угодья и внушительные цифры опромышления территорий, приходящиеся, на одного охотника. Как показали наши расчеты, на одного человека приходилось от 169 до 1 294 км² опромышляемой территории. Подобная ситуация сложилась в силу незначительного числа охотников, входящих в колхозы. Согласно сведениям отчётных ведомостей, общее количество промысловиков с учениками одного района редко превышало 100–150 чел. Полноценно эксплуатировать такие массивы, имею-

¹ Охотустроительными мероприятиями руководили опытные читинские охотоведы Л. А. Попов и В. В. Свинников с участием заведующих райсельхозотделами и периодическим привлечением в качестве подсобной рабочей силы студентов-практикантов из Иркутска.

щие сложный характер горно-таежной местности, было нереально, поэтому ликвидировать недопромысел предполагалось с помощью бригад охотников-любителей по договоренности с колхозами. В соответствии с этим внедрялась практика выдачи разрешений правления коллективных хозяйств охотиться на колхозных угодьях, в том числе и любителям, состоящим в добровольном обществе охотников (ДОО). В дальнейшем не обходилось, конечно, и без эксцессов, поскольку имеются зафиксированные случаи задержания охотников из ДОО без соответствующего разрешения и последующего изъятия добытой пушнины в пользу колхоза, на чьей территории производилась заготовка [9, л. 78].

В результате закрепления за колхозами охотничьих угодий вся заготовленная охотниками-колхозниками продукция – пушно-меховое и лекарственно-техническое сырье, а также за работы связанные с предпромысловой разведкой и охотхозяйственными мероприятиями: строительство охотизбушек и оборудование охотничьих станов, расчистка троп и др. включалась в производственные планы и сметы коллективных хозяйств с обязательным начислением охотникам трудодней [8, л. 46–49]. Начисление трудодней производилось на сумму после вычета 25 % (75 % от суммы добытой пушнины охотник сдавал в колхоз с начислением ему трудодней, за остальные 25 % получал деньгами без начисления ему трудодней) из расчёта 1 трудодень за 20 р. сданной пушнины. Однако нужно понимать, что итоговая сумма трудодня являлась не столь обнадеживающей, т. к. высшая категория оплаты предполагалась для сдатчиков пушнины I сорта. В среднем, лучшие охотники добывали пушнины за сезон на 3,5–6,5 тыс. р., подавляющее большинство в пределах 3 тыс. р. или меньше [5, л. 114].

По колхозам районов было установлено, что вся добытая колхозниками-охотниками пушно-сырьевая и другая продукция сдается РЗК через правление колхозов, которые заключают с филиалами заготовительных контор прямые договора на добычу и сдачу государству пушнины по твердо установленным ценам. Средняя стоимость шкурки белки как основного промыслового вида в 1950-е гг. составляла 3,5–8 р. (в ряде случаев фиксировалась наценка до 10,3 р.), колонка – 30 р., волка – 100 р., росомахи – 120 р., рыси – 180 р., медведя – 100 р. [8, л. 101–104]. Охотустроительными партиями были разработаны единообразные расчеты добычи пушнины (выражающейся в белке) на одного охотника по видам урожайности, кате-

гории охотников и по месяцам IV и I кварталов; утверждены ориентировочные нормы выработки, плановые расчеты добычи цветной пушнины, мясодичной продукции (лось, изюбрь, медведь, кабарга, косуля) и получения доходов от их реализации. Всемерно стала поощряться борьба с вредными для народного хозяйства хищниками [11]. Шкура добытого колхозником волка вознаграждалась наличным расчетом без начисления трудодней. Добыча трёх взрослых особей приравнивалась к истреблению целого выводка, и премировалась теленком оленя из колхозного фонда [9, л. 96]. Дополнительно утверждались плановые расчеты на получение доходности от рыболовства, сбора ягод и грибов, от изготовления национальных изделий (тузизделий), расчеты трудодней для каждого вида промыслов.

Общими усилиями коллективных хозяйств и райисполкомов утверждались относительно стабильные составы колхозных охотничье-промысловых бригад, разбитые на звенья, сроком на 5 лет. В качестве материального поощрения за эффективное руководство бригадой или звеном назначались дополнительные выплаты от 0,5–1 % (бригадирам) до 2–3 % (звеньевым) от суммы сданной пушнины. За каждый процент перевыполнения плана бригадиру и бригаде начислялось по 1 % от трудодней, начисляемых за год по основной оплате. За невыполнение плана списывалось по 1 % от трудодней за каждый не выполненный процент (но не более 25 %). [9, л. 101–102]. Правления колхозов стали внимательнее относиться к состоянию станového и таборного оборудования, в целом к таёжной инфраструктуре, что положительно сказалось как на количестве ежегодно выходящих на промысел людей, так и на качестве реализации программы полномасштабного освоения промыслового фонда. Если в 1950 г. руководители охотоведческих экспедиций (В. И. Вигский и др.) фиксировали полное пренебрежение [1], когда на территории приписанных к колхозам угодий было всего по 1–2 необорудованных охотничьих стана и 7–13 развалившихся избушек, то к 1955 г. построено уже по 10–13 станов и 27–35 избушек на каждый район. Именно такой подход, по мнению основателя сибирской научной школы охотоведения В. Н. Скалон, обеспечил действенный контроль над работой колхозных охотников на промысле и организованную сдачу заготовленной охотничье-промысловой продукции в колхозы [15]. Полевые отчеты экспедиций свидетельствовали, что после осуществленных охотустроительных мероприятий сезонный выход охотников на промысел обеспечивался максимально пол-

но, а не как раньше около 50–60 % в октябре, с устойчивой тенденцией постоянного снижения к концу декабря.

Таким образом, колхозы, закрепив за собой право исключительной охоты и коллективного заключения прямых договоров с РЗК на отведённых и закреплённых к ним охотничье-промысловых угодьях, стали материально заинтересованы и ответственны за промысел и его организацию. С коренной перестройкой охотпромысла колхозы избавлялись от отходничества своих членов, поскольку РЗК более не могли заключать индивидуальные договора содействия, только коллективные и прямые. Список того что коллективные хозяйства были должны, но не обязаны осуществлять еще в 1930-е гг. существенно расширился, а кон-

троль над исполнением усилился. Правления всех промысловых колхозов строго обязали своевременно осуществлять внутрискотхозное охотустройство на отведенных угодьях с разбивкой их на промысловые участки; закреплять участки за бригадами на срок не менее 3 лет, развивать и поддерживать в рабочем состоянии таежную инфраструктуру с расчетом полного снабжения всех бригад; обеспечивать транспортом, для чего закрепить за бригадами и звеньями лошадей, оленей, сбрую, и т. д. на все время промысла; организовывать своевременную сдачу собранной пушнины по контрактационным договорам; не отвлекать охотников на другие виды работ (сельскохозяйственные, грузоперевозочные) и т. д.

Список литературы

1. Беспалько Д. Н. Исследование Каларского района охотоведческой экспедицией 1950 года по учету охотничье-промысловой фауны // VII Межрегиональная научно-практическая конференция «Забайкалье историческое» (30 ноября 2018 г.). Чита: ЗабГУ, 2018. С. 5–10.
2. Беспалько Д. Н. История развития соболиного промысла на территории Восточного Забайкалья (середина XVII века – 1960-е годы) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 53–65.
3. Временная инструкция охотустройства по проведению и закреплению угодий в центральных областях РСФСР. Проект // Центральная охотустроительная экспедиция Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР. М.: Гипроводхоз, 1952. 140 с.
4. Государственный Архив Забайкальского Края (ГАЗК). ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 2.
5. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36.
6. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 45.
7. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 52.
8. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 54.
9. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 55.
10. Основы охотустройства / ред. и сост. Д. Н. Данилов. М.: Лесная промышленность, 1966. 332 с.
11. Основные положения производства охоты и ведения охотничьего хозяйства на территории СССР. Утв. начальником Управления по заповедникам и охотничьему хозяйству МСХ СССР 27 июля 1957 г. Текст: электронный // Охота и охотничье хозяйство. 1957. № 9. С. 5–7. URL: https://www.booksite.ru/hant/1957/1957_9.pdf (дата обращения: 21.03.2022).
12. Положение об охотничьем хозяйстве РСФСР: утв. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР: [от 10 февраля 1930 г. № 1548]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102123894&backlink=1&&nd=102080528> (дата обращения: 21.03.2022).
13. Постановление Совета труда и обороны СССР от 31 октября 1931 г. № 477. О пушно-меховом хозяйстве. Текст: электронный // Союзпушнина. 1931. № 17–19. С. 3–5. URL: <https://istmat.org/node/53788> (дата обращения: 21.03.2022).
14. Постановление ЦИК и Совнаркома СССР от 17 августа 1933 г. № 74/1494 О ликвидации охотничьей кооперации и о реорганизации интегральной кооперации. Текст: электронный // СЗ СССР. 1933. № 53. URL: <https://istmat.org/node/37228> (дата обращения: 21.03.2022).
15. Скалон В. Н. Организация охотничьего хозяйства Сибири. Иркутск: Кн. изд-во, 1957. 84 с.

Сведения об авторах

Беспалько Д. Н. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: bespalkodenis84@mail.ru

Bespalko D. N. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History, Transbaikalian State University, Chita, Russia, bespalkodenis84@mail.ru

.....

УДК 352.2:94(571.55-510)

**Переписка председателя правления Казачьего союза в Шанхае
И. Н. Шендрикова как источник по истории российской эмиграции в Китае**

Евгений Викторович Дроботушенко

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

drzz@yandex.ru

В статье характеризуется малоизвестный источник по истории российской эмиграции 1920-х – начала 1950-х гг. в Китае – переписка председателя Казачьего союза в Шанхае И. Н. Шендрикова. Они представлены в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Документы дают представление о самых разных сторонах жизни и деятельности казачьей эмиграции в г. Шанхае. Это особенности существования Казачьего союза г. Шанхая, списки членов различных общественных организаций российской эмиграции, данные о проведении различного рода социально значимых мероприятий, вопросы о переезде в иные страны и т. д. Отмечается, что рассматриваемая переписка является богатейшим источником по истории российской эмиграции в Китае и требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: источник, российская эмиграция в Китае, общественные организации, казачество, Казачий союз в Шанхае, И. Н. Шендриков

**Correspondence of the Chairman of the Board of the Cossack union in Shanghai
I. N. Shendrikov as a Source on the History of Russian Emigration in China**

Evgeny V. Drobotushenko

Transbaikal State University, Chita, Russia

drzz@yandex.ru

The article characterizes a little-known source on the history of Russian emigration in the 1920`s – early 1950`s in China – the correspondence of the chairman of the Cossack union in Shanghai I. N. Shendrikov. They are presented in the funds of the State Archive of the Russian Federation (SA RF). The documents give an idea of the most diverse aspects of the life and activities of the Cossack emigration in Shanghai. These are the features of the existence of the Cossack Union in Shanghai, lists of members of various public organizations of Russian emigration, data on the holding of various socially significant events, questions about moving to other countries, etc. It is noted that the correspondence in question is the richest source on the history of Russian emigration in China and requires further study.

Keywords: source, Russian emigration in China, public organizations, Cossacks, Cossack union in Shanghai, I. N. Shendrikov

История российской эмиграции в Китае в 1920-е – начале 1950-х гг. многогранна. Это история коммерческой деятельности выходцев из Российской империи, история образовательных учреждений, история православной церкви и т. д. Значительная часть «российской эмигрантской истории «Китая» – это существование и деятельность общественных организаций, среди которых ярчайшими были казачьи союзы, Восточный в г. Харбин и Западный в г. Шанхай. Они объединяли значительное количество представителей российской эмиграции в Китае и проявили себя в самых разных видах деятельности. История названных казачьих союзов в разные годы нашла отражение на страницах научных и научно-популярных

изданий, в публицистике. Это труды таких авторов, как Н. Б. Керчелаева, Г. И. Малышенко, А. С. Новиков, И. В. Чапыгин и др. [10; 11; 12; 14; 15; 16].

В то же время нельзя сказать, что все аспекты истории казачьих союзов на территории Китая во второй четверти XX в. изучены, на сегодня, в полной мере. Среди прочего, за границами научного интереса исследователей остался источниковедческий анализ по проблеме. Представляется, что это тема отдельной большой работы. Цель же данной статьи – дать характеристику части сохранившейся переписки главы Казачьего союза Шанхая, созданного в 1925 г., Ильи Никифоровича Шендрикова как документам, относящимся к отдельному виду

источников частного происхождения российской эмиграции в Китае – эпистолярным материалом.

Следует акцентировать внимание на правильном написании названия союза. В разных публикациях он пишется по-разному. Мы отталкиваемся от документов, в которых все слова пишутся с большой буквы – «Казачий Союз в Шанхае».

Среди российской эмиграции в г. Шанхае во второй четверти XX в., значительную часть составляло казачество. Это представители ряда казачьих войск: Семиреченского, Сибирского, Донского, Иркутского, Оренбургского, Амурского, Енисейского, Уссурийского и Забайкальского. Для совместной деятельности, оказания финансовой и моральной поддержки соотечественникам они объединились в Казачий союз, в некоторых документах именовавшимся «Западным казачьим Союзом» в противовес «Восточному» в г. Харбине [2, л. 2].

Председателем Казачьего Союза в г. Шанхае стал бывший присяжный поверенный Илья Никифорович Шендриков. Он известен своей деятельностью в отношении казачества в переходный период «безвременья» 1918–1920 гг. Являлся членом совещания представителей казачьих войск при помощнике Военного и Морского министра по делам казачьих войск. Помимо этого был юрисконсульт при Главном Управлении по делам казачьих войск. Выступал как представитель Семиреченского казачьего войска при адмирале А. В. Колчаке. После эмиграции в г. Шанхай в 1920 г. был секретарем шанхайского комитета по оказанию помощи сиротам Великой войны [12, с. 278; 17].

История Казачьего Союза в Шанхае – это тема большого самостоятельного разговора. В данном же исследовании мы хотим обратиться к переписке его председателя, сделав попытку оценить ее как источник по истории российской эмиграции в Китае.

Различные письма, направленные И. Н. Шендрикову или написанные им встречаем в фондах Государственного архива Российской Федерации. Они дисперстно разбросаны по разным делам большого фонда Р5963 «Казачий Союз в Шанхае. 1925–[1939]», состоящего из одной описи [2; 3; 4].

Как отмечает в одной из публикаций Т. Таболина, часть архива Казачьего Союза Шанхая была передана М. И. Шастиным в Русский заграничный исторический архив. Именно эти документы представлены в фондах ГА РФ [13].

Сложность работы с эпистолярным наследием И. Н. Шендрикова predetermined тем,

что основная масса писем написана от руки, что предполагает сложность прочтения в связи с особенностями почерка автора. Помимо этого следует учитывать плохую сохранность части писем.

Эпистолярное наследие И. Н. Шендрикова, по нашему мнению, является богатейшим комплексом писем самого разного характера и направленности. Они дают богатейший материал по истории российской эмиграции в г. Шанхае.

Условно рассматриваемые письма можно разделить на несколько групп:

- деловая переписка;
- поздравления на имя И. Н. Шендрикова и от него в адрес общественных организаций и частных лиц;
- приглашения на торжественные мероприятия и службы в православных храмах г. Шанхая от общественных организаций российской эмиграции города.

К первой группе рассматриваемых документов относятся письма, содержащие информацию по организации работы Казачьего Союза Шанхая. Это данные по месту нахождения его канцелярии, финансовые вопросы его деятельности, участие союза и его членов в финансировании иных общественных организаций российской эмиграции в г. Шанхае.

В письме на имя секретаря Комитета защиты прав и русских интересов в Шанхае от 9 апреля 1925 г. описываются цели созданного союза. Автором письма были И. Н. Шендриков и секретарь союза полковник А. Г. Грызлов [2, л. 1].

В ином письме приводился перечень руководство союза, казачьих войск и станиц, чьи представители вошли в его состав [Там же, л. 2].

В письмах встречаем данные о том, что канцелярия союза располагалась в здании Комитета защиты прав и русских интересов в Шанхае по адресу Авеню Жоффь, д. 251 (угол Авеню Дюбайль) (с марта 1926 г.), занимающая одну комнату [4, л. 23–24]. Это говорит о том, что союза, являясь относительно большой российской эмигрантской организацией, своими помещениями не располагал. И это при том, что члены союза вносили ежемесячную плату (по желанию) на счёт Комитета защиты прав и русских интересов в Шанхае. Председатель комитета Н. А. Иванов в письме на имя И. Н. Шендрикова от декабря 1925 г. писал, что при рассмотрении сметы организации на первую четверть 1926 г. было принято пожелание об увеличении числа жертвователей. Он просил о проведении данного решения в жизнь, как среди членов союза, так и среди личных знакомых его председателя [4, л. 21].

К некоторым письмам приложены удостоверения членов Казачьего Союза в Шанхае, причем часть из них без подписей и без печатей. Они дают представление о персоналиях российской эмиграции, содержат данные о датах рождения, о том, к какому казачьему войску принадлежал и т. д. [Там же, л. 25, 29, 30–31].

Представители российской эмиграции в г. Шанхае обращались к И. Н. Шендрикову как к должному лицу за удостоверением их личности. Это требовалось при отсутствии у них каких-либо иных документов. В ответ такие удостоверения за подписью председателя Казачьего Союза в Шанхае появлялись. Примером является удостоверение от 20 января 1926 г. на ефрейтора Дмитрия Павловича Сухова. В нем прописано, что тот служил у А. В. Колчака в 1-й Сибирской армии. Документ требовался для предъявления при ходатайстве о принятии на службу в международную полицию Шанхая [Там же, л. 13].

Точных данных о количестве казаков, их списков по казачьим станицам и казачьим группам, входившим в Союз, особенно на первоначальном этапе его деятельности, не было. Это предопределило появление ряда писем на имя станичных атаманов и старших групп с просьбой уточнения списков членов. Помимо общего наведения порядка в отчетности, это было вызвано необходимостью сбора взносов для Комитета защиты прав и русских интересов в Шанхае [3, л. 50].

В одном из дел встречаем письмо И. Н. Шендрикова от 22 марта 1927 г., характеризующее противостояние в среде российской эмиграции г. Шанхая. Адресатом обозначен некто Иосиф Константинович. Автор отмечал, что положение в городе тревожное, однако «... не такое страшное, как рисуется в дали». В то же время в среде российской эмиграции единства не было. Значительной силой являлся казачий Союз Шанхая, главой которого был И. Н. Шендриков, однако позиция руководства союза в отношении многих вопросов вызывала недовольство со стороны части эмигрантов. В противовес союзу в г. Шанхае было организовано «казачье объединение» во главе с войсковым атаманом Иркутского казачьего войска (с 1918 г.) генерал-майором Прокофием Петровичем Оглоблиным. Создание объединения поддержал генерал-майор Петр Гаврилович Бурлин, который был главой белоэмигрантской организации «Братства Русской Правды» в г. Шанхае, а также помощником уполномоченного Великого князя НА Дальнем Востоке. Вероятно, речь шла о Великом князе Николае

Николаевиче (Младшем), который в 1924 г. принял на себя руководство Русским Общевоинским Союзом [4, л. 90].

Поддержка создания нового казачьего объединения генерал-майором П. Г. Бурлиным определенным образом его легитимизовало. В то же время, как отмечалось выше, казаки Иркутского казачьего войска входили также в состав Казачьего Союза в Шанхае.

Новое объединение вошло в состав «русского зарубежного патриотического общества», возглавляемого Г. Домрачевым [Там же, л. 90].

Помимо приведения в письме данных о противостоянии в казачьей среде российской эмиграции г. Шанхая, И. Н. Шендриков приводит информацию о наиболее «активных» общественных организациях города. Как пишет автор, «Шанхайская колония делится на активных (Комитет защиты с входящими в него организациями) и на «монархистов», членов «патриотического объединения», объединяющихся вокруг Г. Домрачева и В. Ф. Гроссе, бывшего русского консула, который вел дипломатическую передачу консульства и пароходов Добровольного флота большевикам [Там же, л. 90].

Здесь следует сделать некоторые пояснения и замечания.

В первом случае в письме речь шла о достаточно большой общественной организации российской эмиграции Шанхая – Комитете защиты прав и русских интересов в Шанхае.

В одном из писем председателя Комитета защиты прав и русских интересов в Шанхае Н. А. Иванова на имя И. Н. Шендрикова высказывалась просьба составить воззвание от имени Комитета для опубликования в русскоязычной прессе. Оно должно было содержать предупреждение для эмигрантов по поводу вербовки большевиками «русскую армию» [2, л. 26].

Интересным, по нашему мнению, является уточнение И. Н. Шендриковым личности В. Ф. Гроссе, который и так был известен всей российской эмиграции г. Шанхая. На наш взгляд, делалось это для того, чтобы выставить последнего в «не лучшем свете», поскольку он являлся представителем стороны – антагониста Казачьего Союза Шанхая, возглавляемого И. Н. Шендриковым. В то же время ниже мы увидим, что глава Казачьего Союза не раз отправлял В. Ф. Гроссе поздравления с церковными праздниками, что, возможно, говорит об авторитете последнего, и о том, что И. Н. Шендриков не хотел портить с ним отношения.

В ряде писем представлены списки членов некоторых эмигрантских общественных организаций, к примеру, Комитета Казаков полковника

Василия Георгиевича Казакова. Он прославился тем, что сохранил в эмиграции 34 знамени Забайкальского казачьего войска и передал их в 1945 г. наступающим частям 36-й армии советских войск в районе станции Якеши, а также как автор книги «немые свидетели. Посвящается русской национальной молодежи», изданной в г. Шанхае в 1936 г. [1; 8].

К сожалению, данных о том, что за организацией являлся Комитет Казаков, возглавлявшийся В. Г. Казаковым, нет. В то же время, согласно одному из писем, списочный состав членов доходил до 126 чел. [4, л. 65–86].

В одном из писем Временного Правления казачьего союза в Париже встречаем упоминание о том, что оно занято созданием особого общества для изучения истории, быта, экономики казачьих краев. Высказывалось желание о создании отделений «на востоке», в г. Харбине и Шанхае. Базой предполагались казачьи союзы. Из документов известно, что Восточный Казачий Союз г. Харбина ответил, что средств на это нет. Ответа на предложения от Казачьего Союза г. Шанхая, на сегодня, не обнаружено [3, л. 55].

Интересной для изучения истории российской эмиграции в Китае представляется переписка И. Н. Шендрикова по вопросам дальнейшей эмиграции в Канаду. Казачий Союз Шанхая стал своеобразным центром организации переезда. Он организовал запись желающих переехать. К весне 1927 такие списки уже были сделаны. Однако отмечалось, что будут и «дополнительные списки» [4, л. 92]. Это говорит о том, что желающих из среды российской эмиграции г. Шанхая переехать в Канаду было много. Здесь свою роль, вероятно, играло не самое лучшее финансовое положение основной массы российских эмигрантов, готовых отправиться на поиск лучшей жизни. Казачий Союз Шанхая выступая посредником в переезде не гарантировал получение канадской визы [Там же, л. 193].

В письмах встречаем формы анкет для отъезда на английском языке. Также прописывается «Порядок въезда в Канаду»:

«... 1. Подать заявление в Казачий Союз и выслать на каждый анкетный лист по 50 мексиканских центов и 5 долларов американских, т. е. такая сумма от каждого члена семьи. Анкетных листа два, один на русском, второй на английском.

2. Кто едет в Канаду, должен иметь 25 американских долларов на предъявление и 140 мексиканских долларов на проезд за билет.

3. На каждый анкетный лист по одному фото. Семейные на одной карточке.

4. Подпись на русском языке свидетельствуется двумя лицами, хорошо известными союзу, если таковых нет, то, может, есть знакомые в Шанхае.

5. Анкетные листы отсылают в Канаду для получения британских виз, затем они обратно к нам в правление и мы извещаем.

6. В Канаде можно жить только в селах, в городах нельзя.

7. Каждый прибывающий обязан чем-то заниматься: сельскохозяйственный рабочий или приобретает свою ферму, лесорубом или разводит фрукты.

8. В анкету указать, чем будете заниматься.

9. Необходимо сообщить, откуда выезд в Канаду, из Шанхая или из иных мест» [Там же, л. 92–93, 152–153].

В Канаде был специальный представитель, занимавшийся вопросами переезда российских эмигрантов из Китая. Им был Уполномоченный Атамана Дона, Терека и Кубани И. К. Окулич [Там же, л. 192].

Казачий Союз Шанхая не гарантировал получения канадской визы [Там же, л. 193].

Судя по всему, работа по организации переезда в Канаду российских эмигрантов из Шанхая Казачьим союзом города велась активно. Данные об этом встречаются в ряде документов [Там же, л. 49–50].

В одном из писем из Канады в адрес председателя Казачьего Союза Шанхая упоминается, что генерал-майор Иван Федорович Шильников предлагал «Трехречье» как место переселения эмигрантов из г. Шанхая [Там же, л. 49].

Так называемое «Трехречье» или «Русское Трехречье» – это район расселения казаков – выходцев с территории бывшей Российской империи, главным образом из Забайкалья, на севере Китая.

В упомянутом письме отмечалось, что в Трехречье «... финансовый гнёт и произвол китайских властей. Ехать туда нежелательно из Шанхая» [Там же, л. 49].

Уполномоченный Атамана Дона, Терека и Кубани, судя по всему, И. К. Окулич писал И. Н. Шендрикову, что занимался организацией переезда российских эмигрантов из г. Харбина в Северную Америку, потратив на это 17 000 американских долларов, полученных от русского финансового агентства в Нью-Йорке. Готов осуществлять аналогичную деятельность в отношении российских эмигрантов г. Шанхая по переезду их в Канаду, куда требовались сельскохозяйственные рабочие. К переезду допускались лица, не старше 45 лет [3, л. 49].

И. К. Окулич выбрал официальным органом для организации работы в г. Шанхае Ка-

зачий Союз, который брал для выезда по три американских доллара с казака, оставляя при этом один в Союзе, и по пять американских долларов с «не казака», оставляя себе полтора. При этом в случае неполучения канадской визы, деньги не возвращались. Каждый, из пожелавших уехать, должен был предоставить поручительство, подписанное известными И. Н. Шендрикову представителями российской эмиграции г. Шанхая [Там же, л. 50].

Определённый интерес представляют поздравления с православными праздниками, направленные в адрес И. Н. Шендрикова за авторством самых разных представителей российской эмиграции в г. Шанхае, а также представителей общественных организаций. Так, встречаются поздравления от Командующего войсками Дальневосточной казачьей группы, будущего атамана Сибирского казачьего войска (с 1927 г.) генерал-лейтенанта Ф. Л. Глебова. Именно названная группа составила основу казачества г. Шанхая. Она пришла в город через Корею на трех кораблях в 1923 г. Примером поздравлений от общественных организаций являются таковые от Русского Студенческого Союза в Шанхае или от Русского православного Свято-Богоявленского братства [4, л. 11, 39].

Поступали поздравления от казачьих станиц. К примеру, от Забайкало-Амурско-Уссурийской казачьей станицы г. Шанхая или Тяньцзиньской станицы, за подписью атамана – генерала М. Карнаухова [Там же, л. 39].

Отметим, что в документах встречаются поздравления уже самого Казачьего Союза в Шанхае за подписью председателя И. Н. Шендрикова. В 1926 г. такие письма отправлялись в адрес Русского благотворительного общества под руководством бывшего консула Российской империи в г. Шанхае В. Ф. Гроссе [Там же, л. 8, 40].

Показательными для характеристики социальной жизни «русского Шанхая» являются приглашения И. Н. Шендрикова на богослужения и различные торжественные мероприятия, в которых активно участвовали члены той или иной общественной организации города. Русское православное Свято-Богоявленское братство приглашало председателя Казачьего Союза в Шанхае на молебен Св. Георгию Победоносцу – небесному покровителю скаутов 5 мая 1926 г. На следующий день было приглашение на скаутский парад на площадке перед зданием Коммерческого училища Братства по адресу Рю Шапсаль, д. 180 [Там же, л. 49].

Союз Инвалидов-Увечных воинов Великой и Гражданской войны приглашал И. Н. Шендрикова на богослужение, проводимое Преподобнейшим епископом Симеоном Шанхай-

ским в честь Святителя и Чудотворца Николая в Богоявленском храме после литургии 22 мая, в «... праздник инвалидов, отмечаемый повсеместно в зарубежной России» [Там же, л. 56].

Следует сказать, что эпистолярное наследие И. Н. Шендрикова практически не содержит материалов по истории православия в среде российской эмиграции Китая. Приглашения на службы от различных эмигрантских организаций – это то немногое, что содержит упоминание православной церкви в г. Шанхае в рассматриваемое время.

В письмах встречаем и иные приглашения. Так, французская муниципальная школа Шанхая приглашал И. Н. Шендрикова посетить русский детский вечер во второй половине декабря 1926 г. [3, л. 52].

В среде российской эмиграции г. Шанхая в целом и ее казачьей части, в частности, устраивали различного рода торжества. Так, в одном из писем встречаем информацию о казачьей вечеринке 15 февраля 1926 г. Проводилась она в арендованном помещении. Концертная программа составлена Михаилом Романовичем Бакалейниковом. Среди прочего выступал казачий ансамбль и был балет [Там же, л. 4].

Имеются данные о казачьей вечеринке в 1927 г., речь шла о замене ей традиционного казачьего бала. Отмечается, что для названной вечеринки «спешно» организован казачий хор [3, л. 6–7, 11, 21, 23]. О казачьих балах г. Шанхая, на сегодня, в документах данных нет.

Цель проведения казачьих вечеринок в г. Шанхае в середине 1920-х гг. заключалась в «пополнении средств», однако какой организации не пишется. Общий контекст переписки позволяет предположить, что именно Казачьего Союза в г. Шанхае [Там же, л. 33].

Казачьи вечеринки, судя по всему, пользовались большой популярностью, причем не только в среде российской эмиграции города. Так, вечеринку 1927 г. посетило достаточно много иностранцев [Там же, л. 37].

В переписке встречаются вырезки из газет. В одной из заметок читаем, что «На казачьи была... ... собирался весь Шанхай» [Там же, л. 37].

Переписка председателя Казачьего Союза в Шанхае И. Н. Шендрикова дает богатейший материал по истории российской эмиграции в Китае, причем не только казачьей.

Следует сказать, что настоящее исследование является лишь попыткой оценки эпистолярного наследия главы Казачьего Союза в Шанхае И. Н. Шендрикова как источника по истории российской эмиграции в Китае. Очевидно, что оно не может претендовать на пол-

ноту и всесторонность раскрытия темы. Осмелимся предположить, что в архивных хранилищах имеется еще какое-то количество писем

И. Н. Шендрикова или написанных ему. Требуется дальнейшая работа с источниками в рамках предметного поля исследования.

Список литературы

1. Априлков В. Ю., Перминов В. В. Казаков // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: «Наука», 2006. Т. 3. С. 39–40.
2. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р5963. Оп. 1. Д. 15.
3. ГА РФ. Ф. Р5963. Оп. 1. Д. 29.
4. ГА РФ. Ф. Р5963. Оп. 1. Д. 33.
5. Елисеев Ф. И., Солодухин Г. А. Джигитовка казаков по белу света. М.: Центрполиграф, 2006. 383 с.
6. Енборисов Г. В. От Урала до Харбина. Оренбургское казачье войско. М.: Вече, 2014. 288 с.
7. Енборисов Г. В. От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. Шанхай: [б. и.], 1932. 155 с.
8. Казаков В. Г. Немые свидетели. Посвящается русской национальной молодежи. Шанхай: [б. и.], 1936. 122 с.
9. Казачий Союз в Шанхае. Текст: электронный // Париж и Франция. URL: <https://paris1814.com/shanghai/ks> (дата обращения: 09.02.2022).
10. Керчелаева Н. Б. Казачий союз в Шанхае. Текст: электронный // Клуб директоров. 2001. № 38. URL: <https://bazar2000.ru/istoriya/kazachij-soyuz-v-shanhae> (дата обращения: 09.02.2022).
11. Малышенко Г. И. Возникновение союзов дальневосточного казачества в Маньчжурии (1920–1930 гг.) // Омский научный вестник. 1999. С. 11–14.
12. Новиков А. С. Иркутские казаки в Шанхае // Белая гвардия. 2005. № 8. С. 278–279.
13. Таболина Т. Русское время острова Тубабао. Текст: электронный // Русский Дом. Для тех, кто любит Россию. URL: <http://russdom.ru/node/10067> (дата обращения: 09.02.2022).
14. Чапыгин И. В. Деятельность казачьего Союза в Шанхае // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф., посвящённой 165-летию Забайкальской области и 95-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 45–48.
15. Чапыгин И. В. Казачий союз в Шанхае: сохранение духовности и культуры в эмиграции // Известия лаборатории древних технологий. 2016. № 1. С. 128–133.
16. Чапыгин И. В. Казачья эмиграция в Китае. Иркутск: ИГУ, 2015. 172 с.
17. Шендриков И. Н. Нужды Семиреченского казачьего войска. Вступительная статья, публикация и примечания А. В. Ганина // Белая гвардия. № 8: Казачество России в белом движении: памяти казаков – участников борьбы с большевиками в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. М.: Посев, 2005. С. 240–241.

Сведения об авторах

Дроботушенко Е. В. – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: DRZZ@yandex.ru

Drobotushenko E. V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, the Dean of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, DRZZ@yandex.ru

УДК 373:94(571.55)

Из истории школ Читинской области в 40–60-е гг. XX в.

Татьяна Гавриловна Васильева

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

tvzabspu@yandex.ru

Статья основана на документах фондов Государственного архива Забайкальского края статистические материалы служат основой для оценки эффективности государственной политики в сфере образования. Делопроизводственные документы показывают динамику развития учебных заведений в селах и городах региона. Комплексы материалов партийных собраний содержат выступления директоров и учителей школ по организации воспитательной и учебной работы.

Ключевые слова: Архивные документы из фондов Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК), начальные и средние школы, программы всеобщего обучения детей и взрослых

From the History of Schools of the Chita Region in the 40–60s of the XX century

Tatyana G. Vasileva

Transbaikal State University, Chita, Russia

tvzabspu@yandex.ru

The article is based on the documents of the State Archive of Trans-Baikal Territory. Statistical materials are provided the basis for rating the effectiveness of state policy in the education. The production documentations show the development of schools in the villages and cities of region. The materials of meetings are contained speeches by directors and teach on the organization of education and school works.

Keywords: Archival documents the State Archive of Trans-Baikal Territory (SATT), primary and secondary schools, universal education programs

Архивные документы по истории школ Забайкалья довоенного периода и в годы Великой Отечественной войны проанализированы в научных статьях Т. А. Константиновой, А. М. Гагариной, М. В. Пряженниковой. Авторы использовали фонды: П-3 (Читинская область в годы Великой Отечественной войны), Ф. Р-17 (Читинский областной отдел народного образования), Ф. П-37 (Отчеты райкомов ВЛКСМ) и др. [2; 17; 18] Авторы статей, показывая работу школ в трудных условиях военного времени, приходят к выводу об эффективной государственной политике в сфере народного образования в годы Великой Отечественной войны.

Целью данной статьи является изучение истории развития школ Забайкалья в условиях социально-экономических и политических изменений послевоенного периода и до 60-х гг. XX в. Статистическая информация по теме исследования содержится в фондах Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК): Ф. Р-17 Читинский областной отдел народного образования, Ф. Р-1645 Читинское областное статистическое управление [5; 8]. Указанные фонды содержат списки начальных и средних общеобразовательных школ, отчеты о деятельности образовательных учреждений, сметы расходов на систему образования, а также численность учащихся и преподавателей. Динамика строительства школ и интернатов в послевоенный период была прослежена благодаря статистическим источникам. Материалы статистические служат основой для оценки эффективности государственной политики в сфере народного образования. В архиве представлены делопроизводственные источники: отчеты районных отделов народного образования Читинской области об учебно-воспитательной работе. Отчеты показывают динамику развития городских и сельских школ, открывают проблемы и достижения школ, интернатов и детских домов Читинской области в указанный период. Делопроизводственные документы позволя-

ют выяснить, какие задачи ставили областные и местные руководители образовательных учреждений.

Особую ценность представляют протоколы первичных партийных организаций. Протоколы партийных собраний рукописные, выполнены на тетрадных листах в линию или клеточку, написаны чернилами и перьевыми ручками. Данные комплексы документов включают выступления директоров, завучей школ и преподавателей, а также инструкторов райкомов партии с оценкой работы школ. Приводимые примеры позволяют проанализировать проблемы, которые решали администрация школ и педагоги в трудный послевоенный период.

Делопроизводственные источники включают протоколы, постановления и распоряжения районных отделов народного образования (района), приказы по личному составу, сметы расходов, протоколы заседаний исполнительных органов власти, планы работы и социалистические обязательства педагогических коллективов. Перечисленные источники хранятся в фондах учреждений народного образования ГАЗК: Ф Р-1621 Кыринский районный отдел народного образования (района); Ф Р-2471 Нерчинско-Заводский районо; Ф Р-2506 Калганский районо и др. [6; 7; 10; 13].

В послевоенный период основные приоритеты и направления развития определялись народнохозяйственными планами. Ориентация на экономическое развитие требовала максимального решения организационных и кадровых проблем во всей стране и в Читинской области, в частности. Прочным фундаментом культурной жизни Забайкалья, как и страны в целом, являлась советская школа. Для улучшения качественного состава педагогических кадров на базе Читинского, Сретенского, Балейского, Агинского, Петровск-Забайкальского и Сковородинского педагогических училищ открывались специальные курсы по подготовке учителей для работы в школах. Райкомы профсоюза работников просвещения и местные

комитеты школы осуществляли контроль за созданием условий для успешного сочетания заочной учёбы и работы в школе [1, с. 71].

В первые годы после войны во всех школах учились дети в первых классах не только 7-летнего возраста, но и школьники от 8 до 13 лет, которые не могли посещать школу в прошлые годы из-за трудного материального положения. В отчетах районных отделов народного образования перечислены основные причины пропусков учебных занятий, и как следствие, неуспеваемость и второгодничество: работа подростков и старшеклассников в колхозах, совхозах или на производстве в связи с тяжёлым материальным положением в семье; домашняя работа и уход за младшими братьями и сестрами из-за отсутствия детских яслей и садов; удаленность школы от дома; отсутствие тёплой одежды и обуви [12, л. 25].

В послевоенные годы подростки, работающие на предприятиях, не могли учиться в дневных школах. Для молодежи, не сумевшей получить образования, создавались вечерние школы рабочей и сельской молодежи (ШРМ и ШСМ) [1, с. 72].

В отчёте заведующей Михайло-Павловской начальной школы Кыринского района Поповой о принятых мерах к предупреждению отсева учащихся от 16 ноября 1945 г. сообщается: «Материальной помощи никому не оказывалось, т. к. нет никаких источников. Кареловой Любове выделили 1,5 м ткани из средств для детей фронтовиков, но у неё нет обуви и теплой одежды. Из-за этой причины ученица не посещает школу» [6, л. 23].

Главной задачей в школе в послевоенные годы стало введение обязательного всеобщего 7-летнего (с 1949 г.), 8-летнего и политехнического образования (с 1958 г.). Согласно отчетам районных отделов народного образования, которые хранятся в ГАЗК, в школах Читинской области существовали проблемы учительских кадров, материальной обеспеченности учебно-воспитательной работы, посещаемости и второгодничества учеников. Перед учителями стояли задачи преодоления низкой грамотности, слабых математических знаний. Особое внимание отводилось русскому языку как показателю культурной зрелости и средству получения знаний по другим предметам [11, л. 12].

Без наставников и отсутствия методической литературы молодой педагог сталкивался с проблемами в учебно-воспитательной работе. В отчете районо назывались объективные причины нехватки денежных средств: «На приобретение педагогических и методических журналов выделяется ежегодно 200–300 р., а не-

обходимо 500–700 руб.» [12, л. 23]. Проверяющий инспектор в докладной отмечал: «Многие учителя однокомплектных и двухкомплектных школ не владеют методикой работы с двумя, тремя и четырьмя классами одновременно» [Там же, л. 14]. Педагогические журналы для оказания научно-методической помощи учителям стали вновь выходить с 1946 г.

Постепенно экономический рост способствовал повышению уровня жизни населения не только в центре страны, но и в отдалённых районах области. Органы государственной власти и профсоюзные организации по мере возможностей стремились улучшить положение учителей. Жилищная проблема была одной из причин текучести педагогических кадров. В этот период профсоюз уделял большое внимание выполнению постановления от 10 февраля 1948 г. № 246 Совета Министров РСФСР «О льготах и преимуществах для сельских учителей начальных и семилетних школ». Исполкомы сельских Советов обязаны были предоставлять бесплатно учителям квартиры с отоплением и освещением. Чтобы доставить дрова в школы и дома учителей, директора и местные комитеты профсоюза вели переговоры с совхозами и колхозами о выделении транспорта. «Запаса дров в квартирах учителей нет. Керосином учителей школ, особенно в низовьях Аргуни, снабжают с перебоями» [12, л. 25]. Школы и поселки в этом районе не были электрифицированы, поэтому вместо электрической лампочки использовали керосиновые лампы. Только к концу 50-х г. в большинстве школ области была решена проблема освещения электричеством [14, л. 6]. Депутаты Акшинского райисполкома предложили организовать воскресники по заготовке дров для школ и квартир учителей силами профсоюзных организаций, предприятий и колхозов [7, л. 3].

Учителя изучали теорию марксизма, биографию И. В. Сталина и «Краткий курс истории ВКП(б)» в кружках политического просвещения, а также самостоятельно [12, л. 25]. Всем учителям рекомендовалось участвовать в работе семинара «Основы марксистско-ленинской этики и теории коммунистического воспитания». Преподаватели школ г. Читы по направлению городского комитета партии обучались в вечернем университете марксизма-ленинизма. Занятия проводились в здании исторического факультета ЧГПИ (ул. Чкалова, 140). По решению партийного собрания средней школы № 1 Ингодинского района на учебу в указанный университет были направлены учителя без отрыва от работы [3, л. 64 об.].

В сложных идейно-политических условиях проходила профессиональная деятельность интеллигенции советской школы. Идеологические установки и изменения политики властных структур оказывали самое непосредственное влияние на учебно-воспитательный процесс. Учителя не только изучали постановления, решения пленумов и съездов партии, но и строили программы и учебные планы в соответствии с идущими сверху указаниями и директивами, при этом они не раз оказывались в сложной ситуации. Власть создавала, а затем развенчивала кумиров; например, это проявилось в отношении теории Н. Я. Марра. Данная «теория» языкознания определяла соответствующие учебные дисциплины. Преподаватели пытались разобраться «в дебрях учения» Марра. В 1950–1951 учебном году районо и учителя не смогли осуществить перестройку преподавания русского языка «в свете учения И. В. Сталина о языке», потому что «Марровские ошибки довели над учителями», – записано в отчете Нерчинско-Заводского районо [11, л. 11].

Кадровая проблема по выполнению всеобщего обязательного неполного среднего образования в области была сложной. В удаленных пограничных районах Забайкалья, как и других регионах страны, сельское население в тот период преобладало над городским. Директивы всеобщего образования требовали открытия школ и увеличение числа учащихся не только в крупных населенных пунктах, но и в малых. Развитие горнодобывающей промышленности также способствовало созданию новых поселков и открытию школ в них. «В селе Серный Ильдикан развертываются большие геологические работы. Растет контингент рабочих, следовательно, и контингент учащихся. Исполком Калганского райсовета принял решение открыть в селе начальную школу» [32, л. 18]. Строительство новых школ или приспособление помещений для организации обучения, материально-техническое оснащение классов и учебной работы в школах Могочинского, Балейского, Приаргунского, Кыринского и других районов области отложились в документах ГАЗК.

В 1948 г. в Нерчинско-Заводском районо работали 38 школ, из них 33 – начальные, 4 – семилетние и 1 средняя общеобразовательная школа. Радиус микрорайона, обслуживаемого Нижне-Вереинской семилетней школы, составлял 40 км, Аргунской – 35 км, Усть-Уровской – 50 км; Нерчинско-Заводская средняя школа находилась от наиболее удаленных сел на расстоянии 200–250 км [11, л. 7]. Для выполнения программы всеобщего образования было приня-

то решение строительства в районе пришкольных интернатов. Из-за отсутствия финансовых и материальных средств в 1948 г. было открыто два, вместо запланированных трех интернатов. Заведующий Нерчинско-Заводским районо тов. Азерников обращался в областной отдел народного образования с просьбой «ассигновать 90–100 тыс. руб. на постройку дополнительных помещений интернатов»; «выделить 50–60 тыс. руб.» на приобретение кроватей, столов и стульев, кухонной и столовой посуды. Сложной проблемой была и организация бесплатного питания воспитанников интернатного обучения [Там же, л. 8]. Через 15 лет в районо количество интернатов увеличилось до 13 учебных заведений [10, л. 31].

В решениях районных исполнительных комитетов ставились задачи для директоров школ: укрепление материальной базы всеобщего и систематическая работа по охвату обучением всех школьников, усиление воспитательной работы. Для выполнения закона о всеобщем обучении детей и предупреждения отсева учащихся из школ в районах области проводился учет детей школьного возраста. Сотрудники районо строго следили за переводом учеников, окончивших начальную школу, в семилетние и средние школы. В школах создавались материальные фонды всеобщего образования за счет шефской помощи промышленных предприятий и колхозов, а также сельскохозяйственных работ учащихся [11, л. 6]. В Акшинской средней школе, как и в других школах области, создавались ученические производственные бригады [9, л. 1]. Становление и развитие ученических производственных бригад началось с середины 50-х г. Совершенствованию работы бригад способствовала политика государства, направленная на профессиональную ориентацию выпускников школ. Для сельских школ эта задача определялась получением учащимися сельскохозяйственных знаний и умений, а также воспитанием у них желания трудиться на селе. Первая бригада была организована на базе Малетинской школы Петровск-Забайкальского района. Учащиеся производственной бригады оказывали помощь колхозу имени Ворошилова в посадке картофеля, ухаживали за посевами, заготавливали сено и убирали урожай [4, л. 17]. Создавались бригады в Казановской и Верх-Хилинской школах Шилкинского района, Долгокычинской школе Оловянинского района и др.

Постепенно решались материальные и бытовые проблемы: в архивном документе приведены сведения за 1963 г. в Калганском районо «израсходовано 113 тыс. р. на обеспечение интернатов»; 140 учеников на полном госу-

дарственным обеспечении, 62 – на неполном [15, л. 4]. В 1973 г. в Читинской области действовали 194 пришкольных интерната, в которых обучались и проживали свыше 14 тыс. учащихся. В период с 1966 по 1973 гг. в области было построено 369 школ на 134 тыс. 146 ученических мест. В г. Чите педагогические коллективы активно вели работу по организации учебного процесса, внедрению и использованию технических средств, развитию познавательной активности учащихся в школьных кружках и на занятиях в городском Доме пионеров [3, л. 62 об.]. Таким образом, увеличение количественного роста учебных заведений свидетельствовало о позитивных изменениях в системе народного образования Читинской области.

Согласно архивным документам, улучшение материальной-технической базы школ Читинской области произошло к концу 60-х гг. XX века. Для укрепления материальной базы школ по указанию советских и партийных органов власти руководители промышленных предприятий создавали учебные цеха и участки, выделяли станки, инструменты и материалы для школьных и межшкольных учебно-производственных мастерских [Там же, л. 64]. Предприятия передавали школам и внешкольным учреждениям безвозмездно оборудование, которое не использовалось на производстве.

В послевоенный период изменился профиль учебных заведений министерства трудовых резервов: ремесленные, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). В архивных документах со-

хранились отчёты о выполнении плана призыва («мобилизации») молодежи в училища [8, л. 1–112]. Полное государственное обеспечение давало возможность воспитанникам детских домов осваивать рабочие специальности. В 1951 г. 322 воспитанника читинских детских домов (297 юношей и 25 девушек) поступили в ремесленные, железнодорожные и горнопромышленные училища [Там же, л. 113].

Горнопромышленные школы (училища) располагались на предприятиях министерства угольной промышленности: Черновские копи, рудники Букачача и Арбагар. В Сретенске, Балее, Нерчинске, Петровске-Забайкальске и Тарбагатае обучали учащихся в ремесленных училищах. В Читинских главных железнодорожных мастерских и при локомотивном депо станции Чита-1 работала с 1923 г. школа фабрично-заводского ученичества следующих специальностей: кузнецов, формовщиков-литейщиков, котельщиков, слесарей-паровозников и вагонников. После войны школу преобразовали в профессиональное училище № 1. Всего в 1951 г. обучалось в училищах в Читинской области 1815 чел. [Там же, л. 27].

Развитие экономики и стабилизация общественно-политической жизни СССР в 40–60-е гг. XX в. демонстрирует исторический опыт существенного воздействия советской системы на преодоление проблем народного образования. К середине 1960-х гг. переход к всеобщему восьмилетнему образованию в городах и селах Восточного Забайкалья был, в основном, завершен.

Список литературы

1. Васильева Т. Г. Судьбы педагогов Читинской области в послевоенные годы // Забайкалье историческое: материалы VII Межрегион. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2018. С. 70–75.
2. Гагарина А. М. Из истории народного образования Читинской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Гуманитарный вектор. 2010. № 3. С. 58–61.
3. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. П-1851. Оп. 1. Д. 12.
4. ГАЗК. Ф. П-3286. Оп. 1. Д. 7.
5. ГАЗК. Ф. Р-17.
6. ГАЗК. Ф. Р-1621. Оп. 2. Д. 2.
7. ГАЗК. Ф. Р-1621. Оп. 2. Д. 39.
8. ГАЗК. Ф. Р-1645. Оп. 5. Д. 115.
9. ГАЗК. Ф. Р-2439. Оп. 1. Д. 3.
10. ГАЗК. Ф. Р-2471. Оп. 1. Д. 1.
11. ГАЗК. Ф. Р-2471. Оп. 1. Д. 3.
12. ГАЗК. Ф. Р-2471. Оп. 1. Д. 4.
13. ГАЗК. Ф. Р-2471. Оп. 1. Д. 7.
14. ГАЗК. Ф. Р-2506. Оп. 1. Д. 25.
15. ГАЗК. Ф. Р-2506. Оп. 1. Д. 60.
16. ГАЗК. Ф. Р-2506. Оп. 1. Д. 61.
17. Константинова Т. А. Из истории народного образования Читинской области в 1937–1945 гг. // Читинская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сб. док. и материалов / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-издательство, 2005. С. 530–536.

18. Пряженникова М. В. Учебно-воспитательная деятельность школ Читинской области в 1943/44 учебном году // Забайкалье в отечественной военной истории: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящённой присвоению г. Чите почётного звания РФ «Город трудовой доблести» / отв. ред. Е. В. Дроботушенко, Ю. Н. Ланцова. Чита: ЗаБГУ, 2022. С. 196–200.

Сведения об авторах

Васильева Т. Г. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: tvzabspu@yandex.ru

T. G. Vasileva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Transbaikal State University, Chita, Russia, tvzabspu@yandex.ru

УДК 378:94(571.55)

**Научно-исследовательская и методическая деятельность
Читинского государственного педагогического института в 1959–1960 учебном году**

Марина Владимировна Пряженникова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Klichca85@yandex.ru

В основу статьи положен отчёт по работе Читинского государственного педагогического института за 1959–1960 учебный год. Этот хронологический отрезок был выбран в связи с тем, что в указанные годы работа педагогического института строилась на решениях XXI съезда КПСС, Постановлениях ЦК КПСС, законах и приказах, направленных на улучшение качества подготовки молодых специалистов, на укрепление связи школы с жизнью и дальнейшее развитие системы народного образования в СССР. Автор статьи делает акцент на научной и методической деятельности института, приводит темы научно-исследовательских работ кафедр, названия опубликованных научных трудов преподавателей, показывает изменения, которые произошли среди научно-педагогических кадров института.

Ключевые слова: институт, кафедра, научно-исследовательская работа, методическая работа, диссертация, научные статьи, преподаватели

**Research and Methodological Activities
of the Chita State Pedagogical Institute in the 1959–1960 Academic Year**

Marina V. Pryazhennikova

Transbaikal State University, Chita, Russia

Klichca85@yandex.ru

The article is based on the report on the work of the Chita State Pedagogical Institute for the 1959–1960 academic year. This chronological segment was chosen due to the fact that in these years the work of the Pedagogical Institute was based on the decisions of the XXI Congress of the CPSU, the Decrees of the Central Committee of the CPSU, laws and orders aimed at improving the quality of training of young specialists, at strengthening the connection of school with life and the further development of the system public education in the USSR. The author of the article focuses on the scientific and methodological activities of the institute, gives the topics of research work of the departments, the names of the published scientific works of teachers, shows the changes that have occurred among the scientific and pedagogical staff of the institute.

Keywords: institute, department, research work, methodical work, dissertation, scientific articles, teachers

Вся учебная, научно-исследовательская и методическая работа Читинского государственного педагогического института в 1959–1960 учебном году строилась на основе реше-

ний XXI съезда КПСС, Постановлений ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» от 9 января 1960 г. [3, с. 491–511] и закона «Об укреплении связи школы

с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» от 24 декабря 1958 г. [2], а также приказов и инструкций Министерства высшего и среднего специального образования СССР, Министерства просвещения РСФСР, направленных на улучшение качества подготовки молодых специалистов [1, л. 3].

Институт ставил своей задачей улучшение работы по повышению квалификации преподавателей и более успешное развитие научно-исследовательской работы, с тематикой, соответствующей задачам советской школы. В научно-исследовательской деятельности кафедр большое место стали занимать вопросы воспитательной и методической работы в школе, а также вопросы, касавшиеся исследований Забайкалья, его истории, хозяйства, этнографии [Там же, л. 19]. В 1959–1960 учебном году удалось практически решить вопрос о создании творческих коллективов для разработки комплексных научно-исследовательских и научно-методических тем, в которые активно включали учителей базовой школы института и других школ г. Читы.

В этом же учебном году произошли изменения среди научно-педагогических работников института. К 1 сентября 1959 г. сложилось трудное положение с кадрами по нескольким кафедрам, т. к. не явились на работу ряд преподавателей, избранных по конкурсу (3 чел.), назначенных Министерством просвещения РСФСР (В. И. Демидов) и приглашённых дирекцией института (3 чел.). Кроме того, самостоятельно покинул институт, не предупредив своевременно дирекцию, заведующий кафедрой физики, доцент И. К. Турышев. Для исправления данной ситуации дирекция института в течение сентября подыскала ряд подходящих работников в г. Чите, а также пригласила преподавателя методики физики Р. В. Мочалова из г. Майкопа. В результате к 1 октября (занятия в институте начались с 5 октября в связи с выездом студентов на уборку урожая) все кафедры, кроме кафедры физики, были полностью укомплектованы кадрами [Там же, л. 5].

В течение учебного года произошли следующие изменения в составе преподавателей. Были приняты на работу в институт: доцент А. Н. Милейковский (кафедра биологии и химии), ассистент Ф. И. Бочкарев (кафедра физики), старший преподаватель Г. Н. Караяковский (кафедра физики), ассистент В. Н. Краснов (кафедра физвоспитания). К концу 1959–1960 учебного года в институте работало (включая директора, его заместителей и преподавателей-совместителей) 116 преподавателей. Из них имели учёные звания и степени 27,

в том числе учёную степень кандидата наук – 26, учёное звание доцента – 18. Однако на 5 кафедрах (физики, математики, английского языка, немецкого языка и физвоспитания) из 12 чел. не было ни одного работника с учёной степенью или званием [Там же, л. 6].

Стоит отметить, что 10 работников института в 1959–1960 учебном году были награждены значком «Отличник народного просвещения». Преподаватели И. А. Валентинова (кафедра русского языка), А. П. Шкатулова (кафедра биологии и химии), Ф. И. Мизгирев (кафедра биологии и химии) защитили кандидатские диссертации. Утверждён Высшей аттестационной комиссией в учёной степени кандидата педагогических наук М. А. Чистов (кафедра педагогики). Присвоено учёное звание доцента З. Г. Василенко (кафедра педагогики), Н. М. Яковлевой (кафедра педагогики), Е. И. Глазатовой (кафедра истории), Н. А. Чернюку (кафедра географии).

Закончили сдачу кандидатского минимума преподаватели А. А. Чжен (кафедра марксизма-ленинизма), А. П. Бабенко (кафедра английского языка), И. М. Осокин (кафедра географии). Приступили к сдаче кандидатского минимума и успешно сдали по 1–2 экзамена преподаватели В. И. Сурмачевский (кафедра географии), Э. К. Тимофеева, Л. И. Острая (кафедра английского языка), Л. П. Нестерова, В. Н. Куклева (кафедра немецкого языка) [Там же, л. 7].

Значительный рост качественного состава научно-педагогических кадров и улучшение лабораторной базы института позволили кафедрам географии, биологии и химии (организована 1 января 1960 г. приказом Министерства высшего и среднего специального образования СССР № 358 от 16 декабря 1959 г.), физики, математики выдвинуть тематику научно-практического характера, которую предполагали разрабатывать на хозяйственных началах. Обком КПСС оказал значительную помощь в этом деле, однако со стороны производственных и хозяйственных организаций наблюдалось неправильное отношение к вопросам связи с институтом, что тормозило заключение хозяйственных договоров. Смогли заключить хозяйственный договор только по одной теме: «Научно-практическое обоснование первоочередных мероприятий по борьбе с овражным размывом, песчаным заносом транспортных путей и запылением атмосферы на территории города Читы и его окрестностях».

Обкомом КПСС было организовано обсуждение планов научно-исследовательской работы института с участием заинтересованных

организаций и общественности города. В целом тематика института была одобрена, но был высказан и ряд замечаний и предложений, особенно в адрес кафедры педагогики. Всё это было учтено в планах кафедр, часть из замечаний и предложений рассмотрена Учёным советом, и соответствующие изменения внесены в общеинститутский план. Стоит отметить, что план научно-исследовательской и научно-методической работы на 1959–1960 учебный год был выполнен успешно, без серьёзных срывов и недоработок [1, л. 20].

Кафедры ЧГПИ проводили работу по уточнению тематики своих научных исследований с целью максимального сближения научно-исследовательской работы с решением задач развития промышленности и сельского хозяйства Читинской области. На совещании деканов и заведующих кафедрами, которое состоялось 9 марта 1960 г., был рассмотрен вопрос о научно-исследовательской и учебно-практической работе кафедр биологии и химии, географии, математики, физики. В ходе совещания выяснилось, что указанные кафедры могли выполнить ряд практических важных научно-исследовательских работ, а также ряд работ по ремонту и изготовлению некоторых видов механизмов, приборов и т. д. [Там же, л. 21].

Кафедрами были выдвинуты следующие темы научно-исследовательских и практических работ. Кафедра географии: «Реконструкция озера Кенон»; «Проблема восстановления «зелёного крыльца» вокруг города Читы»; «Размыв и смыв рыхлых грунтов на территории городов и рабочих посёлков Читинской области»; «Интенсивность и формы появления ускоренной эрозии на пахотных землях колхозов Красночуйского района»; «Процессы эрозии и лесовозобновление на лесных вырубках и гарях в Хилокском районе»; «Термокарст – источник водоснабжения колхозов»; «Маршруты путешествий по Забайкалью».

Кафедра биологии и химии: «Уплотнение окота овец в условиях Читинской области»; «Развитие пчеловодства в Читинской области»; «Биология сладкого горошка и его значение как кормового растения и медоноса»; «Влияние минеральных вод курорта «Молоковка» на секрецию желудка и поджелудочной железы». Кроме того, после обсуждения тематики научно-исследовательской работы на заседании кафедры, преподаватели решили обратиться к вопросам выращивания на территории Читинской области кукурузы и сахарной свеклы [Там же, л. 22].

Кафедра физики: «Работа по спектральному анализу»; «Работы по рентгеноструктурно-

му анализу»; «Испытание различных диэлектриков на пробой и токи утечки»; «Испытание и мелкий ремонт контрольно-измерительных приборов»; «Ремонт электрооборудования автомобиля»; «Зарядка аккумуляторных батарей»; «Изготовление сухих элементов для радиоприёмников»; «Изготовление продукции для ширпотреба в механических мастерских». Однако для выполнения всех работ, кроме работ по спектральному анализу, требовалось дополнительное оборудование и производственные материалы.

Кафедра математики: вычислительные работы на счётных машинах, графические работы (составление монограмм по заданным законам, формулам, построение графиков и пр.) и несложные чертёжные работы. Совместно с кафедрой физики и другими кафедрами ЧГПИ кафедра предполагала решение ряда задач производственно-практического содержания. В целях повышения математической культуры инженерно-технических работников, изобретателей, новаторов производства, передовых рабочих, а также в целях установления тесных контактов и связи с производством, кафедра математики планировала организовать семинар или курсы, проводя систематические консультации по избранным темам элементарной и высшей математики. Кафедра также обеспечивала изготовление ряда наглядных пособий по математике для средних школ Читинской области [Там же, л. 23].

Отдельные виды запланированных работ кафедры могли начать выполнять незамедлительно. Однако ряд запланированных работ требовали более квалифицированные научные силы и специализированное оборудование. Исходя из данной ситуации, партийная организация и дирекция ЧГПИ просили Обком КПСС помочь в организации связи с соответствующими учреждениями и предприятиями для обсуждения выдвинутой кафедрой тематики научно-исследовательских и практических работ и для последующего установления деловых контактов [Там же, л. 24].

В 1959–1960 учебном году значительно возросло число преподавателей, ведущих научно-исследовательскую и научно-методическую работу, в тех или иных формах этой работы принимали участие все преподаватели института. Например, 6 преподавателей работали над докторскими диссертациями и 25 – над кандидатскими. Темы диссертаций преподавателей ЧГПИ были следующие. Кафедра марксизма-ленинизма: «Коммунистическая партия – организатор борьбы трудящихся Прибайкалья и Забайкалья за разгром интервен-

тов и развитие народного хозяйства в период ДВР (1920–1922 гг.)» – докторская диссертация Б. М. Шерешевского; «Партийная организация Бурятии в борьбе за культурную революцию (1923–1937 гг.)» – кандидатская диссертация Е. Д. Бадмаева; «Борьба за Советы в Забайкалье (1918–1922 гг.)» – кандидатская диссертация П. В. Шишлянникова; «Роль принципа личной материальной заинтересованности в подъёме колхозного производства» – кандидатская диссертация П. П. Захарова; «Пути развития и сближения колхозной и общенародной форм социалистической собственности» – кандидатская диссертация А. А. Чжена [1, л. 25].

Кафедра педагогики: «Идейно-политическое воспитание учащихся в 5–8 классах на материале политических событий современности» – кандидатская диссертация Р. Ф. Савиных; «Воспитание трудолюбия у пионеров II и III ступени на революционных и трудовых традициях рабочего класса» – кандидатская диссертация А. Ф. Бордонской; «Формирование ответственности и дисциплинированности у старшеклассников средней общеобразовательной трудовой политехнической школы с производственным обучением» – кандидатская диссертация М. А. Роголис; «Взаимоотношения индивидуально-типических и возрастных особенностей в развитии личности подростка» – докторская диссертация З. Г. Василенко [Там же, л. 26].

Кафедра русского языка: «Развитие «простого» стиля русского литературного языка во второй половине XVIII в. (к вопросу о формировании общенациональных норм русского литературного языка)» – докторская диссертация А. И. Горшкова; «Синтаксическая омонимия в современном русском языке» – кандидатская диссертация А. Г. Щепина; «Словосочетания с формами сравнительной и превосходной степени в современном русском языке» – кандидатская диссертация Н. А. Троицкой; «Взаимоотношения категорий времени и вида в современном русском языке» – кандидатская диссертация С. А. Иванова.

Кафедра литературы: «Проблемы создания характеров в романах Л. Н. Толстого» – докторская диссертация С. Э. Павлович; «Проблемы реализма в английской литературе XVIII в.» – кандидатская диссертация А. Г. Ингер [Там же, л. 27].

Кафедра математики: «Определение границ предельных циклов дифференциальных уравнений» – кандидатская диссертация В. С. Полетаева; «Решение интегро-дифференциальных уравнений» – кандидатская диссертация Е. П. Холодовского.

Кафедра физики: «Самостоятельная работа учащихся с измерительными приборами» – кандидатская диссертация Р. В. Мочалова; «Корреляция флуктуаций волн, прошедших слой со случайными неоднородностями» – кандидатская диссертация А. А. Кротова; «Ёмкостные машины переменного тока» – кандидатская диссертация С. И. Голубева; «Применение электролиза в практике спектрального анализа растворов» – кандидатская диссертация Ф. А. Уварова [Там же, л. 28].

Кафедра английского языка: «Фразеология среднего периода английского языка» – кандидатская диссертация С. Л. Амбразевич; «Значение дательного падежа в древний и средний период развития английского языка» – кандидатская диссертация Э. П. Тюкавкиной; «Развитие навыков устной речи у студентов I–II курсов факультетов иностранных языков» – кандидатская диссертация З. С. Харьковского.

Кафедра немецкого языка: «Внутришкольный контроль и руководство работой учителя иностранного (немецкого) языка средней школы» – кандидатская диссертация А. М. Поповой.

Кафедра географии: «Борьба с ускоренными процессами эрозии (ускоренные процессы эрозии на территории городов и рабочих посёлков Восточного Забайкалья)» – кандидатская диссертация А. И. Климова [Там же, л. 29].

Кафедра биологии и химии: «Селекционная работа в овцеводстве и организация уплотнённого скота в целях повышения продуктивности овцеводства в Читинской области» – докторская диссертация М. Д. Зелинской; «Ботаническая и биологическая характеристика рутех из семейства гречишных, как нового источника получения хризаробина» – кандидатская диссертация В. И. Дороховой; «Использование местного материала в преподавании курса зоологии в средней школе в условиях Читинской области» – кандидатская диссертация Д. Ф. Леготина; «Формирование понятия о химическом элементе в процессе изучения химии в средней школе» – кандидатская диссертация Н. С. Кудрявцева [Там же, л. 30].

Кроме того, преподаватели принимали активное участие в различных мероприятиях научного характера. На кафедрах регулярно обсуждались научно-исследовательские и научно-методические работы профессорско-преподавательского состава, а также тексты лекций, методические разработки практических занятий; проводились открытые лекции и семинары. В результате активизации научно-исследовательской работы на кафедрах повысился уровень научных трудов преподавателей.

В апреле 1960 г. была проведена научно-теоретическая конференция, посвящённая 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. В ходе подготовки к конференции на кафедрах было обсуждено 60 докладов, 27 из которых были заслушаны на пленарных и секционных заседаниях конференции. Было проведено также торжественное заседание Учёного совета, посвященное 100-летию со дня рождения А. П. Чехова и объединённое заседание кафедр истории и литературы, посвящённое 70-летию со дня смерти Н.Г. Чернышевского. На этих заседаниях был заслушан ряд научных докладов преподавателей кафедр истории и литературы [1, л. 42].

На основе улучшения научно-исследовательской работы стабилизировалась издательская деятельность института. Вышел в свет 4-й (очередной) выпуск журнала института «Учёные записки» объёмом 35 печатных листов, в котором было опубликовано 26 статей по разделам гуманитарных, естественно-географических и физико-математических наук. Институтом были также изданы брошюры доцента А. И. Климова «Изучение природы, хозяйства и культуры Читинской области. В помощь учителю-краеведу» и доцента М. А. Масалова «Практикум по методике русского языка». Находилось в печати пособие для студентов-заочников доцента А. И. Горшкова «История русского литературного языка». В Читинском областном книжном издательстве вышла брошюра доцента Б. М. Шерешевского «Забайкалье в период ДВР (1920–1922 гг.)».

Усиление работы кафедр в области методики школьного преподавания позволило издать первый «Методический сборник в помощь учителю», в котором приняли участие 25 преподавателей института и базовой школы. Изданный Читинским областным Институтом усовершенствования учителей (ИУУ) сборник «В помощь учителю иностранного языка» целиком состоял из статей, написанных преподавателями ЧГПИ. В сборнике «В помощь учителю русского языка и литературы», также изданном ИУУ, приняли участие преподаватели кафедры русского языка.

Кроме того, был подготовлен к печати сборник докладов теоретической конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. Подготовлен к печати очередной выпуск «Учёных записок», в котором опубликованы работы преподавателей кафедр русского языка и литературы (редакционный совет принял решение издавать «Учёные записки» по кафедрам или группам смежных кафедр).

В редакционный совет были представлены статьи для сборника «В помощь пионервожатому» для очередного «Методического сборника в помощь учителю» [Там же, л. л. 42–43].

Всего в 1959–1960 учебном году преподавателями института было опубликовано и подготовлено к печати 82 работы. Удалось активизировать научно-исследовательскую работу, добиться большей её целенаправленности, в значительной степени устранить расплывённость тематики научных исследований, направить их на решение задач, связанных со школьной практикой и развитием народного хозяйства Читинской области.

Однако в научно-исследовательской работе имелись существенные недостатки. Например, если план 1959–1960 учебного года был выполнен в целом успешно, то перспективный план выполнялся не так активно, как хотелось бы. Недостаточно интересно разворачивалась научно-исследовательская работа кафедр в школах. Здесь хорошо работали кафедры немецкого языка, физики, отставала кафедра педагогики.

Кандидатские диссертации защитили только трое преподавателей вуза, ни одной докторской диссертации не было защищено в указанном учебном году. Статьи преподавателей института почти не появлялись в центральной печати. Были опубликованы только статья старшего преподавателя Р. В. Мочалова «Самостоятельная работа учащихся на уроках», заметка доцента А. И. Горшкова о роли среднего стиля XVIII в. в развитии русского литературного языка в журнале «Вопросы языкознания» и информационная заметка старшего преподавателя З. С. Харьковского в журнале «Иностранные языки в школе». Не были опубликованы курсы лекций и другие пособия для заочников. Недостаточно привлекались к научно-исследовательской и научно-методической работе кафедр учителя базовой школы и других школ города Читы и области [Там же, л. 44].

Дальнейшему расширению и повышению качества научно-исследовательской работы в институте мешала ещё сохранявшаяся на ряде кафедр (физики, математики, английского языка, немецкого языка) перегрузка преподавателей учебной работой. Отрицательно сказывалось на состоянии научно-исследовательской работы и отсутствие постоянных связей института с научно-исследовательскими центрами, с крупнейшими педагогическими институтами. Преподаватели ЧГПИ были лишены даже возможности выезжать на большинство не только всесоюзных и всероссийских, но даже зональных научных конференций из-

за отсутствия ассигнований на командировки. Нельзя не указать и на то, что в Чите ощущался острый недостаток научной литературы, было невозможно получить квалифицированную научную консультацию из-за отсутствия научных кадров [1, л. 45].

Таким образом, вся научно-исследовательская и методическая работа ЧГПИ в 1959–1960 учебном году была направлена на осуществление основных постановлений, принятых на XXI съезде КПСС. Преподавательский состав кафедр вуза выдвинул ряд новых тем, осуществление которых планиро-

валось делать в тесной связи с различными предприятиями и научными центрами, требовали нового оборудования и квалифицированных специалистов. В указанном учебном году были защищены кандидатские диссертации, опубликованы ряд научных работ, направленных на целевую аудиторию (студентов, учителей). Институт пополнился новыми научно-педагогическими кадрами. В целом, Читинский государственный педагогический институт успешно справлялся с возложенными на него задачами по реализации научно-исследовательских изысканий.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. Р-177. Оп. 2. Д. 116.
2. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Текст: электронный // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5337.htm (дата обращения: 29.03.2022).
3. О задачах партийной пропаганды в современных условиях // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политгиздат, 1984. Т. 9. С. 491–511.

Сведения об авторах

Пряженникова М. В. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: klichca85@yandex.ru

Pryazhennikova M. V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History, Transbaikal State University, Chita, Russia, klichca85@yandex.ru

.....

УДК 94 (571.55)

Изучение и популяризация наследия декабристов (на примере деятельности Читинского краеведческого музея)

Наталья Николаевна Константинова

Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия
asyapogod@yandex.ru

В статье поднимается проблема формирования коллекции, совершенствования экспозиционного показа, популяризации темы забайкальского периода декабристов, охраны декабристских объектов в Чите, Петровск-Забайкальском, Акше и Акатуе; показана история создания Музея декабристов в Чите в здании-памятнике «Церковь декабристов»; отражен вклад в разработку тематики: А. В. Харчевникова, Н. С. Тяжелова, А. Ф. Сараева, И. Н. Букина, К. И. Сысоевой, Е. Ф. Калашниковой, Н. С. Козловой.

Ключевые слова: декабристы, коллекция, экспозиция, охрана памятников, здание-памятник, «Церковь декабристов», Музей декабристов, музейные сотрудники

Studying and Educating the People about the Decembrists' Heritage (Case study of the Chita Regional Museum)

Natalia N. Konstantinova

Museum of Cultural and Natural History
of Trans-Baikal Region Named after A. K. Kuznetsov, Chita, Russia

asyapogod@yandex.ru

The following theme is discussed in the paper: formation of the collection, improvement of exhibited collection display, educating the people about the subject of the Decembrists' Transbaikal period, protection of Decembrists' sites in Chita, Petrovsk-Zabaikalskiy, Aksha and Akatuy; the history of the Decembrists' Museum in Chita in the building-monument "Decembrists' Church" is shown; contributions to development of the subject are reflected: A. V. Kharchevnikov, N. S. Tyazhelov, A. F. Sarayev, I. N. Bukin, K. I. Sysoeva, E. F. Kalashnikova, N. S. Kozlova.

Keywords: *Decembrists, collection, exposition, protection of monuments, monument building, "Decembrists Church", Decembrists Museum, museum staff*

Читинский музей на протяжении всех лет своей истории изучал, сохранял и популяризировал наследие декабристов. Уже в 1894 г., когда только начали накапливаться музейные коллекции, таких материалов было 39, в 1895 г. поступило ещё 37, что составило 76 единиц [18, с. 5]. Возможно, первыми из декабристских раритетов были поступления, накапливавшиеся благодаря читинскому чиновничеству в связи с желанием создать в 1889–1890 гг. музей при Забайкальском областном статистическом комитете [9, с. 54; 12, с. 3–4]. В коллекцию по декабристам на 1895 г. входили пейзаж бисером из читинского дома Волконских, стенные часы из дома Д. И. Завалишина в Чите, фотографии А. К. Кузнецова 1889 г.: «Вид Благодатского рудника», «Дом в Благодатском руднике, где жили Е. И. Трубецкая и М. Н. Волконская в 1827 г.», «Могила П. В. Аврамова в Акше», «Могила И. И. Горбачевского в Петровском Заводе» [10, с. 68, 76]. Основную часть коллекции представляли документальные материалы, связанные с именем Д. И. Завалишина, и книги, найденные в его доме (были переданы в середине 1890-х гг. в музей народолюбцами, прибывшими в Читинское поселение после отбытия каторги на Каре). Немного позже из этого же источника поступали письма Завалишина [24; 25, с. 98–99], а также книги на русском и иностранных языках, принадлежавшие декабристам [25, с. 98, 102–111]. В 1897 г. коллекция по декабристам увеличилась до 88 единиц [19, с. 28]. Вероятно, в числе поступлений на этот год были вещи, также обнаруженные в бывшем доме Д. И. Завалишина и связанные с семейством Смольяниновых, в том числе часы, корпус которого, предположительно, был выполнен Н. А. Бестужевым; шкатулка, возможно, из бывшего дома Завалишина [10, с. 44, 45]. На тот период в структуре всех музейных коллек-

ций они числились в «Отделе событий, относящихся к Забайкалью» и в отчетах первых лет деятельности музея были указаны отдельной строкой: «Декабристы в Забайкалье». Вероятно, некоторая часть материалов была утрачена в 1901–1903 гг. из-за неудовлетворительного хранения (неприспособленность помещений, утрата при перемещениях), что подтверждается цифрами, указанными в отчетах.

В сложный для музея период (1903 г.) поступил «альбом фотографических карточек, видов и снимков, относящихся до пребывания декабристов в Забайкалье на 50 картонах»: нечётко сформулированная запись в книге поступлений подразумевала альбом фото зданий и мест пребывания декабристов в крае, сделанных А. К. Кузнецовым в 1901 г. [20, с. 37]. К 1908 г. по данному разделу числилось 70 единиц [21, с. 25]. В 1909 и 1910 гг. поступило 5 единиц: 3 снимка и 2 плана дома декабриста С. Трубецкого, которые передал А. Ф. Фарфонов [22, с. 23]. В 1910 г. музей стал обладателем столика, сделанного М. А. Бестужевым (Селенгинск) [10, с. 52]. Из 26 377 единиц всего фонда музея насчитывалось 75 единиц по декабристской тематике к 1911 г. [22, с. 20, 29]. Возможно, уже в это время в музее находилась рукопись «Поваренной книги» (изд. Решетникова, М., 1818), «приобретённая для музея в Петровском Заводе Я. М. Рубинштейном», переписанная декабристами и их женами, с дарственной надписью С. И. Смольянинову [25, с. 99]. Позже Колобовы из Петровского Завода передали фотопортрет И. И. Горбачевского (1850-е гг.) неизвестного автора [10, с. 80]. Судя по сведениям Харчевникова, в музее была не фотография, а портрет с неё, сама фотография к 1925 г. находилась у владельцев [6, с. 34]. Без сомнения все мемориальные декабристские вещи выставлялись на публику. Когда музей

обрел здание на улице Пушкина (1914), вероятно, они стали демонстрироваться в залах первого этажа, где размещались исторические коллекции [7, л. 2; 8, с. 4]. Известно точно, что во второй половине 1920-х гг. они демонстрировались на верхней площадке парадной лестницы, что зафиксировано на фото М. И. Союзова [12, с. 41].

Учёный секретарь и заведующим историко-бытовым отделом А. В. Харчевников целенаправленно изучал и популяризировал наследие декабристов в Забайкалье в 1920-е гг. Им приобретались книги по декабристской тематике в 1924 и 1925 гг., когда он был в командировке в Москве и Петрограде. Возможно, в этой поездке были приобретены изданные до революции записки декабристов И. И. Горбачевского и Д. И. Завалишина [17, с. 76–77, 84; 10, с. 64]. В силу материальных возможностей того времени Харчевников занимался охраной недвижимых памятников, связанных с декабристами. Так, в Петровском Заводе на декабристском некрополе провел восстановительные работы, благоустроив захоронения П. В. Аврамова и М. С. Лунина (Акша, Акатуй). Одним из вдохновителей юбилейных мероприятий, связанных со 100-летием восстания декабристов стал в 1925 г. В сборник «Декабристы в Забайкалье», редактором которого он явился, вошли две его статьи: «Высылка декабриста Д. И. Завалишина из Читы в 1863 г. По архивным материалам Читинского музея» и «Книжное наследие декабристов в коллекции Читинского музея» с большой подборкой документальных материалов [6]. По утверждению краеведа Г. А. Жеребцова, Харчевникова можно считать одним из основоположников сибирского декабриствоведения. Есть сведения, что Харчевников, оказавшись после гонений в Читинском музее в Минусинске (1929 г.), являлся держателем большой ценной коллекции декабристских материалов, в том числе акварелей Бестужева. Возможно, в этой коллекции находилась супница фарфорового завода Ф. Я. Гарднера, предположительно принадлежавшая ранее С. Г. Волконскому, а также гербарий «Эдельвейсы», собранный декабристами в Чите в 1827–1830 гг. Позже акварели Бестужева были переданы в ГИМ, супница хранится в Минусинском Музее декабристов [16, с. 155; 12, с. 143].

В Читинском музее тема декабристов с точки зрения экспозиционного показа стала одной из приоритетных в связи с правительственными распоряжениями об отражении российского революционно-освободительного движения в целом и создании в составе музея

историко-революционного отдела (создан в соответствии с постановлением Президиума Забайкальского губисполкома от 18 июня 1925 г.). Его основой стали декабристские материалы. Подготовку экспозиции возглавлял директор музея А. К. Кузнецов [14, с. 6; 23, с. 144], был привлечён один из руководителей Читинского отделения Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев Н. Н. Жуков, ставший заведующим историко-революционного отдела, а позже – заместителем директора. По сути, и как позже в отчётах значилось, А. К. Кузнецовым и его помощниками создан Музей революции, торжественно открытый 20 декабря 1925 г. [12, с. 34]. В его экспозиции, отразившей три этапа освободительного движения в России, в разделе «Декабристы» показывались забайкальские материалы, разработана экскурсия «Декабристы в Забайкалье» [7, л. 7]. На его базе в 1927 г. в музее развернулась выставка, посвящённая 10-летию годовщине Октябрьской революции, с разделом о декабристах (руководил директор музея П. А. Окунцов) [2, л. 144об.–146]. Сохранились фотографии фрагментов этой выставки [12, с. 40, 62–63]. Музей революции в составе Читинского музея функционировал на протяжении 1930-х гг. В конце 1930-х гг. в раздел «Декабристы», в котором демонстрировались вещи декабристов, впервые была введена указанная выше рукописная поваренная книга, хранившаяся до этого времени в неразобранном архиве музея [12, с. 84]. Возможно, демонстрировались интереснейшие документы бывшего Жандармского управления, полученные в результате его ликвидации после 1917 г., например, «Роспись государственным преступникам» (1826 г.) [10, с. 6].

Тема декабристов актуализировалась в контексте разработки музеем экспозиции по истории города Читы в 1940–1950-е гг. Ещё во второй половине 1920-х гг. в связи с установкой на изучение истории города при создании соответствующей коллекции рекомендовалось учесть «выдающиеся моменты его жизни», роль замечательных людей в социальной и культурной жизни города, необходимость составления их биографий [1, л. 62 об.]. В аналогичном ключе декабристская проблематика прорабатывалась сотрудником музея Н. С. Тяжеловым. Он в 1944 г. подготовил выставку по истории Читы, а в 1952 г. – большую экспозицию, в которых были представлены материалы по декабристам [13, с. 606; 3, л. 8]. В экспозиции 1952 г. были представлены фотографии А. К. Кузнецова конца XIX – начала XX вв. с видами Читы (числились, как относящиеся к декабрист-

ской теме): их большие копии были сделаны в 1932–1933 гг. [1, л. 114; 12, с. 91]. Н. С. Тяжелов одним из первых открыто встал на защиту здания Церкви декабристов, опубликовав в газете «Забайкальский рабочий» (1959 г., 15 октября) заметку: «...Читинский горисполком решением от 24 июля 1959 г. передает здание церкви на баланс сельскохозяйственному техникуму и разрешил... надстроить третий этаж. Нельзя примириться с тем, что Чита лишится такого исторического и архитектурного памятника!... Решение горисполкома должно быть отменено».

В музей поступали различные инструменты, использовавшиеся в шахтах, где работали каторжане, а также предметы каторжного быта (бадья, молоток, кандалы, клейма) в 1950–1960-х гг. Ценным приобретением стала свеча из штольни Благодатского рудника, где работали декабристы в 1826–1827 гг. [10, с. 35, 45]. Как типичные, эти предметы демонстрировались в интересующем нами разделе. В связи с 125-й годовщиной перевода декабристов в Петровский Завод из Читы (1955 г.) была создана передвижная выставка «Декабристы в Забайкалье» [4, л. 4]. В 1960-е гг. экспозиционный раздел о пребывании декабристов в Забайкалье пополнился документами в виде муляжей, которые выявили в Читинском госархиве сотрудники дореволюционного отдела А. Ф. Сараев, В. М. Данилова, Л. А. Лоницкая [5, л. 15; 12, с. 124]. В 1970-х гг. декабристская коллекция пополнилась личными вещами Д. И. Завалишина (медальон с колечками волос жены и сына, ожерелье, рыболовные снасти), переданные его потомками [10, с. 68–69].

В 1950-х гг. музей вновь внес вклад в охрану историко-культурных объектов, связанных с декабристами. В 1954 г. Н. С. Тяжелов и художник музея И. Н. Букин в Петровск-Забайкальском собрали сведения о домах, в которых жили жена декабриста Е. И. Трубецкая, декабрист И. И. Горбачевский, констатировали их неудовлетворительное состояние. Тяжелов обратился к секретарю райкома партии о необходимости принять меры по их спасению, а на доме, принадлежавшем Е. И. Трубецкой, где позже жили управляющие заводом, где «сохранились ещё элементы времен декабристов», предложил установить мемориальную доску. Хлопотал о благоустройстве могилы И. И. Горбачевского и склепа А. Г. Муравьевой [12, с. 93]. Итогом этой поездки стала небольшая живописная работа И. Н. Букина «Склеп А. Г. Муравьевой», которая позже вошла в экспозицию (в настоящее время хранится в фондах музея) [11]. По итогам поездки в 1960 г. И. Н. Бу-

кина (находился в составе экспедиции ГИМа) делались зарисовки декабристской штольни Благодатского рудника и обрушившейся стены Акатуйской тюрьмы, где томился М. С. Лунин. В его отчёте об этой поездке читаем: «...С утра всем составом пошли в Благодатский рудник, что в 1,5 километрах от Горного Зеренуя. Я сразу же подошел к так называемой штольне декабристов. Будучи раньше ..., в 1957 г., я видел более благоустроенный выход из штольни. Ею пользовались как для водопровода во время выкачки воды из шахт современных разработок. Сейчас передо мною предстали развалины» [12, с. 114–115].

В активизировавшейся лекционной работе приоритетной была тема «Декабристы в Забайкалье» в 1960-х гг. Наряду с популяризацией наследия декабристов музейными средствами Читинский музей активно пропагандировал его в периодической печати, «Календаре знаменательных и памятных дат» (начал выходить с 1964 г.), в котором помещались биографии декабристов. Изучался музейный документальный фонд декабристов, в результате выявлялись ранее неизвестные факты. Так, М. И. Алферина в документах Д. И. Завалишина нашла сведения о семействе управляющего Читинской волостью С. И. Смольянинова, установила связь одного из его представителей с семьей Пушкина [Там же, с. 120]. Как итог многолетней исследовательской работы в 1976 г. в Восточно-Сибирском книжном издательстве стал выход сборника документальных материалов о декабристах «К России любовью горя», в подготовку которого большой вклад внесли музейщики А. Е. Конюхова и М. И. Алферина, работавшие ранее в музее А. П. Айкина и В. Г. Изгачев. Популяризация наследия декабристов осуществлялась по всему краю благодаря передвижному музею (с 1962 г. вначале оборудованном в железнодорожном вагоне; с 1963 г. стал перевозиться на машине и автобусе). Систематически один из разделов передвижных выставок посвящался пребыванию декабристов в Забайкалье. В 1975 г. в передвижном музее были представлены стенды, посвященные 150-летию восстания декабристов. Тогда состоялось четыре выезда вагона-музея и авто-музея по маршрутам: Забайкальск – Чита; Улетовский, Ононский районы; воинские части, во время которых сотрудники Читинского музея К. И. Сысоева и Н. С. Козлова провели до 90 экскурсий для 1830 слушателей. В рамках передвижного музея проводилась лекционная работа. Лекции читались «Декабристы в Забайкалье» на погранзаставах в 1978 г. [Там же, с. 132].

В 1969 г. в связи с необходимостью расширения экспозиционных площадей Читинского краеведческого музея решено в памятнике культовой архитектуры «Старо-Читинская Михайло-Архангельская церковь» открыть филиал. Построенная в 1776 г. бревенчатая церковь в памяти читинцев сохранилась под названием «Церковь декабристов», так как была связана с их пребыванием в Читинском остроге в 1927–1930 гг. Предполагалось, что после ремонта в здании разместится экспозиция по истории города Читы, в дальнейшем на этой основе будет создан Музей декабристов. Экспозиционный проект с названием «История города Читы (1653–1917 гг.)» (тематико-экспозиционный план, графический эскиз, монтажные листы по художественному оформлению экспозиции) разработали заведующий филиалом А. Ф. Сараев (назначен в 1969 г., ранее возглавлял отдел дореволюционной истории Читинского музея) и художник музея И. Н. Букин. Они выезжали в Москву в ведущие музеи для получения консультаций по проектированию и в 1970 г. в ГИМе получили рецензию на представленный ими проект [12, с. 143]. Эта проектная работа нашла отклик среди музейщиков ГИМа, так как в этот период наблюдалось качественное изменение в области музейного проектирования: экспозиционный дизайн становился самостоятельным и престижным видом художественного творчества, сотворчества музейного научного сотрудника и музейного художника [15, с. 170].

Поскольку весомую часть в экспозиции должен был занять раздел, посвященный декабристам, А. Ф. Сараев провёл поисковую работу по данной теме. В ГИМе получил план Читинского острога (Фаленберг, 1830 г.), фотографии по истории Нерчинской каторги (в том числе вид Акатуевской тюрьмы) в 1971 г. Сотрудник ГИМа М. Ю. Барановская передала гербарий «Эдельвейсы», собранный декабристами в Чите в 1827–1830 гг. (подарен ей А. В. Харчевниковым в 1935 г.). На обороте её надпись: «Создаваемому музею декабристов отдаю их 8 июля 1971 года». А. Ф. Сараев вёл переписку с потомками декабристов и сделал сборы по истории декабристского движения: книги, подписанные потомками декабристов, фотокопии с их рисунков [12, с. 143]. Наряду с научно-исследовательской и проектно-экспозиционной работой А. Ф. Сараеву пришлось осуществлять контроль над работами по внутреннему ремонту здания-памятника, за благоустройством территории. Осенью 1971 г. задуманная экспозиция «История города Читы (1653–1917 гг.)» была смонтирована на план-

шетах на втором этаже. Наряду с изобразительными материалами демонстрировались подлинные вещи декабристов, типичные предметы той эпохи, рисунки декабристов – подлинные и копии, полученные из ГИМа. Филиал Читинского краеведческого музея был открыт 1 декабря 1971 г. В декабре его посетило 2 050 чел., состоялось 29 экскурсий. В 1972 г. побывало 21 120 посетителей [Там же, с. 144]. Вместе с А. Ф. Сараевым в филиале работала О. Г. Локотко, позже заведующая научно-просветительного отдела Читинского музея.

Уже в первый год работы филиала стало ясно, что проведённый ремонт недостаточен, здание не соответствует требованиям противопожарной безопасности, что архитектурный памятник нуждается в радикальной научной реставрации. Филиал действовал в течение пяти лет, с 1970 по 1975 г. (в мае 1976 г. здание было закрыто на реставрацию, но посетителей продолжали принимать в условиях постепенно проводившихся строительных работ в 1978–1979 гг.). В 1975 г. здесь развернулась крупная выставка, посвященная 150-летию восстания декабристов (восемь разделов с историей декабризма в России и историей пребывания декабристов в Забайкалье на каторге и поселении) [Там же с. 145]. В тот год, когда с размахом отмечался 150-летний юбилей восстания декабристов на Сенатской площади в Санкт-Петербурге, филиал Читинского музея «Церковь декабристов» посетило 24 164 чел., в том числе в 478 экскурсионных группах – 13 001 [Там же, с. 146]. Заведующая филиалом К. И. Сысоева и научный сотрудник Н. С. Козлова (работали в филиале с 1972 г.) по итогам исследований в Читинском госархиве представили доклады «Культурно-просветительская деятельность декабристов в Забайкалье» и «Материалы декабристов в экспозициях и фондах музея» на конференциях «Декабристы и русская культура» (Иркутск), «Декабристы и Сибирь» (Чита). В Читинском музее на конференции, посвященной указанной дате, состоялась научная конференция, в которой приняли участие студенты ЧГПИ, заочного отделения юридического факультета ИГУ, сотрудники музея и Читинского отделения ВООПИиК [Там же, с. 146]. В газете «Забайкальский рабочий» часто публиковались статьи о декабристах, выставках и научно-просветительной работе филиала «Церковь декабристов». По-прежнему в условиях затянувшейся реставрации здания организовывались временные выставки, например, в 1978 г. – «Пушкин и декабристы», в 1979 г. – «К 175-летию со дня рождения Д. И. Завалишина» с подлинными документами [Там же, с. 145–146].

В рамках исследовательской работы по декабристам К. И. Сыроева в 1978 г. в библиотеках и музеях Ленинграда (Эрмитаж, Пушкинский дом, Государственный музей истории г. Ленинграда и др.) выявила новые документы, письма, изобразительные материалы, адреса потомков декабристов. Для будущего Музея декабристов в Чите были заказаны их качественные художественные копии и муляжи. Такая же работа проведена ею для Музея декабристов в г. Петровск-Забайкальском (создавался в течение 1973–1980 гг. в бывшем доме Е. И. Трубецкой). Судя по отчету, ею было передано около 200 копий акварелей, выполненных ленинградскими художниками с подлинников декабристов, несколько копий миниатюр на фарфоре с портретов декабристов, приобретенных у букинистов 300 книг декабристской эпохи, мебель, фотографии [12, с. 145].

По-прежнему история декабристов на Забайкальской земле демонстрировалась в основной экспозиции Читинского музея. Благодаря сотруднику музея Е. Ф. Калашниковой в 1975 г. создан раздел «Декабристы на поселении» с акцентом на научно-просветительскую и литературную деятельность декабристов на поселении в Забайкалье. Сюда вошли муляжи документов архивов Читы и Иркутска, портреты декабристов, а также подлинные предметы, принадлежавшие декабристам, типичные вещи и книги того времени, официальная переписка о декабристах. Многие материалы данного раздела получены благодаря поисковой работе в архивах музеев и библиотек Ленинграда Е. Ф. Калашниковой. С помощью названных предметов был воссоздан дворянский интерьер (первая половина XIX в.). Этот раздел вошел в экспозицию «Политическая ссылка в Восточном Забайкалье в XIX – начале XX вв.», разработанную в 1972–1973 гг. под руководством заведующей дореволюционным отделом Л. А. Лоницкой. Расширилась лекционная тематика: «Декабристы на каторге и ссылке», «Декабристы в Чите», «Декабристы на поселении», проведен вечер «Дум высокое стремленье» для старшеклассников [Там же, с. 146–147]. В рамках научной обработки документального фонда музея, начавшейся в эти годы, в 1974 г. оформлен фонд декабриста Д. И. Завалишина (1804–1892). Как видим, накопленная за многие годы многими поколениями сотрудников исследовательская база по декабристам к концу 1970-х гг. позволила музею в популяризации их наследия выйти на широ-

кий показ достаточно узких тем. Например, забайкальских страниц биографии того или иного декабриста.

Во второй половине 1970-х гг. продолжались работы по созданию научной основы для будущего Музея декабристов: начатая разработка тематико-экспозиционного плана (ТЭП) К. И. Сыроевой, продолжена Е. Ф. Калашниковой (заведующая филиалом в 1979–1988 гг.). На основе этих проработок была осуществлена телевизионная передача, давшая старт систематической, выходившей десятилетие на Читинском телевидении передачи «Зажгутся свечи в доме декабристов». Постепенно сформировалась вся концепция музея: экспозиционные площади давали возможность вместе с историей декабристов в Забайкалье (автор ТЭП Е. Ф. Калашникова) показать все российское декабристское движение (автор ТЭП Н. С. Козлова, возглавившая Музей декабристов в 1988 г.). Одной из ведущих составляющих музейного творчества стала разработка архитектурно-художественного проекта специалистом Ленинградского отделения комбината живописно-оформительского искусства Г. Г. Кравцовым [10, с. 5]. Продуманы образ интерьеров, способы освещения, применение новейших материалов, цветовое решение, разработаны чертежи и эскизы элементов интерьера и др. Накопленного с 1894 г. экспозиционного материала, который демонстрировался и в постоянной экспозиции Читинского музея, и в его филиале, было недостаточно для создания задуманного мемориального и тематического музея. На новом этапе необходимы были дополнительные сборы, тщательная проработка документальных источников, изготовление качественных копий и муляжей. Исследования в архивах и библиотеках Москвы, Ленинграда, Иркутска, Улан-Удэ, Тобольска, Читы, переписку с потомками декабристов, сборы и приобретения книг, типичных предметов (мебели, элементов интерьера XIX в. и др.) продолжили читинские музейщики Е. Ф. Калашникова и Н. С. Козлова, в 1980–2000-х гг. ставшие одними из ведущих сибирских декабристоведов. После завершившейся в 1983 г. полноценной научной реставрации здания силами специалистов Московского института «Спецреставрация» и Читинского городского ремонтно-строительного треста (с перерывами реставрация продолжалась в течение семи лет) 26 декабря 1985 г. в Чите открылся Музей декабристов. Этот музей один из немногих в России – крупный центр исследования и популяризации наследия декабристов [10; 12].

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. р1545 (фонд «Читинский областной краеведческий музей»). Оп. 1. Д. 3.
2. ГАЗК. Ф. р1545. Оп. 1. Д. 7.
3. ГАЗК. Ф. р1545. Оп. 1. Д. 44.
4. ГАЗК. Ф. р1545. Оп. 1. Д. 68.
5. ГАЗК. Ф. р1545. Оп. 1. Д. 118.
6. Декабристы в Забайкалье. К столетию 14-го декабря 1825 г. Неизданные материалы / под ред. А. В. Харчевникова. Чита: Печатное дело, 1925. 118 с.
7. ЗККМ НА (Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова Научный архив). Дело «Отчет о деятельности Читинского областного музея имени А. К. Кузнецова с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г.».
8. Закаблукловская Н. Н. Из истории Читинского областного краеведческого музея имени А. К. Кузнецова (по отчётам музея 20-х – 30-х годов) // Забайкалье: судьба провинции: материалы науч.-практ. конф. музеев области / ред. Н. Н. Закаблукловская, отв. за вып. А. И. Белобородова. Чита: Чит. обл. краевед. музей им. А. К. Кузнецова, 1994. С. 3–8.
9. Закаблукловская Н. Н. Музейное дело Восточного Забайкалья (конец XVIII – 1930 г.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Вост.-Сиб. гос. акад. к-ры и искусств, 2004. 240 с.
10. Калашникова Е. Ф. Музей декабристов в Чите: каталог-альбом экспозиционных материалов. Чита: Забтранс, 2002. 96 с.
11. Константинова Н. Н. Собирая по крупицам местную историю // Забайкальский рабочий. 2008. 26 июня.
12. Константинова Н. Н. Краеведческий музей в Чите: история (1894–1970-е годы): монография / отв. ред. С. Г. Васильев. Чита: ЗабГУ; Улан-Удэ: Респуб. тип., 2020. 208 с.
13. Константинова Т. А., Куриленко И. В. Культурная жизнь области // Читинская область в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: сб. док. и материалов / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-издательство, 2005. С. 601–606.
14. Краткий отчёт о деятельности Забайкальского отдела Государственного Русского Географического Общества. С 1 мая 1924 года по 1 октября 1926 года. Чита: Печатное дело, 1927. 24 с.
15. Музейное дело России / под ред. М. Е. Каулен, И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. 2-е изд. М: ВК, 2006. 614 с.
16. Негодина И. И. Супница декабриста С. Г. Волконского. История одного экспоната // Декабристские чтения: матер. науч.-практ. конф. II Межрегион. фестиваля «Во глубине сибирских руд...» (г. Петровск-Забайкальский, 25–27 августа 2017 г.). Чита: Чит. гор. тип., 2017. С. 150–156.
17. Обзор деятельности Забайкальского отдела Русского Географического Общества и Краевого музея имени А. К. Кузнецова за тридцать лет (1894–1924) / под ред. А. В. Харчевникова. Чита: Гублит-Гостипография, 1924. 91 с.
18. Отчёт о деятельности Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. 1895. Чита: П. А. Бадмаев Ко, 1896. 41 с.
19. Отчёт Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. 1897. Чита: тип. Бергут, 1899. 79 с.
20. Отчёт Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. За 1902–1906 гг. Чита: Тип. Я. М. Рабинович, 1907. 71 с.
21. Отчёт Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. За 1907–1908 гг. Чита: Тип. т-ва Бергут и Сын: Чита–Харбин: Читинское отделение, 1909. 52 с.
22. Отчёт Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. За 1909–1910. Чита: Паровая Тип. Заб. т-во печатного дела, 1912. 44 с.
23. Рубан Н. И. Музеология. История музейного дела. Музейное дело на Дальнем Востоке России. Основные направления и формы музейной деятельности: учеб. пособие. Хабаровск: Хабаров. краев. краевед. музей им. Н. И. Гродекова, 2007. 320 с.
24. Харчевников А. В. Высылка декабриста Д. И. Завалишина из Читы в 1863 году. По архивным материалам Читинского музея // Декабристы в Забайкалье. Неизданные материалы: к столетию 14-го декабря 1825 г. / под ред. А. В. Харчевникова. Чита: Печатное дело, 1925. С. 48–94.
25. Харчевников А. В. Книжное наследие декабристов в коллекции Читинского музея // Декабристы в Забайкалье. Неизданные материалы: к столетию 14-го декабря 1825 г. / под ред. А. В. Харчевникова. Чита: Печатное дело, 1925. С. 98–111.

Сведения об авторах

Константинова Н. Н. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия, e-mail: asyapogod@yandex.ru

Konstantinova N. N. – Candidate of Historical Sciences, Lead Research Officer of Museum of the Cultural and Natural History of Trans-Baikal Region Named after A. K. Kuznetsov, Chita, Russia, asyapogod@yandex.ru

.....

УДК 94(517)

Монгольская народная партия

Томас Вайраух

г. Хойхельхайм, Германия
dr.thomas.weyrauch@gmx.de

Монгольская народная партия (Монгол Ардын Нам) выступала как важная политическая сила в стране на протяжении длительного периода времени (более чем в сто лет). В процессе своей активной деятельности она определяла судьбу страны в рамках трёх абсолютно разных политических систем. В статье характеризуется история этой народной партии. Особый акцент делается на её функционировании на современном этапе мирового развития. Вывод в статье строится на высказывании, что Монгольская народная партия в политической истории Монголии XX и XXI вв. продолжает свою работу и влияет на политическую систему страны.

Ключевые слова: Демократическая партия Монголии, Великий Хурал, Монгол Ардын Нам, Коалиция Монгольского Демократического Союза, Монгольская народная партия, Революционная партия Монголии

The Mongolian People's Party

Thomas Weyrauch

Heuchelheim, Germany
dr.thomas.weyrauch@gmx.de

The Mongolian People's Party (Mongol Ardyn Nam) has been the most important political force in the country for a long period of time, more than a hundred years. In her work, she determined the fate of the country within the framework of three completely different political systems. The article characterizes the history of the Mongolian People's Party. Attention is focused on its existence at the present stage of world development. The conclusion is made about the special significance of the Mongolian People's Party in the political history of Mongolia in the 20th century. It is noted that she is "alive" today.

Keywords: Democratic Party of Mongolia, Great Khural, Mongol Ardyn Nam, Mongolian Democratic Union Coalition, Mongolian People's Party, Revolutionary Party of Mongolia

When you think of the ruling party of Mongolia in 2022, the Swedish book *Hundraettaringen som smet från notan och försvann* (The 101-Year-Old Man Who Skipped Out on the Bill and Disappeared) by Jonas Jonasson, which became a bestseller in many countries and was even made into a movie. Declared dead several times by political observers, that party has mastered the task of adapting to changing political systems and exercising power most of the time.

The first party on Mongolian soil was the anti-Bolshevik Tans-Baikal Cossack Party (Забайкальская казачья партия), which in reality was not a genuinely Mongolian association, but was founded in 1917 by Zabaikal Cossacks around Baron Roman of Ungern-Sternberg. It was not until 1921 that a party was founded with a truly Mongolian membership, which sought to defend Mongolia, the Bogd Khanate, which had recently become independent, against a Chinese invasion. It was the Mongol Ardyn Nam (Монгол Ардын Нам, Mongolian People's Party) [16: 39–40].

Now that the Soviet revolutionaries had defeated their opponents on Mongolian territory as well, they transformed the Mongolian Bogd Khanate into a state based on their model [8: 13].

Under Soviet influence, the Mongol Ardyn Nam changed its previous policy at its 3rd party congress in August 1924 and altered its name to Mongol Ardyn Huwysgalt Nam (Монгол Ардын Хувьсгалт Нам, Revolutionary Party of the Mongolian People). This was accompanied by the conversion of the Bogd Kanat into the Mongolian People's Republic on November 26, 1924. [2: 165; 4: 231; 8: 13; 12: pp. 475, pp. 578; 13: 794].

With the reorientation of the initially more right-wing Mongol Ardyn Nam to the left-wing Mongol Ardyn Huwysgalt Nam, a transformation in state and society took place in the form of the expropriation of 'feudal' goods, the collectivization of animal husbandry, the expulsion of Chinese traders and the establishment of a Soviet trade monopoly. In an excess, the Mongol Ardyn Huwysgalt Nam expropriated 600 estates and expelled lamas

from their Buddhist monasteries. They imprisoned abbots or killed them. Out of fear, the shepherds slaughtered their livestock, causing famine and the country to the brink of civil war, which Soviet troops nipped in the bud [12: 138].

In the 1930s, the ruler of the party, Khorloogiin Choibalsan, massacred great numbers of the Mongolian civilian population. The repression of the one-party rule under the Mongol Ardyn Huwysgalt Nam continued over the death of Choibalsan in 1952 under his successor Yumjaagiin Tsendenbal and from 1984 Jambyn Batmönkh on [2: pp. 307; 12: pp. xlviii, pp. 16, pp. 704].

This structure could only be maintained for another six years: with the founding of the Mongolyn Ardchilsan Nam (Монголын Ардчилсан Нам, Democratic Party of Mongolia), the Mongolyn Sosial Дьемократ Нам (Монголын Социал Демократ Нам, Social Democratic Party of Mongolia), the Mon Nam (Монгол Үндэсний Ардчилсан Нам, Mongolian National Democratic Party), as well as initially three smaller parties, there emerged an opposition with six new political groups for the upcoming elections [15: pp. 279-280, 285-287, 291-299; 3: 148].

After that peaceful, democratic revolution, the Mongolian Ardyn Huwysgalt Nam (Монгол Ардын Хувьсгалт Нам, Revolutionary Party of the Mongolian People) finally transformed into a social democratic party. Thanks to its nationwide structure, it therefore won the first elections in 1990 [5: 38].

Although the Mongol Ardyn Huwysgalt Nam had a dictatorial past, that party won almost all seats in the election for the Great Hural, namely 357 out of 430¹.

The Mongol Ardyn Huwysgalt Nam held this position even in the 1992 election. The situation only changed with the 1996 elections. With the formation of a Mongolyn Ardchilsan Kholboo (Монголын Ардчилсан Холбоо, Mongolian Democratic Union Coalition), consisting of the National Democrats, the Social Democrats and others, the previous ruling party lost power. With 50 seats out of 76 seats in the Great Hural, the Democratic Union Coalition had the absolute majority and provided the president with Tsakhiagiin Elbegdorj (Цахиагийн Элбэгдорж) [5: 38; 11: pp. 2, pp. 13].

It seemed that the Mongol Ardyn Huwysgalt Nam had won its last election victory in 1992 and its utter decline began with the 1996 election. These expectations were belied by the 2000, 2004

and 2008 elections. This was due to the high expectations voters had of this party. For example, in 2008, before the elections, the Mongol Ardyn Huwysgalt Nam advocated greater prosperity and an increase in gross national income. The welfare system should also be improved, poverty reduced and corruption combated. However, the debate about mineral deposits, i. e. whether they should remain in state ownership or – as the opposition demanded – should be privatized was decisive for the election campaign².

The fact that the election victory of the Mongol Ardyn Huwysgalt Nam did not bring any joy became apparent immediately after the election results were announced: At that time, supporters of the opposition Mongol Ardchilsan Nam had accused the ruling Mongol Ardyn Huwysgalt Nam of election fraud and vote manipulation. Violent clashes followed. Only the formation of a grand coalition between the Mongol Ardyn Huwysgalt Nam and the Mongolyn Ardchilsan Nam was able to calm the tense situation again [10: 94]

Meanwhile, the Mongol Ardyn Huwysgalt Nam resumed its original name Mongol Ardyn Nam in 2010. However, this was not only met with approval. A group led by former party leader, prime minister and president Nambaryn Enkhbayar finally left the Mongol Ardyn Nam and founded a new party in February 2011 under the “old” name Mongol Ardyn Huwysgalt Nam. Enkhbayar became chairman of the new party [10: 98].

In 2012, after a longer period, the Mongolyn Ardchilsan Nam won again, gaining 31 seats in the Great Hural, while the Mongol Ardyn Nam was just behind with 25. The reason for this result laid in the uncertainty of the Mongolian voters by the new electoral system and because of the arrest of Nambaryn Enkhbayar (Намбарын Энхбаяр), the former President and Chairman of the Mongol Ardyn Huwysgalt Nam, on grounds of corruption [10: 94, pp. 100].

That leading position lasted only four years. In 2016, the Mongol Ardyn Nam again won 65 out of 76 seats with a voter turnout of 73%. A split from this party, which bore the former name of the parent party, namely Mongol Ardyn Huwysgalt Nam, won only one seat. In the end, nine seats remained for the Mongolyn Ardchilsan Nam³.

² International Foundation for Electoral Systems (IFES), Election Guide. – URL: <https://www.electionguide.org/elections/id/2655> (дата обращения: 05.02.2022). – Текст: электронный.

³ International Foundation for Electoral Systems (IFES), Election Guide, June 26, 2017. – URL: <https://www.electionguide.org/elections/id/2654> (дата обращения: 05.02.2022). – Текст: электронный; International Foundation for Electoral Systems (IFES), Election Guide, July 9, 2017. – URL: <https://www.electionguide.org/elections/id/3038> (дата обращения: 05.02.2022). – Текст: электронный.

¹ Inter-Parliamentary Union. 2000. – URL: http://archive.ipu.org/parline-e/reports/arc/2219_00.htm (дата обращения: 05.02.2022). – Текст: электронный; Inter-Parliamentary Union. 2004. – URL: http://archive.ipu.org/parline-e/reports/arc/2219_04.htm (дата обращения: 05.02.2022). – Текст: электронный; Inter-Parliamentary Union. 2008. – URL: http://archive.ipu.org/parline-e/reports/arc/2219_08.htm (дата обращения: 05.02.2022). – Текст: электронный.

The 2017 presidential elections, which required two ballots, deviated from the dominance of the Mongolian Ardyn Nam with a voter turnout of initially 68%, but then only 56 % for the runoff. Khaltmaagiin Battulga (Халтмаагийн Баттулга), the Mongolian Ardchilsan Nam candidate, ultimately won with 611,226 votes or 55 %. Despite the low participation in the second ballot, he was able to gain 93,998 votes compared to 517,478 in the first ballot¹.

The parliamentary elections of June 24, 2020 confirmed the great popularity of the Mongolyn Ardyn Nam with 62 seats (1,795,793 votes). With eleven seats (978,890 votes), the Mongolyn Ardchilsan Nam had no choice but to perch on the hard benches of the opposition.

As a result, the party was able to assert itself in the 2021 presidential elections, where turnout was low. Ukhnaagiin Khürelsükh (Ухнаагийн Хүрэлсүх), the candidate of the Mongolyn Ardyn Nam prevailed against the two opposing candidates with 823,326 votes, i. e. 72 %².

The Mongol Ardyn Nam thus has a turbulent history of 101 years. Among them were some political explosions that would have delighted the centenarian movie hero Allan Karlsson. But the party has ruled Mongolia most of the time and is as alive as she was in 1921.

Mongolian National Elections		
	Parliament	President
1990	Mongol Ardyn Huwysgalt Nam (Revolutionary Party of the Mongolian People)	Punsalmaagiin Ochirbat (Mongol Ardyn Huwysgalt Nam)

1992	Mongol Ardyn Huwysgalt Nam	
1993		Punsalmaagiin Ochirbat (Mongolyn Sotsial Demokrat Nam - Mongol Ündesnii Ardchilsan Nam)
1996	Mongolyn Ardchilsan Kholboo (Democratic Union)	
1997		Natsagiin Bagabandi (Mongol Ardyn Huwysgalt Nam)
2000	Mongol Ardyn Huwysgalt Nam	
2001		Natsagiin Bagabandi (Mongol Ardyn Huwysgalt Nam)
2004	Mongol Ardyn Huwysgalt Nam	
2005		Nambaryn Enkhbayar (Mongol Ardyn Huwysgalt Nam)
2008	Mongol Ardyn Huwysgalt Nam	
2009		Tsakhiaagiin Elbegdorj (Mongolyn Ardchilsan Nam)
2012	Mongolyn Ardchilsan Nam) (Democratic Party)	
2013		Tsakhiaagiin Elbegdorj (Mongolyn Ardchilsan Nam)
2016	Mongol Ardyn Nam	
2017		Khaltmaagiin Battulga (Mongolyn Ardchilsan Nam)
2020	Mongol Ardyn Nam	
2021		Ukhnaagiin Khürelsükh (Mongol Ardyn Nam)

Literature

1. Asien (Zeitschrift). Editor: Deutsche Gesellschaft für Asienkunde. Hamburg: Deutsche Gesellschaft für Asienkunde, 1981. URL: <http://asien.asienforschung.de> (дата обращения: 21.02.2022). Текст: электронный.
2. Barkmann U. B. Geschichte der Mongolei oder Die „Mongolische Frage“. Die Mongolei auf ihrem Weg zum eigenen Nationalstaat. Bonn: Bouvier, 1999. 422 p.
3. Bruun Ole, Odgaard Ole. Mongolia in Transition: Old Patterns, New Challenges. Abingdon / Oxon: Routledge, 1996. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Mongolia-in-Transition%3A-Old-Patterns%2C-New-Bruun-Odgaard/2007dd762bf780471e49aa583134759cac2a1726> (дата обращения: 21.02.2022). Текст: электронный.
4. Buttler W. E. The Mongolian Legal System: Contemporary Legislation and Documentation. The Hague – Boston – London: Martinus Nijhoff, 1981. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Mongolian-legal-system-%3A-contemporary-and-Chiu/2380bfa7553bf01dc643f6622dcbd7aa2712237e> (дата обращения: 21.02.2022). Текст: электронный.
5. Dalaibuyan B. Formal and Informal Networks in Post-socialist Mongolia: Access, Uses, and Inequalities. – Текст: электронный // Dierkes, Change in Democratic Mongolia. p. 31–39. URL: https://www.researchgate.net/publication/302192284_Forma_and_informal_networks_in_post-socialist_Mongolia_Access_uses_and_inequalities (дата обращения: 21.03.2022).

¹International Foundation for Electoral Systems (IFES), Election Guide, June 26, 2017. – URL: <https://www.electionguide.org/elections/id/2654> (дата обращения: 05.02.2022). – Текст: электронный; International Foundation for Electoral Systems (IFES), Election Guide, July 9, 2017. – URL: <https://www.electionguide.org/elections/id/3038> (дата обращения: 05.02.2022). – Текст: электронный.

²International Foundation for Electoral Systems (IFES), Election Guide. – URL: <https://www.electionguide.org/elections/id/3693> (дата обращения: 05.02.2022). – Текст: электронный.

6. Dierkes J. Change in Democratic Mongolia: Social Relations, Health, Mobile Pastoralism, and Mining. Leiden: Brill 2012. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Change-in-democratic-Mongolia-%3A-social-relations%2C-Dierkes/e413eee6bd972a6d132c59ef6863fdf652eb2b05> (дата обращения: 21.02.2022). Текст: электронный.
7. Fukui Haruhiro. Political Parties of Asia and the Pacific. Bd. 1. Westport. Connecticut; London: Greenwood Press, 1985. – 1346 p.
8. Gilberg R., Svantesson J.-O. The Mongols, their Land and History. p. 5–11. URL: https://www.researchgate.net/publication/231813452_Jan-Olof_Svantesson_Anna_Tsendina_Anastasia_Karlsson_and_Vivan_Franzen_2005_The_phonology_of_Mongolian_The_Phonology_of_the_World's_Languages_Oxford_Oxford_University_Press_Pp_xix314 (дата обращения: 21.03.2022). Текст: электронный.
9. Inter-Parliamentary Union 1990. URL: http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2219_90.htm (дата обращения: 31.01.2022). Текст: электронный.
10. Maškarinec P. Die Parlamentswahlen in der Mongolei vom 28. 2012. No. 125. p. 94–103.
11. OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (OSCE/ODIHR) and the European Parliament (EP): International Election Observation Mission: Mongolia – Parliamentary Elections, 29 June 2016. Ulaanbaatar: OSCE, 2016. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/9/a/271821.pdf> (дата обращения: 21.02.2022). Текст: электронный.
12. Sanders J. K.: Historical Dictionary of Mongolia. 3. Aufl., Lanham – Toronto – Plymouth: Scarecrow, 2010. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Historical-dictionary-of-Mongolia-Sanders/f8565c3ed0856b03f2582aeec05fc9537950a43e> (дата обращения: 21.02.2022). Текст: электронный.
13. Schwarz H. G. Trans-Baikal Cossack Party // In: Fukui, Political Parties of Asia and the Pacific. Vol. 2. P. 794. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Political-parties-of-Asia-and-the-Pacific-福井/c3ed9f8538ee80c0c4f403fde0a404893477f485> (дата обращения: 21.02.2022). Текст: электронный.
14. Transbaikal State University: Zabaikal Cossacks: History and Modernity = Забайкальское казачество: история и современность. Chita: Transbaikal university, 2018. 216 p.
15. Weyrauch T. Die Parteienlandschaft Ostasiens. Geschichtliche Hintergründe, politische Zusammenhänge. Heuchelheim: Longtai, 2018. 436 p.
16. Weyrauch, T. The Zabaikal Cossacks: Harbingers of Mongolia's Political Parties. Chita: Transbaikal university, 2018. p. 39–40.

Сведения об авторах

Вайраух Т. – внештатный учёный, офис Министерства внутренних дел Германии, г. Хойхельхайм, Германия, e-mail: dr.thomas.weyrauch@gmx.de

Weyrauch T. – Freelance Scientist at the Office of the German Ministry of the Interior, Heuchelheim, Germany, dr.thomas.weyrauch@gmx.de

.....

Перечень требований и условий публикации статей

Представленные к публикации материалы должны иметь научный характер, обладать новизной. Опубликованные ранее материалы к публикации не принимаются.

Правила оформления статьи:

- формат страницы: А 4 (210x297);
- текст набран в редакторе Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman, кегль 12;
- без переносов;
- межстрочный интервал – одинарный;
- поля (левое, правое, верхнее, нижнее) – 2 см;
- абзацный отступ – 1,25 см (при создании абзацев не пользоваться табуляцией и пробелами), выравнивание текста по ширине;
- ориентация – книжная, без простановки страниц, желательно без постраничных сносок;
- графики, таблицы, рисунки – черно-белые, без цветной заливки;
- фотографии и рисунки в формате JPEG, с подписями;
- учитывать разницу между знаками «тире» и «дефис»;
- сокращения в тексте статьи оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.12–2011;
- инициалы в статье пишутся перед фамилией (И. И. Иванов), в списке литературы после фамилии (Иванов И. И.);
- ссылки на литературу и внутритекстовые источники, оформляются по ГОСТу 7.0.100–2018.

Пример: [3, с. 35–38], [4], [2, с. 41; 6, с. 45–46], [8, л. 12; 9, л. л. 9–11; л. л. 8–8об.]. Список литературы указывается в конце, в алфавитном порядке.

Объём представляемой к публикации статьи или тезисов – до 10 страниц.

Краткая аннотация статьи на русском и английском языках. Аннотация должна содержать краткую характеристику статьи: актуальность, результаты исследовательской работы.

Размер аннотации – 5–7 строк;

Ключевые слова и фразы на русском и английском языках (не менее 5–7).

На первой странице указывается название статьи или тезисов, жирным шрифтом, строчными буквами (на русском языке).

Через пробел по центру фамилия, имя, отчество автора(-ов) (полностью) жирным шрифтом, курсивом.

Без пробела место работы (полностью) обычным шрифтом, курсивом.

Без пробела город, страна обычным шрифтом, курсивом.

Через пробел аннотация с отступом (на русском языке).

Без пробела ключевые слова с отступом (на русском языке).

Через пробел название статьи или тезисов жирным шрифтом, строчными буквами (на английском языке).

Через пробел по центру фамилия, имя, отчество автора(-ов) (полностью) жирным шрифтом, курсивом (на английском языке).

Без пробела место работы (полностью) обычным шрифтом, курсивом (на английском языке).

Без пробела город, страна обычным шрифтом, курсивом (на англ.).

Через пробел аннотация с отступом (на английском языке).

Через пробел ключевые слова с отступом (на английском языке).

Через пробел текст статьи или тезисов с отступом 1,25 см.

После текста статьи или тезисов через пробел жирным шрифтом по центру «**Список литературы**».

После списка литературы указываются сведения об авторе(-ах) (на русском и английском языках).

Образец оформления статьи

Спорные аспекты истории русской православной церкви в Забайкалье в 1920-е годы

Иван Иванович Иванов

Забайкальский государственный университет, г. Чита
e-mail: 1234....@yandex.ru

Аннотация (на русском языке)...

Ключевые слова (на русском языке): ...

Controversial Aspects of the History of the Russian Orthodox Church in Zabaikalye in 1920-s

Ivan I. Ivanov

Transbaikal State University, Chita
e-mail: 1234....@yandex.ru

Аннотация (на английском языке)...

Ключевые слова (Keywords) (на английском языке): ...

Текст статьи...

Список литературы

Сведения об авторах:

.....
Дроботушенко Е. В. – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: DRZZ@yandex.ru

Drobotushenko E. V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, the Dean of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, DRZZ@yandex.ru
.....

Образец оформления списка источников и литературы

Список литературы

1. Архиереи Арзамасского викариатства (1920–1937). Текст: электронный // Благочиние города Арзамаса. URL: <http://arzblag.ortox.ru/blagochinie/istoriya/deyateli-cerkvi/arkierei-arzamasskogo-vikariatstva-1920-1937-g> (дата обращения: 14.01.2021).
2. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р6343. Оп. 1. Д. 234.
3. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1.
4. Косых В. И. Забайкальская епархия 1908–1923 гг. Чита: ЗабГПУ им. Н. Г. Чернышевского, 2007. 204 с.
5. Ланцова Ю. Н. Положение восточных рабочих в Забайкалье в 1920 – начале 1930-х гг. // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф. В 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2016. Ч. 2. С. 98–101.
6. Саввин Д. В. Епископ Селенгинский Софроний (Старков): архипастырь эпохи великих перемен и потрясений // Вестник церковной истории. 2009. № 1–2. С. 173–202.
7. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2009. 42 с.
8. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917– 1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): дис ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2009. 491 с.
9. Rutt R. The Orthodox Church in Korea // *Sobornost*. Summer 1957. № 3. P. 480–490.
10. Zernov N. *The Russian Religious Renaissance of the XX Century*. London: Harper & Row Harper & Row, 1963. 410 p.